

НАДЕЖДА

ХРИСТИАНСКОЕ
ЧТЕНИЕ

ВЫПУСК 5

*Господи, устне мои отверзеши,
и уста моя возвестят хвалу Твою.*

НАДЕЖДА

Христианское Чтение

ВЫПУСК 5

НАДЕЖДА

Составитель сборника
Зоя Крахмальникова

Обложка работы художника Адама Русака

© Possev-Verlag, V. Gorachek K. G., 1981
Frankfurt/Main
Printed in Germany

К ЧИТАТЕЛЯМ „НАДЕЖДЫ”

Сегодня с Божьей помощью готова пятая часть „Надежды”.

Она собиралась Великим Постом 1979 года.

Теперь, когда читателями „Надежды” прочтены четыре части, а у нас сложился некоторый опыт составления, мы можем обозначить задачи и особенности „Надежды”.

Это — не журнал, не альманах, не сборник. „Надежда” это Христианское Чтение.

Что же такое Христианское Чтение? И отличается ли оно сегодня от Христианского Чтения, издаваемого в дореволюционной России?

Да, отличается, так как адресовано человеку, пережившему или переживающему безверие, насаждаемое в его душе с детства и сопровождающее его всю сознательную жизнь. Поэтому Христианское Чтение сегодня это — особая словесность, особая культура, которая никак не ограничивается каким-либо одним видом христианской проповеди: будь то святоотеческая литература, пастырские наставления, жития святых и праведников, молитвенное творчество и т. д. Христианское Чтение в том виде, в каком оно представлено в „Надежде”, несет в некотором роде задачи универсального характера, ибо дает духовное знание о Боге и человеке в различных видах су-

ществования слова, призванного Самим Богом — Словом свидетельствовать о Боге как о Реальности и о жизни человека, постигающего Бога как Реальность. Так, Христианское Чтение вмещает в себя чрезвычайно много. Таким чтением служат и свидетельства о жизни во Христе, и наставления в вере и молитвенной жизни, и философия, и богословие, и поэзия, и проза.

Христианское Чтение адресовано всем, ищущим надежду на спасение, на какой бы ступени духовной жизни ни находились жаждущие этой надежды. И потому, составляя Христианское Чтение, мы стараемся удовлетворить по мере сил запросы ищущих Бога и тех, кто уже нашел Его. Знакомые нам читательские суждения убеждают нас, что интересы и потребности читателей „Надежды” многосторонни и различны, поэтому наш подбор текстов, как правило, зависит от возможности выбрать для каждого читателя необходимое ему.

Христианство — не музей, не „антиквариат”, это — живая, вечносовременная жизнь человеческого духа. Наш Бог не есть Бог мертвых, но Бог живых, и Отцы Церкви, мученики и праведники, вечно живы для нас, наша связь с ними нерасторжима, и проявляется эта связь и преемственность в духовном творчестве. Поэтому мы и дерзаем наряду с творениями Отцов, великих пастырей Церкви помещать плоды современного нам духовного творчества, тем самым подчеркивая эту живую духовную связь.

Христианское Чтение вмещает в себя вечно живую культуру, цель которой служить Преображению и Воскресению.

Эта культура может стать надеждой сегодняшней России, семена, посеянные ею, дадут, мы верим в это, драгоценные всходы.

Эта культура категорически отличается от секуляризованной и мифотворческой культуры современного мира, отличается по содержанию, форме, эстетике, но прежде всего она отмечена принципиально иным отношением к Богу, к миру, к человеку. Естественно, что задачи „душевной“, мифотворческой культуры и задачи и с т и н н о й духовной культуры, свидетельствующей о жизни человека во Христе, различны. Эстетическое наслаждение, пробуждение чувств, служение миру чувств — все эти цели „душевной культуры“ являются побочными для духовного творчества, оно отрицается от „эстетических стандартов“, установленных в мифологической культуре, знающей Христа как миф и потому предлагающей человеку не реальную, а превратную картину мира.

Предлагая читателям Христианского Чтения вечно творимую человеческим духом христианскую культуру, утверждающую нашу надежду на спасение и воскресение, мы еще раз призываем всех любящих Слово Божие и желающих исполнить завет Христа „идите и проповедуйте!“ свидетельствовать о Христе в слове, записывая свой духовный опыт, разыскивая свидетельства ушедших от нас, и составлять Христианское Чтение для духовного просвещения, несущего надежду России.

Лазарева Суббота, 1979

Пресвятая Богородице, моли Бога о нас!

МОЛИТВЫ ПРЕСВЯТОЙ БОГОРОДИЦЕ

Из Псалтири Ефрема Сириянина

К Богородице – об очищении от страстей и внутреннем благонастроении.

Пресвятая Владычица Богородица, единая чистейшая душою и телом, призри на меня, мерзкого, нечистого, душу и тело очернившего скверною страстной и сластолюбивой жизни моей, очисти страстный мой ум, непорочными соделай и благоустрой блуждающие и слепотствующие помыслы мои, приведи в порядок чувства мои и руководствуй ими, освободи меня от мучительствующего надо мною злого и гнусного навыка к нечистым предрасудкам и страстям, остави всякий действующий во мне грех, омраченному и окаянному уму моему даруй трезвение и рассудительность для исправления моих поползновений и падений, чтобы, освободившись от греховной тьмы, сподобился я с дерзновением прославлять и песнословить Тебя, единую истинную Матерь истинного Света – Христа, Бога нашего; потому что Тебя с Ним и о Нем благословляет и славит всякая невидимая и видимая тварь.

К Богородице – сам не имею дерзновения; помолись Ты, скорая Помощница.

Дева Владычица Богородица, Препоблагословенная и Богоблагодатная, приклони ухо Твое и выслушай слова мои, произносимые скверными

и нечистыми устами моими. Не презри меня, бедного, непусти до конца погибнуть мне, недостойному рабу Твоему, но употреби матерние Твои молитвы и исцели окаянную мою душу, немилосердно сокрушенную лукавыми моими страстями. Злый враг, сокрушив ее грехами сластолюбия, поправил в прах. Потому, исполненный всякого стыда, не смею я, и лица не имею, чтобы у человеколюбивого Бога моего просить прощения во множестве грехов и уврачевания неисцельных моих язв. Ибо осквернил я храм телесный, непотребными пожеланиями своими внес в него множество нечистот и все чувства повредил непозволительными делами. Почему не имею дерзновения воздеть к небу руки, оскверненные худыми занятиями. Посему пред Твоими неизреченными щедротами, Всенепорочная Владычица, повергаюсь я, бедный и блудный. Ибо нет у меня иного прибежища, кроме Тебя, единственного моего утешения и скорой защиты. На Тебя уповаю: не оставь меня. Приятны прошения Твои едиnorodному Сыну Твоему; радуется Он ходатайством Твоим и скоро исполняет Твои о нас молитвы. Не презри меня, беднейшего; и непотребство дел моих да не пресечет безмерной милости Твоей, Богородице. Приими сие ничтожное прошение мое и матерними Твоими молитвами соделай его благоприятным Сыну Твоему и Богу, небесного царства сподобив меня, хвалящего и благословляющего Отца и Сына и Святого Духа.

К Богородице — о руководстве в жизни и заступлении в смерти.

Дево, Владычице Богородице, носившая во

чреве Христа Спасителя и Бога нашего, на Тебя возлагаю всю надежду, на Тебя уповаю, высшую всех небесных сил. Ты, Пречистая, охраняй меня всесильными молитвами Твоими.

Управь жизнь мою и путеводствуй согласно со святою волею Сына Твоего и Бога нашего.

Даруй мне оставление грехопадений, будь мне прибежищем, покровом, защитой и руководительницею, препровождающею в жизнь вечную.

В страшный же час смертный не оставь меня, Владычица моя, но ускори на помощь мне, исхити меня из горького мучительства бесов. Ибо в произволении Своем имеешь и силу соделать сие, как воистину Матерь Божия и над всеми владычествующая.

Не переставай умолять и за всех нас недостойных рабов Твоих, чтоб избавиться нам от всякой козни лукавого и от всякой крайности, и соблюстись неуязвленными при всяком ядовитом приращении.

И даже до конца молитвами Твоими сохрани нас неосужденными, да, спасенные Твоим заступлением и Твоею помощью, всегда будем воссылать славу, хвалу, благодарение и поклонение Единому в Троице Богу, Создателю всех.

К Богородице – о внутреннем духовном благонастроении.

Благая Матерь всеблагого Бога, призри милостивым оком Твоим на молитву недостойного раба Твоего и даруй мне сокрушение, тишину помыслов, постоянство мысли, ум целомудренный, трезвение души, смиренный образ мыслей, святослепное настроение духа, нрав благоразумный

и мир душевный, который Господь даровал ученикам Своим.

Изгладь рукописание грехопадений моих, рассеки облаки печали моей, мглу и смятение помыслов; удали от меня бурю и смятение страстей, расшири сердце мое духовным расширением, возвесели меня радостью и даруй, чтобы правыми путями заповедей Сына Твоего шел я верно и с неукоризненною совестью проходил непоползновенное житие.

Даруй мне, молящемуся пред Тобою, и чистую молитву, чтобы невозмутимым умом и неблуждающим размышлением всегда приносил я молитву в честь, славу и величание единородного Сына Твоего, Господа нашего Иисуса Христа.

К Богородице — о даровании покаяния.

Умоляю Тебя, Родительница невечернего Света, внемли, что поведаю пред Тобою!

В тине погрязая я, окаянный, весь покрыт нечистотами, весь омрачился. И землю осквернил я множеством грехов своих, Владычица моя; посему, воздыхая, вопиет Она теперь на меня неподкупному Судии, призывая во свидетели и небо со звездами, и солнце.

А буря помыслов моих погружает уже меня в отчаяние... Все упование мое на Тебя, Богородица, возложил я, блудный. Ты одна, чревоносившая Избавителя мира, разреши неразрешимые узы мои; Ты очерненного меня и сделавшегося тьмою убели слезами покаяния; Ты, рождающая жизнь мою, воскреси меня, умерщвленного великою беспечностью, и отчужденного от Бога и от Ангелов возведи к ним, Богородица!

Страшное, подлинное чудо! Как Господь терпел грехи мои! Как тотчас живого еще не свел меня, бедного, на дно адово! Как не послал свыше невидимого жезла или меча — поразить меня... Без сомнения Ты, Владычица, ходатайствами Своими даровала мне жизнь, взыскав моего покаяния, которое Сама, Преплагая, и подай мне, рабу Твоему; ибо Ты — моя стена, пристань и ограда.

К Богородице — с исповеданием приснодевства Ее и молитвою о достойном причащении Св. Таин.

О, Матерь Божия, превысшая всякого ума и слов! О, Дева, несравненно превзошедшая всякое девство, потому что и до Божественного рождения была Ты девою паче всех дев — и таковою же пребыла в самом рождении и по рождении!

Тебя, Владычица, прошу, Тебя умоляю, милосердную и человеколюбивую Матерь милосердного и человеколюбивого Бога — и в сей час защити меня, если когда, то теперь наиболее нуждающегося в Твоем покрове и в Твоей помощи.

Весь я — нечистота и духовная тина, весь жилище душепагубных страстей, и намереваюсь приступить к пречистым и страшным Тайнам Сына Твоего и Бога, а потому мучусь страхом и объемлюсь трепетом, по причине нестерпимого множества грехов моих.

Но если остаюсь когда без причащения, под предлогом своего недостойнства, то впадаю в большую глубину зол и подвергаю себя большим наказаниям. Тесно мне в этом и другом случае.

К Тебе прибегаю, будь благосерда ко мне, пренепорочная Владычица моя. Употребив матернее

дерзновение пред Сыном Твоим и Богом, испроси мне оставление прежних грехопадений, сподоби меня очиститься и просветиться приобретением сих Таин и укажи мне путь, — как остаток жизни своей проводить в покаянии, чистоте и смирении, со мною всегда пребывая в делах, словах, помыслах и во всех душевных и телесных движениях, давая мне направление, предшествуя мне, руководствуя мною, отражая от меня сопротивные силы и, как раба, хотя и непотребного, всеми мерами снабжая и охраняя Твоею благодатью.

К Богородице. — Хоть нечист я, прими молитву, дай покаяться и на суде защиты.

Всепетая и всеблагая Владычица, источник милосердия, бездна человеколюбия! Хотя нечист я и предан миру прелюбодейному и мятежному, нерадив и в мысли, и в делах, и в произволении, блудно иждиваю жизнь свою; но Ты, как чадолубивая и сострадательная Мать Божия, не погнушайся мною, грешным и блудным, предвари принять прошение, приносимое Тебе скверными моими устами, и Твоими благоприятными и всеблагими молитвами милостивым ко мне содейлай Судию.

Отверзи мне благосердие щедролубивого Сына Твоего, умоли презреть грехопадения мои, направь помысл мой к покаянию, покажи во мне искусного делателя заповедей Его, не попусти стать мне снедию растлителя душ — дьявола; но ходатайством Твоим обнови меня, состарившегося во множестве грехов, исправь обветшавшую жизнь мою, чтоб, имея ходатайницу Тебя, Преблагую, небоязненно мог я предстать Судии и

избежать страшного мучения. Ходатайством Твоим сделай меня наследником славы, умоляя Творца моего, да улучу оную.

К Богородице – о заступлении в жизни, смерти и по смерти.

Дево Владычица, Матерь человеколюбивого Бога! Приведи в сокрушение сердце мое и смири его, наполни очи мои спасительными слезами и просвети их светом молитв Твоих, да не усну в смерть.

Окропи и очисти меня иссопом милосердия Твоего, омой меня слезами моими, да паче снега убелюся.

Ей, Матерь Господа моего Иисуса Христа, прими сие униженное мое исповедание и мольбу мою, плени ум мой и остаток жизни моей соблюди в покаянии без соблазна.

Во времена исхода смиренной души моей из тела, когда – увы мне! – при вратах будет у меня слово со врагами, тогда, Владычица, возри на меня милостивым оком Твоим, освободи меня от немилосердных истязателей и страшных приставников князя века сего, будь моею защитницею и уничтожь тогда все рукописания грехов моих. Непостыжденным и спасенным приведи меня к престолу Сына Твоего и безначального Отца Его и Всявятого Духа – единой светоначальной и единосущной Троицы.

МОЛИТВА ПРЕСВЯТОЙ БОГОРОДИЦЕ

Пресвятая Владычице, зриши горе наше.

Тебе отверсты Сыном Божиим судьбы все.

Ты, Владычице, почиталась во всех краях Руси, в последних пределах России. Ты осватила мир Своим покровом спасающих милостей. Сердца народов России молят Тебя: спаси нас. Иного упования не желает, не ищет смиренная и изнемогающая душа Твоих бедствующих детей. Ты молишься, о Приснодева, да приблизимся к Богу, чтобы очиститься нам слезами покаяния, как наши древние, славные народы осветились струями вод Днепра.

Ты Себя являешь смиренным, и Твоя всемогущая сила спасает Тя чтущих. Ты понудила избранных Своих с верой, с терпеливой надеждой молиться за печальные, скорбные народы России. Ты открыла всякой душе непреложное обетование, что спасение от растлевающего мир зла изойдет из русских земель. О Пречистая Дева, исцели благодатью Духа Святого, воскресившей из запечатанного гроба Иисуса Христа, да восстанем и мы славить святое имя Отца, Сына и Святого Духа едиными устами и сердцами во всех местах мира. Аминь.

Эта молитва создана одним из русских молитвенников Великим Постом 1979 года. Распространяется в России. — Сост.

О МОЛИТВЕ И ТРЕЗВЕНИИ

Из творений святых Отцов

Преподобного Нила, подвижника Синайского, Исихия, пресвитера Иерусалимского, Преподобного отца нашего Филофея Синайского, Святого Исаака Сирианнина.

ПРЕПОДОБНЫЙ НИЛ, ПОДВИЖНИК СИНАЙСКИЙ

1. Молись во-первых о том, чтоб очиститься от страстей, во-вторых о том, чтоб избавиться от неведения и забвения, и в-третьих о том, чтоб избавлену быть от всякого искушения и оставления.

2. Ищи в молитве своей только правды и Царствия, т. е. добродетели и ведения, и прочее все *приложится тебе* (Мф. 6, 33)

3. Праведно — не только о своем очищении молиться, но и об очищении всякого соплеменника, в подражание Ангельскому образу (молитвы).

4. Демон очень завидует человеку молящемуся и всячески ухитряется уклонить его от на-

Из книги „Святоотеческие наставления о молитве и трезвении или о внимании в сердце к Богу”.

мерения его: поэтому не перестает возбуждать посредством памяти помыслы о разных вещах и посредством плоти приводить в движение все страсти, чтоб только помешать как-нибудь прекрасному его шествию (т. е. труду молитвенному), и к Богу преселению (восхождению вниманием).

5. Когда вселукавый демон, при всех своих проделках, не успеет воспрепятствовать молитве рачительного (молитвенника), тогда немного послабляет (свои нападки), но зато потом, когда кончит он молитву, отмщает ему. Ибо или воспламенив его гневом, уничтожает то прекрасное настроение, которое приобретается молитвою, или раздражив какую бессловесную страсть (позывы к чувственным удовольствиям), посмеивается над умом.

6. Вся, непрестанно ведомая между нами и нечестивыми демонами брань, не из-за чего другого бывает, как из-за духовной молитвы: ибо она очень им противоборственна и не сносна, а нам спасительна и благоприятна.

7. Для чего демонам хочется возбуждать в нас (своим воздействием) чревоугодие, блуд, сребролюбие, гнев, злопамятство и прочие страсти? Для того, чтоб ум, одевшись от них, не мог молиться, как должно: ибо страсти бессловесной нашей части, взяв силу, не позволяют уму действовать словесно (как требуется от разумного).

8. Когда ум твой, пламенея желанием к Богу, мало-помалу, как бы отрешается от плоти, и отворачивается от всех помышлений, исходящих от чувственных впечатлений, или из памяти, будучи

вместе с тем полон благоговения и радости, тогда заключай, что он приблизился к пределам молитвы.

9. Святой Дух, сострадая к нашей немощи, посещает нас и когда бываем мы еще нечисты: и если только найдет ум наш искренно ему молящимся, находит на него, и разгоняет всю окружающую его толпу помыслов или представлений (делает, что она исчезает), а в нем возбуждает любовь к духовной молитве.

ИСИХИЙ, ПРЕСВИТЕР ИЕРУСАЛИМСКИЙ, К ФЕОДУЛУ

1. Трезвение есть духовное художество, которое, если постоянно и усердно проходить его, всеконечно с Божией помощью, избавляет человека от страстных помыслов и слов и от худых дел; дарует тому, кто его проходит, твердое разумение Бога непостижимого, сколько сие достижимо, и сокровенно подает решение сокровенных божественных тайн; есть оно так же исполнительница всякой заповеди Ветхого и Нового завета и подательница всякого блага будущего века. Само же оно есть собственно чистота сердца, которая по величию своему и своей добротности, или истиннее сказать, по нашему невниманию и нерадению, крайне редет ныне у монахов; между тем как Христос ублажает ее, говоря: *блаженни чистии сердцем, яко тии Бога узрят* (Мф. 5, 8). — Будучи таковым оно и покушается дорогою ценою. — Трезвение, если оно постоянно пребывает в человеке, делается для него путеводитель-

ницею правой и богоугодной жизни. Ее есть плод и нахождение созерцания; она же научает нас право приводить в движение троечастность души, она твердо хранит чувства, и каждодневно в причастнике своем возвращает четыре главные добродетели (мудрость, мужество, воздержание и справедливость).

2. Трезвение есть путь всякой добродетели и заповеди Божией; оно называется также сердечным безмолвием и есть то же, что хранение ума, дошедшего до совершенства немечтательности.

3. Внимание есть непрестанное от всякого помысла безмолвие сердца, в коем оно Христом Иисусом, Сыном Божиим и Богом, и Им одним всегда, непрерывно и непрестанно дышит, Его призывает, с Ним мужественно ополчается против врагов, и Ему, имеющему власть оставляти грехи, исповедует (свои прегрешения). Такая душа, часто в сокровенности, объемлет чрез призывание Христа, Единого испытующего сердца, от людей же всех пытается всячески скрыть свою сладость и свой внутренний подвиг, чтоб враг лукавый как-нибудь скрытно не поблагопоспешествовал в ней греху и не уничтожил прекрасного ее делания.

4. Состав морей — множество вод; а состав и твердь трезвения, бодренности и углубленного безмолвия души, равно как бездна созерцаний дивных и неизреченных и разумного смирения, правоты и любви, есть (само же одно) крайнее трезвение и ко Иисусу Христу без помыслов молитва, и притом — сплошная, денно-нощная, при-трудная, без уныния и скучания (Лк. 18, 1).

5. Тому, кто подвизается внутри, в каждое

мгновение надобно иметь следующие четыре (дела): смирение, крайнее внимание, противоречие (помыслам) и молитву. Смирение, чтобы, так как брань у него идет с соперниками — гордыми демонами, всегда иметь в руке сердца помощь Христову, ибо Господь ненавидит гордых. Внимание, чтобы всегда держать сердце свое не имеющим никакого помысла, хотя бы он казался добрым. Противоречие, дабы, как только острозоркостью ума уразумеешь, кто пришел, тотчас с гневом воспротиворечить лукавому, как говорится: *и отвечаю поношающим ми слово* (Пс. 118, 42), *не Богу ли повинется душа моя* (Пс. 61, 1)? — Молитву: дабы после противоречия тотчас из глубины сердца возопить ко Христу в воздыхании неизглаголанном. И тогда сам подвигающийся увидит, как поклоняемый Именем Иисуса враг его с своим мечтанием расточится и отогнан будет, как прах ветром, или исчезнет, как дым.

6. Дерзновенно убо да уповаеет душа на Христа, да призывает Его и отнюдь да не страшится: ибо не одна воует, но с страшным царем Иисус-Христом, Творцом всего сущего, бестелесного и телесного, видимого и невидимого.

7. Как дождь, чем в большем количестве ниспадает на землю, тем более умягчает ее: так и землю сердца нашего радует и веселит святое имя Христово, нами возглашаемое, чем чаще оно призывается.

8. Ум с умом сплетается в борьбе, — ум демонский с нашим. Потому каждую минуту нужно из глубины души взывать ко Христу, да отженет ум демонский, знамения же и славу победы да дарует нам, яко Человеколюбец.

9. Есть много действий ума, могущих снискать нам благий дар смиренномудрия, если не будем нерадеть о своем спасении, как-то: воспоминание согрешений, словом, делом и помышлением, и другое премногое, умозрительно представляемое, споспешествует к смиренномудрию. Впечатлевает истинное смирение и то, когда кто непрестанно вращает в уме добродетели ближних и другие их естественные преимущества превозносят, сравнивая свое с ихним. Видя — таким образом — ясно в уме своем свою худость и то, сколько отстоит он от совершенства братьев, человек естественно станет считать себя землею и пеплом, и даже не человеком, а псом неким, потому что от всех на земле сущих тварей во всем отстает, и всех и скуднее и нищетнее.

10. *Жаждающие идите на воду*, говорит Пророк (Ис. 55, 1); жаждающие Бога, ходите в чистоте ума и сердца. Впрочем, высоко чрез нее парящему должно обращать взор и на землю своего нищенства. Никого нет выше смиренного. Как там, где нет света, все темно и мрачно; так и когда нет смиренномудрия, все наши труды по Богу — суетны и бесплодны.

11. Итак всякий раз, как случится умножиться в нас лукавым помыслам, ввергнем в среду их призывание Господа нашего Иисуса Христа; и тотчас увидим, что они начнут рассеиваться, как дым в воздухе, как научил нас опыт. Когда после сего ум останется один (без помыслов смущающих), возьмемся опять за непрерывное внимание и призывание. И так будем поступать всякий раз, как потерпим такое искушение.

12. Должно всегда вращать в пространстве

сердца нашего имя Иисус-Христово, как молния вращается в воздушном пространстве, пред тем, как быть дождем. Это хорошо знают имеющие духовную опытность во внутренней брани. Брань эту мысленную надо вести так же, как ведут войну обыкновенную. Первое дело — внимание: потом, когда заметим, что подошел вражий помысл, бросим на него с гневом слова клятвы из сердца; третье затем дело — помолиться на него, обращая сердце к призыванию Иисуса Христа, да рассеется этот демонский призрак тотчас, чтоб иначе ум не пошел в след этого мечтания, как дитя, прельщаемое каким-либо искусным фокусником.

13. Как невозможно жить настоящей жизнью без пищи и питания, так без хранения ума и чистоты сердца, — что есть и называется трезвение, — невозможно душе достигнуть чего-либо духовного и Богу угодного, или избавиться от мысленного греха, хотя бы кто страхом мук и нудил себя не грешить (делом).

14. Как снег не породит пламени, вода не родит огня, терн — смоков: так сердце каждого человека не освободится от бесовских помыслов, слов и дел, если не очистит своего внутреннего, не сочетает трезвения с молитвою Иисусовой, не стяжает смирения и душевного безмолвия, и не будет со всем усердием тещи, поспешая в предняя. Душа, себе не внимающая, неизбежно бывает бесплодна на благие и непорочные помышления, подобно бесплодному мулу: потому что и в ней нет разумения духовной мудрости. Воистину призывание имени Христова и упразднение страстных помыслов есть сладостное дело, водворяющее мир душевный.

15. Хранению ума свойственно по достоинству именоваться светородным, и молниеродным, и светоиспущательным, и огненосным. Ибо истинно сказать, оно одно превосходнее самых великих телесных добродетелей, сколько бы их ни имел кто. Сего то ради и надлежит называть сию добродетель самыми почетными именами, ради рождающихся из нее светозарных светов. Возлюбившие ее, из грешников, непотребных, скверных, невежд, несмысленных, неправедных, делаются силою Иисус-Христовою праведными, благопотребными, чистыми, святыми и разумными; и не только это, но и начинают созерцать таинства и богословствовать. Содеявшись же созерцателями, они переселяются к одному пречистому беспредельному Свету, прикасаются к Нему неизреченными прикосновениями, с Ним живут и действуют, поелику вкусили, *яко благ Господь*; так что на этих первоангелах явно исполняется слово божественного Давида: *обаче праведнии исповедятся имени Твоему, и вселятся правии с лицем Твоим* (Пс. 139, 14). И действительно они только одни истинно и призывают Бога и исповедаются Ему, с Которым и беседовать всегда любят, любя Его.

16. Отрекшийся от житейского, т. е. от жены, имения и прочего, внешнего лишь человека сделал монахом, а не еще и внутреннего. Но кто отрекся от страстных помышлений и сего последнего, то есть ума, тот истинный монах. И внешнего человека легко сделать монахом, если захочешь, но не малый подвиг — сделать монахом человека внутреннего.

17. И так от непрестанной молитвы мыслен-

ный в нас воздух чист бывает от мрачных облаков и ветров духов злобы. Когда же воздух сердца чист, то ничто не препятствует уже сиять в нем божественному свету Иисусову, — если только мы не надымеся тщеславием, самомнением и желанием показности, не понесем к недостижаемому, — и не будем за то лишены помощи Иисусовой; потому что Христос ненавидит все такое, будучи образцом смирения.

18. Нет яда паче яда аспида и василиска; и нет зла паче зла самолюбия. Исчадия же самолюбия суть: похвальбы в сердце, самоугодие, чревонеистовство, блуд, тщеславие, зависть и вершина всех зол, гордость, которая умеет не только людей, но и Ангелов свергать с небес, и вместо света покрывать мраком.

ПРЕПОДОБНЫЙ ОТЕЦ НАШ ФИЛОФЕЙ СИНАЙСКИЙ

1. Душа (грехолюбивая), как стеною будучи окружена духами злобы, связуется узами мрака, — и по причине этого окружающего ее мрака не может молиться как следовало бы: ибо связуется им втайне (в сокровенностях и глубинах своих, или сама не ведая как), и слепотствует внутренними очами. Но когда она, пришедши в себя, положит начало молитвенному к Богу прибеганию и станет по силе трезвенствовать в молитве: тогда мало по малу начинает она разрешаться силою молитвы и от тьмы: иначе же разрешиться от ней нет никакой возможности. В это время познает она, что есть внутри в сердце иное

борение, иное сокровенное противоборство, иная война в помыслах, от духов злобы возбуждаемых, как свидетельствует и Святое Писание, когда говорит: *аще дух владеющего взыдет на тя, места твоего не остави* (Еккл. 10, 4). Место же ума есть твердое стояние в добродетели и трезвении. — Есть стояние и в добродетельной и в трезвой жизни. Ибо Писание говорит: *Блажен муж, иже не иде на совет нечестивых и на пути грешных не ста* (Пс. 1, 1). И Апостол учит: *станите убо препоясани чресла ваша истиною* (Еф. 6, 14).

2. Трезвение до блистания очищает совесть. Совесть же, будучи так очищена, изгоняет изнутри всякую тьму, подобно свету вдруг воссиявшему по снятии лежащего на нем покрывала. А по изгнании тьмы, совесть, при непрерывно продолжающемся истинном трезвении, снова показывает то, что забыто, или что скрывалось, не будучи признаваемо. В то же время она, посредством трезвения же, научает невидимому состязанию с врагами, ведомому умом, и войне в мыслях — научает, как метать копьё в этом единоборстве, как искусно бросать (во врагов) стрелы помышлений благих, не допуская, чтоб их стрелы поражали ум, подобно стреле устремляя его укрываться у Христа, сего, вместо пагубной тьмы, желанного света. Кто вкусил сего света, тот понимает, о чем я говорю. Вкушение сего света гладом паче томит душу, которая им питается, но никогда не насыщается, и чем более его вкушает, тем более алчет. Сей свет, влекущий к себе ум, как солнце очи, свет неизъяснимый сам в себе, содействующийся однако же истолковаемым, только не словом

а опытом того, кто приемлет воздействие его, или точнее сказать, кто уязвляется им, — заповедует мне молчать, хотя ум все еще хотел бы наслаждаться беседою о том, о чем идет теперь речь.

3. С крайним напряжением внимания блюди свой ум как только заметишь (вражий) помысл, тотчас воспротиворечь ему, но вместе с тем спеша призвать Христа Господа на отмщение. Сладчайший же Иисус, когда ты еще будешь говорить, скажет: се с тобою Я, чтоб подать тебе заступление. Но ты и после того, как по молитве твоей, все эти враги усмирены будут, опять продолжай усердно внимать уму. Вот снова волны (помыслов), множайшие прежних, одни за другими устремятся на тебя, так что от них будто уже погружается душа как в пучину и готова погибнуть. Но и Иисус опять, возбуждаемый учеником, яко Бог запрещает злым ветрам (помыслов, и они утихают). Ты же улучив свободу от вражеских нападений, на час или минуту, прославь спасшего тебя, и углубись в помышление о смерти.

4. Со всяким сердечным вниманием в чувстве душевном будем совершать путь свой. Внимание и молитва, будучи на всякий день сочетаемы вместе, совершают нечто подобное огненной Илиинной колеснице, подъемля на высоту небесную того, кто им причастен. И что я говорю? У того, кто установился в трезвении или старается установиться в нем, чистое сердце соделывается мысленным небом, с своим солнцем, луною и звездами, и бывает вместилищем невместимого Бога, по таинственному видению и восхождению (восторжению ума). У кого есть любовь к Божественной добродетели, пусть старается во вся-

кое мгновение произносить имя Господа и со всем усердием слова производить в дела. Кто с некоторым насилием удерживает пять своих чувств, кои-ми обычно повреждается душа, тот всячески соделывает для ума легчайшими сердечный подвиг и брань. И так ухитрайся предотвращать все внешние (вредные для души приращения и впечатления), а с рождающимися от них внутри помыслами борись благодарованными средствами, духовным руководясь искусством: трудом обуздывая позывы к чувственным удовольствиям, будь воздержан в ястии и питии, и довольно истощи свое тело, чтоб заблаговременно соделать для себя легкою брань сердечную. Этим всем себе будешь благодетельствовать, а не другому. Помышлением о смерти мучь душу свою и памятию о Христе Иисусу собирай расточенный ум свой: особенно ночью, когда ум обычно бывает чист и светел, ясно созерцая Бога и все божественное.

СВЯТОЙ ИСААК СИРИАНИН

1. Для устранения восстающих в плоти тревожных воспоминаний, ничто не бывает так достаточно, как погружение себя в любовь к изучению божественного Писания, и постижения глубины его мыслей. Когда помыслы погружаются в услаждение постижением сокровенной в словах премудрости, тогда человек, в какой мере извлекает из них уяснение, в такой же оставляет за собою мир, забывая все, что в мире, и все воспоминания, и все действительные образы овеществления мира изглаждает в душе.

2. Хочешь ли умом своим быть в общении с Богом, прияв в себя ощущение одного наслаждения, не порабощенного чувствам? Послужи милостыне. Когда внутри обретается она, тогда изображается в Тебе она святая красота, которую уподобляешься Богу. Всеобъемлемость дел милостыни производит в душе общение с Божеством без посредства.

3. Благодарность приемлющего побуждает дающего давать дары большие первых. Кто не благодарен за малое, тот и в большом лжив и несправедлив.

4. Кто болен и знает свою болезнь, тот должен искать врачевства. Кто объявляет другим болезнь свою, тот близок к врачеванию своему, и легко найдет его. Нет греха непростительного, кроме греха нераскаянного.

5. Преследуй сам себя, и враг твой прогнан будет приближением твоим. Умиришь сам с собою; и умирятся с тобою небо и земля. Потщись войти во внутреннюю клеть твою, и узришь клеть небесную; потому что та и другая — одно и то же, и входя в одну, видишь обе. Лестница одного царствия, внутри себя, сокровенна в душе твоей.

6. С огорченными сердцем будь в общении, и трудом молитвенным и привязанностию сердечною: и прошениям твоим отверзется источник милости.

7. Когда в совокупности хотим наименовать страсти, называем их миром; а когда хотим различить по различию наименований их, называем их страстями. Страсти сии суть: приверженность к богатству и вещам, телесное наслаждение, же-

вание чести, власти и славы, желание наряжаться, зависть, злопамятство и пр. Где страсти сии прекращают свое течение, там мир умер. О святых некто сказал: что будучи еще живы, стали они мертвы, потому что, живя во плоти, жили они не по плоти. И ты смотри, какими из сих частей живешь; тогда узнаешь, какими умер миру.

8. Страсти суть нечто придаточное, и в них виновна сама душа. Ибо по природе бесстрастна. Мы веруем так, что Бог созданного по образу сотворил бесстрастным. Созданным же по образу разумею не к телу, но к душе, которая невидима. Из сего должно увериться, что страсти не в природе души, — и что следовательно душа бывает вне своего естества, как скоро приходит в страстное движение.

9. (Чистота ума бывает, когда, вместо пустых, суетных и греховных помышлений, он исполнен помышлений чистых, святых и божественных. Чистота сердца бывает, когда оно освобождается от всякого сочувствия к предметам страстей и любит только противоположное им.) Если ум приложит старание к чтению божественных писаний, потрудится несколько в постах, в бдении, в безмолвии: то забывает прежнее свое бытие (и прежние свои помышления) и достигает чистоты; потому что он скоро очищается, но скоро и оскверняется. (А главное потому, что чистота его состоит в зависимости от чистоты сердца. Пока не очистилось сердце, добрые помышления в уме непрочны. Как только появится в сердце сочувствие к чему-либо страстному, тотчас и в ум ему начнут тесниться мысли недобрые.) Сердце же достигает чистоты многими скорбями, лишения-

ми, удалением от общения со всем, что в мире мирского, и умерщвлением себя для всего этого. Словом — трудами и подвигом, коими изгоняя из себя страсти насаждает оно в себе противоположные им добродетели. Если у кого сердце достигло (сим путем) чистоты, то чистота его (бывает прочна) не осквернится чем-либо малым, не боится и великих браней: ибо приобретена продолжительными трудами и в долгое время.

10. Позаботься приобрести внутри себя Того, Кто всего драгоценнее. Оставь малое, чтобы обрести великое. Презирай излишнее и малоценное, чтоб обрести многоценное. Будь мертв в жизни твоей, чтоб жить по смерти. Предай себя на то, чтобы умирать в подвигах, а не жить в нерадении. Ибо не те только мученики, которые прияли смерть за веру во Христа, но и те, которые умирают за соблюдение заповедей Христовых.

11. Не будь несмыслен в прошениях своих, чтобы не оскорбить тебе Бога малостию своего ведения. Будь мудр в своих молитвах, чтобы сподобиться тебе славы. Проси досточестного у Дающего без зависти, чтоб за мудрое свое хотение приять от Него и почесть. Премудрости просил себе Соломон, а поелику у великого Царя просил премудро, то с премудростию приял в царство земное. Елисей просил в сугубой мере той благодати духа, какую имел учитель, и прошение его не осталось неисполненным. Ибо кто у Царя домогается маловажного, тот унижает его честь. Приноси Богу прошения свои сообразно с Его славою, чтобы возвеличилось пред Ним достоинство твое и возрадовался Он о тебе. Вот Ангелы и Архангелы — сии вельможи Царя, во время молитвы твоей,

устремляют на тебя внимание, с каким прощением обратишься ты ко Владыке их: и изумляются и радуются, когда видят, что ты, земный, оставил плоть свою и просишь небесного.

12. Не проси у Бога того, что Сам Он без прощения дает нам по Своему промыслению, и дает не только Своим и возлюбленным, но и тем, которые чужды ведения о Нем. Сын у отца своего не просит уже хлеба, но домогается наибольшего и высшего в доме Отца своего. Ибо по немощи только ума человеческого Господь заповедал просить ежедневного хлеба.

13. Молись, чтобы не внити во искушения касательно веры. Молись, чтобы вместе с демоном хулы и гордыни не внити в искушения самомнением ума твоего. Молись, чтобы, по Божьему попущению, не внити тебе в явное дьявольское искушение, по причине худых мыслей, какие помыслил ты умом своим, и за которые попускаются искушения. Молись, чтобы не отступил от тебя Ангел целомудрия твоего, чтобы грех не воздвиг на тебя пламенеющей брани и не разлучил тебя с ним. Молись, чтобы не внити в искушение двоедушия и сомнения (колебания упования), которыми душа вводится в великое борение. — А искушения телесные приготавлийся принимать от всей души, и переплывай их всеми членами своими; и очи свои наполняй слезами, чтоб не отступил от тебя Хранитель твой. Ибо вне искушений не усматривается промысл Божий, невозможно приобрести дерзновения пред Богом, невозможно научиться премудрости духа, нет также возможности, чтобы Божественная любовь утвердилась в душе твоей. Прежде искушений человек молится

Богу, как чужой кто. Когда же входит в искушения по любви к Богу, и не допускает в себя изменения, тогда вменяется у Бога, как бы имеющий Его должником своим, и как искренний друг; потому то во исполнение воли Божией, вел брань с врагом Божиим и победил его.

14. Отныне всеми силами начнем пренебрегать телом, предадим душу Богу и о имени Господнем вступим в борьбу с искушениями. И Кто спас Иосифа во земле Египетской, показав в нем образец целомудрия, Кто сохранил невидимым Даниила во рве львином и трех юношей в печи огненной, Кто избавил Иеремию от рва тинного и даровал ему милость в стане халдейском, Кто Петра извел из узилища при затворенных дверях и Павла спас от сонмища иудейского, — короче сказать — Кто всегда на всяком месте, во всякой стране соприсущ рабам Своим, и являет в них силу и победу Свою, соблюдает их во многих необычайных обстоятельствах, показывает им спасение Свое во всех скорбях их, — Тот и нас да укрепит, и да спасет среди окружающих нас волн!

15. Одолеваемый какой-либо страстию, когда падает, да не забывает любви Отца своего небесного; но если случится ему впасть и в многообразные прегрешения, да не перестает радеть о добре, да не останавливается в своем течении; но и побеждаемый снова да восстает на борьбу с своими противниками, и ежедневно да начинает полагать основание разрушенному зданию, до самого исхода своего из мира сего, имея в устах пророческое слово: *не радуйся о мне, противник мой, яко падох; ибо снова восстану. Аще сяду во тьме, Господь осветит мя* (Мих. 7, 8); и ни мало да не

прекращает брани до самой смерти своей, и пока есть в нем дыхание; да не предаст души своей на одоление, даже и во время самого поражения. Но если каждый день разбивается ладья его, и терпит крушение весь груз да не перестает заботиться, запасаться, даже брать займы, переходить на другие корабли и плыть с упованием, пока Господь, призрев на подвиг его и умилосердившись над сокрушением его, не ниспослет ему милость Свою, и не даст ему сильных побуждений встретить и вытерпеть разженные стрелы врага. Таков мудрый больной, не теряющий надежды своей.

16. Если любишь чистоту, при которой может быть зрим Владыка всяческих, то никого не осуждай и не слушай того, кто осуждает брата своего. Если другие препираются при тебе, заткни уши твои и беги оттуда, чтобы не слышать тебе выражений гневных, и не умерла душа твоя, лишившись жизни. Сердце раздраженное не вмещает в себе тайн Божиих; а кроткий и смиренномудрый есть источник тайн нового века.

17. Кто с пламенной ревностию днем и ночью ищет Бога в сердце своем, и искореняет в нем приражения, бывающие от врага, тот страшен демонам и вожделен Богу и Ангелам Его. У чистого душою — мысленная область внутри его: сияющее в нем солнце — свет Пресвятой Троицы; воздух, которым дышат обитатели области сей — Утешительный и Всесвятой Дух; совосседающие в нем — святые и бесплотные природы; а жизнь и радость, и веселие их — Христос, — Свет от Света — Отца. Таковой и видением души своей, ежечасно увеселяется и дивится красоте своей, которая действи-

тельно во сто крат блистательнее светлости солнечной. Это — Иерусалим и царство Божие, внутри нас сокровенно, по Господнему слову. Область сия есть облако Божией славы, в которое только чистые сердцем внидут узреть лицо своего Владыки и озарить умы свои лучами Владычного света.

18. Кто раздражителен, кто гневлив, кто славлюбив, кто любостяжателен, кто чревоугодлив, кто обращается с мирянами, кто хочет чтобы исполняема была собственная воля его, кто вспылчив и исполнен страстей, — все таковые находятся вне области жизни и света: ибо область сия представляет удел сделавших сердце свое чистым.

19. Некто рассказывал мне из собственного опыта своего: „в которые дни имею я беседу с кем-нибудь, в те съедаю по три или четыре сухаря в день; если стану принуждать себя к молитве, то ум мой не имеет дерзновения к Богу, и не могу устремить к Нему мысли. Когда же разлучусь с собеседником на безмолвие, в первый день принуждаю себя съесть полтора сухаря, во второй один, а как скоро утвердился ум мой в безмолвии, усиливаюсь съесть один целый сухарь, и не могу, ум же мой непрестанно с дерзновением беседует с Богом, хотя и не понуждаю его к тому, и светозарность Божества, не оскудевая осиявает меня видеть красоту Божественного света, и увеселяется ею. Если же во время безмолвия приключится кому прийти, и поговорить со мною хотя один час, невозможно мне тогда не прибавить пищи, не оставить чего из правила, не расслабеть умом к созерцанию оною света.

20. Святые в будущем веке, где ум их поглощен

Духом, не молитвою молятся, но с изумлением водворяются в веселящей их славе. Так бывает и с нами. Как скоро ум сподобится ощутить будущее блаженство, забудет он и самого себя, и все здешнее, и не будет уже иметь в себе движения к чему-либо. Обычно — ум домостроитель чувств и помыслов, и царь страстей; но, когда управление Духа возгосподствует над ним, тогда отъемлется от него власть, и он путеводится уже, а не путеводит. И где тогда будет молитва, когда природа не в силах иметь над собою власти, но иною силою путеводится, сама не знает куда, овладевается в тот же час пленившею ее силою, и не чувствует где путеводится ею? Тогда человек не знает даже, в теле он, или кроме тела (2 Кор. 12, 2). И будет ли уже молитва в том, кто столько пленен, и не сознает сам себя?

21. Кто просвещен в своих понятиях? — Тот, кто умел отыскать горечь, сокровенную в сладости мира, воспретил устам своим пить из этой чаши, доискивается всегда как спасти душу свою, не останавливается в своем стремлении, пока не отрешится от мира сего, и запирает двери чувств своих, чтобы не вошла в него приверженность к сей жизни, и не похитила у него тайных сокровищ его.

22. Что значит отвергнуть себя? — Как приготовившийся взойти на крест одну мысль о смерти имеет в уме своем, и восходит на крест, как человек не помышляющий, что снова будет иметь часть в жизни настоящего века, так и желающий исполнить сказанное: *да отвержется себе и возмет крест*. Ибо крест есть воля, готовая на всякую скорбь и смерть. Кто в этом вооружении выступит на подвиг, в очах того делается достойным прене-

брежения все, почитаемое трудным и скорбным.

23. Какой признак того, что чистота начала водворяться в сердце? — Когда сподобится кто благодати слез, проливаемых без принуждения; потому что слезы положены уму как бы неким пределом между телесным и духовным, между состоянием страстным и чистотою. Пока не примет человек этого дарования, дело его совершается еще во внешнем только человеке, и еще вовсе не ощутил он действительности того, что сокрыто в духовном человеке.

24. Заботы и занятия плотского разума суть: богатство, почет, убранство, телесный покой, рачение о словесной мудрости, годной к управлению в мире сем и источающей обновление в изобретениях, и искусствах, и науках, и все прочее, чем увенчивается тело (внешняя жизнь) в этом видимом мире. Это — голый разум, потому что исключает всякое Божественное попечение; но чрез это вносит совершенное бессилие в душу человека. Сам он о себе думает, что всем заправляет в человеке и во внешней и во внутренней жизни. Посему ничего не приписывает Промыслу Божию, но все в человеке, спасение его от вредоносного, остережение от затруднений и противностей, тайно и явно сопровождающих естество наше, кажутся ему следствием собственной его рачительности и собственных его способов. Таково гордое мнение о себе плотского его разума. Он мечтает, что все бывает по его промышлению; а сам между тем пребывает в непрестанных опасениях и тревогах. Не может он пребыть без страха за тело; потому что овладевают им малодушие, печаль, отчаяние, страх от бесов, боязнь от людей, молва о разбой-

никах, слухи о смертях, заботливость в болезни, попечительность в скудности и недостатке потребного, страх смерти, страх страданий и злых зверей, и все сходное с сим и уподобляющееся морю, в котором ежечасно, день и ночь, мнутя и устремляются на пловцов волны. Таков разум кичащий; у коего сок и кровь — надмение и гордыня! Он совершенно противоположен вере и держит человека в состоянии ниже естества.

25. Человеку, во время молитвенного прошения своего, утвердиться в уповании на Бога есть лучшая часть благодати веры. Утверждение же веры Бога не то, что здоровое исповедание, хотя оно и мать веры. Вера, доводящая до несомненности в уповании, никогда не достигается некрещенными, или (и крещенными, но) у которых ум растлен (страстями). Несомненность веры в людях, высоких душою, открывается по мере того, как нравы их внимательны к бытию по заповедям Господним.

26. Будь уверен, что Хранитель твой с тобою и мудрость твоя во всей точности да удостоверит тебя, что вместе со всеми тварями и ты стоишь под единым Владыкою, Который единым мановением приводит все в движение, и колеблет, и укрощает, и устрояет. Ни один раб не может сделать вреда кому-либо из подобных ему рабов, без дозволения о всех Промышляющего и всем Управляющего.

27. Если будешь в прекрасной добродетели и не почувствуешь, что вкушаешь от нее наслаждения, то не дивись. Ибо пока не смирится человек, не получает награды за свое делание. Награда дается не за делание, а за смирение; кто оскорбляет последнее, тот теряет первое.

28. Дарование без искушений — погибель для приемлющих оное. Если делаешь доброе пред Богом, и Он даст тебе дарование, умоли Его научить тебя смиряться, или взять у тебя оное, чтобы оно не было для тебя причиною погибели.

29. Душа, приившая на себя попечение о добродетели и живущая в строгости и страхе Божиим, не может быть без печали каждый день; потому что добродетели сопряжены с печалью. Если возделываешь добродетели, то предай себя на всякую скорбь. Ибо скорби рождают смирение. Кто же без скорби пребывает в добродетели своей, тому отверста дверь гордости.

30. Сперва человек мыслями своими удаляется от должного попечения, а после сего приближается к нему дух гордости. Когда же человек пребывает в гордости, тогда удаляется от него промыслительный Ангел, который близ него и возбуждает в нем попечение о праведности. Когда человек оскорбит сего Ангела и он удалится, тогда приближается к человеку чуждый, и с того времени нет уже у него попечения о праведности.

31. Путь Божий есть ежедневный крест. Никто не восходит на небо, живя прохладно. О пути же прохладном знаешь, где он оканчивается.

32. Вот селение Духа — непрестанно понуждает себя быть в повиновении, хотя и есть способ сделать дело в покое; потому что такова воля Духа: в ком обитает Он — не приучает тех к лености. Напротив, того Дух побуждает их не покоя искать, но предаваться паче деланию и наибольшим скорбям. Испытаниями Дух укрепляет их, и делает, что приближаются они к мудрости. Такова воля

Духа, чтобы возлюбленные Его пребывали в трудах.

33. Великую приобретает силу тот, кто опытно познал как немощь естества, так и помощь Божеской силы, и уверился в этом. Идущие правым путем тогда только познают сие, когда Бог, удержав сперва силу Свою от содействия им, приводит их к сознанию немощи своей, трудности искушений и лукавства вражеского, а потом, показав им свою помощь, и заступление, напечатлевают твердую веру, что Божеская сила всегда охраняет их и что только ею одною они могут являться всегда победителями всех противностей, внешних и внутренних.

34. Человек, пока в нерадении, боится часа смертного, а когда приблизится к Богу, боится сретения суда; когда же всецело поступит в предняя, тогда любовно поглощается тот и другой страх.

35. Любовь есть плод молитвы, и от созерцания своего возводит ум к ненасытному ее вожделению, когда ум пребывает в ней без уныния, и человек умом только в молчаливых помышлениях разумения молится пламенно и с горячностью. Молитва есть умерщвление понятий, свойственных воле плотской жизни. Ибо молящийся прилежно есть то же, что умерший для мира: и терпеливо пребывать в молитве значит отречься человеку от себя самого. В самоотвержении души обретается, наконец, любовь Божия.

36. Сладостная в сердце теплота имеет две степени: на первой, — из сердца исходящее услаждение, иногда в час молитвы, иногда во время чтения, и иногда вследствие богомыслия, согревает ум; на второй — оно бывает всего чаще без этого всего,

многократно во время поделия, нередко по ночам. Когда найдет на человека это наслаждение, бьющее из сердца, тогда думает он, в этот час, что Царство Небесное не иное что есть, как это же самое.

37. Когда предстанешь пред Бога в молитве, сделайся в помысле своем как бы муравьем, как бы немощствующим младенцем. Не говори пред Богом чего-либо от знания, но мыслями младенческими приближайся к Нему, и ходи пред Ним, чтоб сподобиться тебе того отеческого промышления, какое отцы имеют о детях своих, младенцах, сказано: *храняй младенцев Господь* (Пс. 114, 5).

38. Проси у Бога, чтоб дал тебе придти в меру веры. И если ощутишь в душе своей наслаждение сие, то нечему уже будет отвратить тебя от Христа. И не трудно тебе будет каждый час быть отводиму в плен далеко от земного, и укрываться от этого немощного мира, и от воспоминаний о том, что в мире. О сем молись неленостно, сего испрашивай с горячностью, об этом умоляй с великим рачением, пока не получишь. И молись, чтоб не ослабеть. Сподобишься же этого, если прежде с верою понудишь себя попечение свое свергнуть на Бога, и свою попечительность заменить его промышлением. И когда Бог усмотрит в тебе сию волю, что со всею чистотою мыслей доверился ты самому Богу более, нежели себе самому, и понудишь себя уповать на Бога более, нежели на душу свою, тогда вселится в тебя оная неведомая сила и ощутительно почувствуешь, что с тобою несомненно сила.

39. Господь для того тебе предлагает на первых порах крест, чтоб ты наперед определил себе смерть,

и потом уже послал душу свою идти во след Его. Когда человек в мысли своей лишит жизнь свою надежды: тогда нет ничего дерзновеннее его; — никто и ничто победить его не может.

40. Когда сердце возревнует духом, тело не печалится о скорбях, не приходит в боязнь и не сжимается от страха. Поревнуем и мы духовною ревностью о воле Иисусовой, и отгнано будет от нас всякое нерадение, порождающее в мыслях наших леность; потому что ревность порождает отважность, душевную силу и телесную рачительность.

41. Если не будет исцелена страстная часть души, то душа не обретает здравия. Кто деланием заповедей и трудными делами истинного жития (подвигами) препобедил страсти, тот пусть знает, что заново приобрел он душевное здравие, — стал видим в области духа, и приял его в себя, мир новый и несложный.

42. Если зрение ума не будет очищено деланием заповедей и делами безмолвного бытия, то не возможен он делаться истинным зрителем божественного созерцания. Все же подобие духовного, какие раньше того представляет себе ум, называются призраком, а не действительностью.

43. Крещение дарует прощение грехов туне, и совершенно ничего не требует, кроме веры: при покаянии же во грехах по крещении Бог не туне прощает, но требует трудов, скорбей, печали, сокрушения, слез, долговременного плача, — и потом уже прощает.

44. Если милостивый не бывает выше своей правды, то он не милостив, т. е. милостивый не то дает людям милостыню из своего собст-

венного, но и с радостью терпит неправду и милует их. Кто душу свою полагает за брата, тот милостив, а не тот только, кто подавием оказывает милость брату своему.

45. Ничто не может так приблизить сердце к Богу, как милостыня; и ничто не производит в душе такой тишины, как произвольная нищета.

46. Если душа не вкусит с ведением страданий Христовых, то не будет иметь общения со Христом.

47. *Очи Господни на смиренных сердцем, и уши его в молитву их* (Пс. 33, 16). Молитва смиренномудрого как бы прямо из уст в уши.

48. Когда случится, что душа твоя внутренно наполняется тьмою, и подобно тому, как солнечные лучи закрываются на земле мглою облаков, душа на несколько времени лишается духовного утешения, и свет благодати внутри померкает, по причине осеняющего душу облака страстей, и потому, что умалена в тебе несколько радостворная сила, и ум приосенила необычайная мгла, ты не смущайся мыслию и не подавай руки душевному расслаблению, но терпи, читай книги учителей, принуждай себя к молитве, и жди помощи. Она придет скоро, чего и не узнаешь ты.

49. Бывает надежда на Бога прекрасная, и бывает ложная. Когда человек всю рачительность свою обращает на добродетели и угождение Богу, тогда прекрасно и разумно надеется он на Господа. Таковий достоин, чтобы на нем показал особенным образом Бог свою попечительность. Но человек, у которого сердце погребено в земном, который никогда не печется о благоугодном Богу, как осмелился обратиться к Богу? — Будучи

стесняем скудостью, или смертью, и подавлен плодами своих беззаконий, может быть и он скажет: „возложу упование на Бога, и Он поможет мне”. — До сего часа не вспоминал ты о Боге, безрассудный, но оскорблял Его непотребством дел своих, и имя Божие ради тебя хулимо было неверующими; а теперь осмеливаешься говорить отверстыми устами: „на Него возложу упование; Он мне поможет”. Не обольщайся; надежда на Бога предваряет труд для Бога и пролитый к деланию пот.

50. Подвижничество есть мать святыни. Доброту целомудрия твоего уладь слезами, постами и уединенным безмолвием. Малая скорбь ради Бога лучше великого дела, совершенного без скорби. Ум не прославится со Иисусом, если тело не страдает за Христа. Слава тела — целомудрие; слава ума — истинное умозрение о Боге. Два есть способа взойти на крест; один — распятие тела; а другой — вхождение в созерцание; первый бывает следствием освобождения от страстей; а второй — следствием действительности дел духа. Ум не покоряется (Богу), если не покорится ему тело. Царство ума есть распятие тела.

51. Добродетели одна другой преемственны, чтобы можно было преуспевать в них по порядку и находить в этом для себя облегчение. Ибо никто не может приобрести действительной нестяжательности, если не убедит и не уготовит себя к тому, чтобы с радостью переносить искушения. И никто не может переносить искушений, кроме уверившегося, что за скорби можно приять нечто, превосходящее телесный покой.

52. Очищение плоти есть неприкосновенность

к плотской скверне, очищение души есть освобождение от тайных страстей, возникающих в уме. Очищение же ума совершается откровением тайн. Сам Бог сподобляет созерцать Его непокровенным умом.

53. Вера есть дар таинств. Как телесные очи видят предметы чувственные, так вера духовными очами взирает на сокровенное. У нас два духовных ока: одним видим тайны Божией славы, сокровенные в естествах; другим же оком созерцаем славу самого святого естества Божия.

54. Рай есть Любовь Божия, в которой наслаждение всеми блаженствами. Плоды древа сего возбранены Адаму по умышлению диавольскому. Древо жизни есть любовь Божия, от которой отпал Адам; и с тех пор не встречала его радость, но работал и трудился он на земле терний. Лишенные любви Божией, если и в правоте ходят, едят тот хлеб пота в делах своих, какой повелено есть первозданному по падении его. Пока не приобретем любви, делание наше на земле терний; и хотя сеяние наше бывает сеянием правды, — и сеем и пожинаем мы среди терний и ежечасно уязвляемся ими и что ни делаем к своему оправданию, живем в поте лица. А когда обретаем любовь, тогда станем питаться небесным хлебом и укрепляться в силах без работы и труда.

55. Делание сердца служит узами для внешних чувств. И если кто с рассудительностью занимается оным, по примеру живших до нас отцов, то сие бывает явно по следующим в нем трем явлениям: не связан он телесными выгодами, не любит чревоугодия и совсем далека от него раздражительность.

СЛОВО ПЯТНАДЦАТОЕ

1. Есть семь классов лиц, для которых потребна молитва Церкви о спасении их.

2. Те, которые молятся Богу, а между тем сами не знают, о чем просят, не бывают услышаны.

3. Всеу трудятся те, которые не молятся в духе.

1. Есть семь классов лиц, о спасении коих потребна молитва Церкви: погибшие, плененные, заблудшие, уязвленные, падающие, восставшие, шествующие. Есть еще и восьмой класс — совершенные, которые, задняя забывая, все в предняя простираются. Каждый из этих восьми классов имеет нужду в особой молитве Церкви Божией о спасении его: *погибшие* имеют нужду в молитве о том, чтобы их взыскал и обрел вездесущий Бог, для Которого явны и ад и пагуба; *пленные*, т. е. порабощенные (страстям и дьяволу), — чтоб их освободил божественною благодатию своею Тот, Кто все содержит и над всеми господствует, потому что такого рода порабощенник не может освободиться сам собою; *заблудшие*, — чтобы просветила их божественная благодать и направила на путь истины, как учит и псалом: *настави мя, Господи, на путь Твой, и пойду во истине Твоей*

Взято из книги Слова Преподобного и Богоносного Отца нашего Симеона Нового Богослова в переводе с новогреческого, на который были они переведены высокопреподобным Дионисием Вогреем, подвизавшемся на пустынном острове Пипери, лежащем против Афонской горы, и напечатаны в Венеции в 1790 г.

(Пс. 85, 11); *уязвленные*, т. е. сокрушенные, чтобы их уврачевал и поднял с одра Господь, потому что ни один из уязвленных не может исцелиться и стать на ноги собственною своею силою; *падающие*, т. е. те, которые впадают в грехи, — да укрепит их великомощная десница Всевышнего Бога, чтоб они не падали; *восставшие*, т. е. те, которые перестали грешить, — да утвердит их божественная благодать, чтоб они не низверглись более в ров сей; *шествующие*, т. е. те, которые подвизаются в добродетели, — да шествуют без преткновений, и Ангел Господень да устраняет камни и препятствия с долгой и тесной стези добродетелей, чтоб им не подвергаться более по причине их крайним бедам и опасностям; восьмой же класс, т. е. *совершенные*, — чтоб не гордились и не думали о себе, что они лучше других, но скорбели и сокрушались, чувствуя, что они ниже всех, и сознавая, сколь много еще недостает им до той истинной высоты, которая выше всего. Дело совершенных, как говорит Апостол, есть — *к намеренному тещи к почести вышняго звания*: ибо, сказав сие, он присовокупил: *елицы совершени, сие да мудрствуем* (Филип. 3, 14-15).

2. Итак, сам ли кто восхощет, по любви Божией, или упрощен будет другими помолиться о каком-либо из показанных восьми классов, пусть позаботится сделать молитву свою сообразною с каждым из них, чтоб не потрудиться понапрасну, испрашивая того, что несообразно с тем или другим. Ибо в таком случае как можно, чтоб услышал его Бог? — Один из отцов Церкви нашей так поучает настоя-

теля (обитатели)* : не неради молить Бога о тех, кои крайне нерадивы, но проси Его не о том, чтоб Он помиловал их, потому что это невозможно, пока сами они сидят в бездействии и с места не двигаются, — а о том проси, чтоб Он просветил их, пробудил от усыпления и сделал рачительными. Кто станет кормить грубою и тяжелою пищею дитя, еще отдоеваемое грудью, тот не оживать его будет, а разстроивать его жизнь и убивать. Равным образом кто стал бы отдоевать мужа совершенна, был бы бессмыслен и бессмысленного отдоевал бы. Так и здесь всему свой чин и свое время. Ибо Бог есть Бог порядка и мира. Правда, что большею частию не имеют ведения о сказанных восьми классах людей; но всячески необходимо, чтобы тот, кто молится, просил у Бога того, что потребно тому, о ком он молится. Так и Христос Спаситель молился ко Отцу Своему, говоря: *не яко Аз хочу, но якоже Ты.*

Если кто молится о себе самом и просит, например, об избавлении от тления и смерти, пусть послушает наперед и разузнает, что такое есть тление и что жизнь, и тогда уже просит Бога об освобождении от тления и смерти, имеет ли он дерзновение к Богу или не имеет. Ибо кто спрашивает что-либо, тот должен знать, что спрашивает, и ясно то представлять, чтоб, когда получит, возблагодарить Подателя и всегда пребыть Ему благодарным. Если же кто, молясь, сам не знает, чего спрашивает, то как узнает он, что получил просимое, и следовательно, как станет благода-

* Лествичник в Слове к пастырю.

рить Бога, Который подал ему то? А не возблагодарив, повинен будет осуждению, как неблагодарный. Кто говорит: освободи меня, явно находится в плену и состоит в рабстве; также кто говорит: избавь меня, конечно, сидит в темнице и заключен в узы. Но если те, которые говорят такие слова, говорят их так себе, просто как попало, по обычаю (потому холодно и безучастно), не сознавая беды, в какой находятся, и не чувствуя тесноты рабства, темницы и уз, то кто их станет слушать? Равным образом и те, которые день и ночь взывают к Богу: Господи, спаси мя! Господи, избави мя! Господи, изми мя! но не знают беды, в которой находятся, не чувствуют ни горечи рабства, ни мрачности темницы, ни тяготы уз, даже не сознают, что попали в крайнюю беду, несут иго рабства, заключены в темницу, закованы в железа, — таковые никогда не были, не бывают и не будут услышаны от Бога.

Посему необходимо нам наперед послушать обо всем этом, поучиться тому и познать то от тех, которые знают то, и потом уже молиться о том Богу. Если неудобно найти таких знающих вблизи, поищем их со тщанием вдали; если же и в других местах не будет видно таковых, обратимся с молитвою к Богу, чтоб Он Сам невидимо показал нам и беду, и плен, и рабство, и узы, в каких находимся; и когда познаем, сколь великое во всем этом зло, тогда начнем и вопиать к Нему, со слезами, гласом велиим, чтоб сжалился над нами и явил милость Свою к нам, недостойным никакой милости, и спас нас, освободил и избавил. И невозможно, чтобы Бог помиловал нас другим способом или путем. Ибо и человек,

имеющий возможность оказывать милость не может оказать ее единокровному с собою человеку, если не знает, что ему нужно и чего он ищет. Бог конечно все может; но не может Он солгать, ни отречься Себя Самого; почему не может помиловать того, кто не кается, ни дать тому, кто не просит, ни поруководить к обретению того, кто не ищет, ни отверзть двери милосердия тому, кто не ударяет в них; равно не может Он дать и тому, кто хотя и просит, но зле просит, ни помиловать того, кто сам не милует другого, хотя и вопиет он: Господи помилуй мя. Ибо Бог сколько всемогущ, столько и праведен; могущество Его с правдою, и милость с весом и мерою. Итак необходимо, чтобы человек наверное познал, что может Бог сделать для него, и тогда испрашивать то у него, да получит.

(И то еще надлежит иметь в рассуждении, что если дать что-либо человеку не во время, то такой дар не в пользу будет, а во вред.) Но если плотский отец не может дать чаду своему смертоносной снеди, просимой им; тем паче не дает чего-либо такого человеку Бог, Который говорит: *еда забудет жена отроча свое?.. Аще же и забудет сих жена, но Аз не забуду тебе* (Ис. 49, 15), и опять: *вопросите Мене о сынах Моих и дщерях Моих* (Ис. 45, 11). Итак, поелику Он считает людей сынами Своими и дщерями; то как возможно, чтоб Он подал им что-либо смертоносное, хотя бы они сами испрашивали себе того у Него долгое время, с воздыханием и слезами? Бог подаст христианину, если просит, следующие великие и высокие дарования, коих сам собою никто стяжать не может, именно — сердце сокрушенное

и смиренное, трезвенное и целомудренное, покаянное и плачущее, — подаст ему память о смерти и будущем суде, мудрость и разум — понимать Божественные Писания, смысл бояться Бога, силу молиться со страхом, благоговением и благодарением, — подаст непорочность, кротость, терпение и благодущие. Кто получит все сказанное, тот возымеет и освящение и здравие души своей; а здравие души есть: не жаждать никакого греха, и ничего из того, чего жаждет мир, т. е. ни денег, ни сласти плотской, ни славы и чести человеческой. И Бог не может уврачевать кого-либо и даровать ему здравие, прежде чем получит он и возымеет показанные выше дарования (ибо это было бы не вовремя). Если б и оздоровел кто душою, прежде получения тех дарований, то у него нельзя отрицать возможности воззреть на славу человеческую (несмотря на его уверенность, будто здоров есть и не подвержен душевной болезни) и впасть в сеть диавола, т. е. в гордость. *И будут последняя человеку тому горша первых* (Мф. 12, 45). Ибо гордость есть из всех грехов самый большой грех, так как от ней уже пошли все другие, и она стала началом и причиной всех грехов, как говорит Писание: *начало греха — гордыня* (Сир. 10, 15).

3. Господь сказал Самаряныне: *жено, веру Миими, яко ... грядет час, и ныне есть, егда истиннии поклонницы поклонятся Отцу духом и истиною... Дух есть Бог: и иже кланяется Ему, духом и истиною достоин кланяться* (Иоан. 4, 21, 23, 24). И Апостол говорит: *Бог не в рукотворенных храмах живет, ни от рук человеческих угождения приемлет, требуя что* (Деян. 17, 24-25). Бог не

имеет ни в чем недостатка и нужды. Он преисполнен всякого блага; и не только люди, но и самые Ангелы от полноты Божией приемлют, и все они имеют нужду в неоскудевающем и преисполненном всего Боге, Которого и благодарят, воспевают, славят, не сами собою делая это, но благодатию, от полноты Его приемлемою, будучи подвигаемы и укрепляемы на то, чтобы благодарить, воспеть и славить Бога, Владыку и Творца своего. Итак, какие же это суть истинные поклонники? Те, которые не ограничивают своего служения Богу каким-либо местом, но служат и поклоняются Ему в духе. Когда Господь говорит, что дух есть Бог, то не другое сим показывает, как то, что Он бестелесен. Итак, надлежит нам бестелесному Богу приносить служение нашим собственным бестелесным естеством, т. е. душою. Ибо бестелесный Бог может благоугождаться только умом и чистою мыслию. Поелику, по слову Господа, пришел уже и ныне есть тот час, когда Богу поклоняться надлежит в духе и истине; то возможно ли ныне служить Ему в преподобии и правде иначе как не умом и мыслию? Но знать надо, что ум наш и мысль наша не могут достоительно поклоняться Богу, если не будут прежде очищены силою веры во Христа Спасителя, если прежде Сам Господь не уврачует их, не исцелит и не изведет на свободу, так что, пусть иные люди подвизаются в добрых делах и думают, что все творят во славу Божию, но если ум их не уврачеван Христом, не исцелен, не изведен на свободу таинственно и мысленно, тщетно и бесполезно все, что они ни делают, — и посты, и бдения, и молитвы, и милостыни, и всякое злострадание, и даже совершен-

ная нестяжательность. Они еще не поклонялись Богу духом, каковое поклонение и есть единое истинное. А где нет истины, там все прочее ложь и прелесть, неведение Бога и непонимание жизни во Христе. Там жизнь заблудная, где не живут по неложному Христу.

Итак те, у которых ум еще не исцелен, если хотят поклоняться Богу духом, должны наперед всякий употребить подвиг, чтоб стяжать сие великое благо, т. е. божественную благодать, благо, для которого и Христос распятие подъял и смерть. И пусть они не отступают от труда, делая со усердием все, что может подвигнуть благоутробие Божие на подаяние такого дара. Ибо это есть избавление, которое послал Бог людям Своим чрез Иисуса Христа Господа. Это есть великая милость, это есть очищение, это есть разорение средостения великого преграждения. Это есть воскресение души, бывающее прежде общего воскресения тел. Это есть нетление и вечная жизнь, примирение и содружение Бога с человеками. Это есть исправление вселенная, от Бога бывающее, которое не подвижется. От этого происходит то, что иной, последний из всех и раб всем, бывает первым. От этого бывает иной нищ духом, т. е. смирен, которого есть Царствие Небесное, бывает чист сердцем, который узрит Бога, бывает миротворцем, который наречется сыном Божиим. Вот какое дивное и великое благо должен позаботиться стяжать христианин, немешкотным и неутомимым трудом!

За этим же что последует? Последует то, что стяжавший такое дарование, имея ум свой здравым и совершенным, ясно созерцает и *разумет*

все чудеса от закона Божия (Пс. 118, 18), так как открылись очи его благодатию Христовою. Таковой совлекается образа человека перстного, т. е. ветхого Адама, и облачается во образ человека небесного, т. е. Христа. Ибо как человеком соделался Сын Божий и Бог Слово, и есть Он Богочеловек, то *как человек* передает Он человеческую добродетель и человеческое, восстановленное естество однородным Себе человекам, именно тем, которые приняли Его, как и Адам передал растленное человеческое естество происходящим от него человекам, так что причастники Иисусовы бывают небесными человеками, как причастники Адамовы — людьми перстными. И опять, *как Бог*, от Божества своего передает тем, кои восстановились и исцелились силою Его воочеловечения. Ибо нет возможности, чтоб кто-нибудь приблизился к святому и чистому Богу, если прежде не освятится он, не очистится, не сделается добротным благодатию Христовою; и таким образом не станет богат по благодати. Святые отцы наши и положили такое определение, что никому невозможно спастись иным образом, если не соделается он богат по благодати во Христе Иисусе, Коему слава во веки. Аминь.

Еп. И г н а т и й (Брянчанинов)

ИЗБРАННЫЕ ПИСЬМА К МОНАХАМ И МИРЯНАМ

Преосвященный Игнатий родился 6 февраля 1807 г. в с. Покровском Вологодской губернии и при Св. Крещении получил имя Димитрия. Его отец, Александр Семенович Брянчанинов, потомок древнего дворянского рода, имевший большие связи при дворе, мечтал о блестящей светской карьере для своего сына и, когда Димитрию исполнилось пятнадцать лет, повез его в столицу для определения в главное инженерное училище. Однако пятнадцатилетний юноша уже в ту пору мечтал стать монахом. Но, прежде чем осуществились намерения Димитрия Александровича, прошли долгие годы, много препятствий и тяжких испытаний выпало на его долю. Самым тяжелым из них было сопротивление домашних. Дмитрий Александрович должен был вынести тяжелую нравственную борьбу с родителями и с сильными мира сего, к помощи которых прибегал его отец в целях уберечь сына от монашества. Только после тяжелой болезни в 1827 году Дмитрий Александрович получил вождеденное увольнение со службы. Он начал послушание в Александро-Свирском монастыре под руководством о.Леонида (будущего Оптинского старца). В 1831 г. он был пострижен в малую схиму и наречен Игнатием в честь священномученика Игнатия Богоносца. В скором

времени он был посвящен в иеродиакона, затем в иеромонаха.

Он был строителем Пельшемского Лопотова монастыря, потом настоятелем в Угрешском монастыре. В 1834 г. он стал настоятелем Сергиевой пустыни под С.-Петербургом. Св. Синод возвел его к тому времени в сан архимандрита. В 1857 г. Св. Синод нарек архимандрита Игнатия во епископа Кавказского и Черноморского. К сожалению, святитель недолго правил Кавказской епархией: тяжелая болезнь — оспа, соединенная с сильной горячкой, окончательно подорвала и без того слабое от природы и от подвижнических трудов его здоровье. Он просил Св. Синод уволить его на покой и дать приют, в котором он мог бы окончить свои дни. Ходатайство епископа Игнатия было удовлетворено и он был уволен на покой с пенсией, получив в управление Николо-Бабаевский монастырь на Волге, в Костромской епархии. Здесь он прожил до конца своих дней в напряженных подвижнических трудах по духовному воспитанию иноков.

Епископ Игнатий скончался 30 апреля 1867 г. Кончина его была тихой и мирной, смерть застала его в тишине уединения в час молитвы.

Епископ Игнатий оставил после себя ценнейшие духовные сочинения по аскетике, молитве, трезвении*. Мы помещаем здесь избранные письма его к монахам и мирянам, извлеченные нами из

* Сочинения еп. Игнатия изданы во 2-й половине XIX в. в 6-ти томах: 1, 2 и 3 тт. под названием „Аскетические опыты“; 4 т. — „Аскетическая проповедь и письма к мирянам“; 5 т. — „Приношение современному монашеству“ и 6 т. — „Отечник“. Два первых тома переизданы Свято-

самиздатовского сборника его избранных сочинений.

+

Сердечно участвую в постигшей вас скорби! Милосердый Бог Сам да утешит вас! Да утешит вас мысль, что невинный юноша, чистый, как ангел, не успевший оскверниться никакими нечистотами земными, ушел, унеся в безопасное пристанище, в небо. Там ничто и никто не будет наветовать его благополучия! Тихо и счастливо текущая, неутекающая, неумолкающая вечность преобразились в день один для наследников блаженной вечности. Там несменяющаяся радость, там неумолкающий праздник, там пир, уготовленный от века и на веки Царем Царей — Богом. Туда поспешно отлетел юноша, призванный великим учредителем пира, Создателем человек. Кто может воспротивиться всемогущему призыванию Всемогущего? Лишь тварь услышит повеление Творца своего, — спешит мгновенно раболепно исполнить его. Очами веры посмотрим на милого юношу, шествующего по воздушным пространствам к небу! Очами веры посмотрим на чистого юношу, водворяющегося на небе и от радости его забывающего о всем земном! Проводим его горячей молитвой и горячими слезами! Принесем в память его молитву и слезы! Земля — страна плача; небо — страна веселия. Небесное веселие вырастает от семян, поспеваемых на земле. Эти семена: молитвы и

(продолжение) Троицким монастырем в Джорданвилле (США) в 1957 и 1966 гг. „Отечник” переиздан фототип. способом с изд. 1903 г. изд-вом „Жизнь с Богом” (Брюссель) в 1963 г.

слезы. Примите мои слезы в участницы слез ваших, а вы причаститесь того духовного утешения, которое присылаю вам в этих строках. Все мы — кратковременные странники на земле! Всем нам предстоит отшествие отсюда! И неизвестен час, в который востребует нас Бог из нашей гостиницы. Употребим земную жизнь на приготовление себя к вечности; приготовим себе блаженную вечность. Вечная судьба наша в наших руках; потому что Бог воздаст каждому по делам его. Вы уверены в той любви и преданности, которые вы насадили в сердце вашего недостойного Богомольца.

+

Достоинно горького рыдания зрелище: христиане, не знающие, в чем на деле состоит христианство! А это зрелище беспрестанно встречают ныне взоры; редко они бывают утешены противоположным, точно утешительным зрелищем! редко они могут в многочисленной толпе именующих себя христианами остановиться на христианине, и именем, и самым делом. Вопрос, предложенный вами, теперь предлагается сряду. „Отчего не спаслись” — пишете вы — „язычникам, магометанам, и, так называемым, еретикам? Между ними есть предобрые люди. Погубить этих добрейших людей было бы противно милосердию Божию!.. Да! то противно даже здравому разуму человеческому! — А еретики — те же христиане. Считать себя спасенным, а членов прочих верований погибшими, это — безумно, и крайне гордо!” Постараюсь ответить вам в немногих по возможности словах,

чтоб многословие нисколько не повредило ясности изложения. — Христиане! вы рассуждаете о спасении, а не знаете, — что такое спасение, почему человеки в нем нуждаются, наконец не зная Христа — единственное средство нашего спасения! — Вот истинное учение об этом предмете, учение Святой, Вселенской Церкви: Спасение заключается в возвращении общения с Богом. Это общение потерял весь род человеческий грехопадением праотцев. Весь род человеческий — разряд существ погибших. Погибель — удел всех людей, и добродетельных и злодеев. Зачинаемся в беззаконии, родимся во грехе. „Сниду к сыну моему сетуя во ад” говорит св. патриарх Иаков о себе и святом сыне своем Иосифе, целомудренном и прекрасном! Нисходили во ад по окончании земного странствования не только грешники, но и праведники Ветхого Завета. Такова сила добрых дел человеческих. Такова цена добродетелей естества нашего падшего! Чтоб восстановить общение человека с Богом, иначе, для спасения, необходимо было искупление. Искупление рода человеческого было совершено не ангелом, не архангелом, не каким-нибудь еще из высших, но ограниченных и сотворенных существ, — совершено было Самим беспредельным Богом. Казни — жребий рода человеческого, заменены Его казнию; недостаток заслуг человеческих заменен Его бесконечным достоинством. Все добрые дела человеческие немощные, нисходившие во ад, заменены одним могущественным добрым делом: верою в Господа нашего Иисуса Христа, Спросили Господа иудеи: „Что сотворим, да делаем дела Божия?” Господь отвечал им: „се есть дело Божие, да веруете в

Того, Его же посла Он” (Иоан. 6, 28-29). Одно доброе дело нужно нам для спасения: вера; — но вера — дело. Верую, одною верою мы можем войти в общение с Богом при посредстве дарованных Им таинств. Напрасно ж, ошибочно вы думаете и говорите, что добрые люди между язычниками и магометанами спасутся, т. е. вступят в общение с Богом! Напрасно вы смотрите на противную тому мысль как бы на новизну, как бы на вкравшееся заблуждение! Нет! таково постоянное учение истинной Церкви, и Ветхозаветной и Новозаветной. Церковь всегда признавала, что одно средство спасения: Искупитель! Она признавала, что величайшие добродетели падшего естества нисходят во ад. Если праведники истинной Церкви и чудотворцы, веровавшие в грядущего Искупителя, но кончиною предварявшие пришествие Искупителя, нисходили во ад, то как вы хотите, чтоб язычники и магометане, за то, что они кажутся вам добренькими, непознавшие и неверовавшие в Искупителя, получили спасение, доставляемое одним, одним, повторяю вам, средством, — верою в Искупителя? — Христиане! Познайте Христа! — Поймите, что вы Его не знаете, что вы отрицались Его, признавая спасение возможным без Него за какие-то добрые дела! Признающий возможность спасения без веры во Христа, отрицается Христом, и, может быть не ведая, впадает в тяжкий грех богохульства. — „Мыслим убо”, — говорит св. апостол Павел, — „верою оправдаться человеку, без дел закона”. „Правда же Божия верою Иисус Христовою во всех и на всех верующих: несть бо разнствия. Все бо согрешиша и лишени суть славы Божией: оправ-

даемы туне благодатию Его, избавлением, еже о Христе Иисусе” (Рим. 3, 28 и 22-24). Вы возразите: „Св. апостол Иаков требует непременно добрых дел; он научает, что вера без дел — мертва”. Рассмотрите — чего требует св. апостол Иаков. — Вы увидите, что он требует, как и все боговдохновенные писатели Священного Писания, дел веры, а не добрых дел падшего естества нашего! Он требует живой веры, утверждаемой делами нового человека, а не добрых дел падшего естества, противных вере. Он приводит поступок патриарха Авраама, дело, из которого явилась вера праведника: а то дело состояло в принесении в жертву Богу своего единородного сына. Заклать сына своего в жертву — совсем не доброе дело по естеству человеческому: оно — доброе дело, как исполнение повеления Божия, как дело веры. Всмотритесь в Новый Завет и вообще во все Священное Писание: вы найдете, что оно требует исполнения заповедей Божиих, что это исполнение называется делами, что от этого исполнения заповедей Божиих вера в Бога делается живою, как действующая: без него она мертвая, как лишенная всякого движения. И напротив того вы найдете, что добрые ощущения сердца — воспрещены, отвергнуты! А эти-то именно добренькие дела вам и нравятся в язычниках и магометанах! За них, хотя бы то и было с отвержением Христа, вы хотите дать им спасение. Странно ваше суждение о здравом разуме! С чего, по какому праву, вы находите, признаете его в себе? Если вы христианин, то должны иметь об этом предмете понятие христианское, а не другое какое, самовольное или схваченное неведь где? Евангелие

научает нас, что падением мы стяжали лжеименный разум, что разум падшего естества нашего, какого бы он ни имел достоинства природного, как бы он ни был изощрен ученостию мира, сохраняет достоинство, доставленное ему падением, пребывает лжеименным разумом. Нужно отвергнуть его, предаться водительству веры и при этом водительстве, в свое время, по значительным подвигам благочестия, Бог дарует верному рабу Своему разум Истины, или Разум Духовный. Этот разум можно и должно признать здоровым разумом: он — извещенная вера, так превосходно описанная св. апостолом Павлом в IV-й главе его послания к Евреям. Основание духовного рассуждения: Бог. На этом твердом камени он зиждется, и потому не колеблется, не падает. Называемый же вами здоровый разум мы, христиане, признаем разумом столько болезненным, столько омрачившимся и заблудшим, что уврачевание его иначе и не может совершиться, как отсечением всех знаний, его составляющих, мечом веры и отвержением их. Если же признать его здоровым, признать на каком-то основании неизвестном, шатком, неопределенном, непрестанно изменяющемся, то он, как здоровый, непременно отвергнет и Христа. Это доказано опытами. — Что же говорит ваш здоровый разум? Что признать гибель добрых людей, неверующих во Христа, противно вашему здоровому разуму! — мало того! Такая гибель добродетельных противна милосердию такого всеблагого Существа, как Бог. — Конечно, было вам откровение свыше об этом предмете, о том, что противно и что не противно милосердию Божию? — Нет! но здоровый ра-

зум показывает это. — А, ваш здравый разум!.. Однакож при вашем здравом разуме, откуда вы взяли, что вам возможно собственным ограниченным человеческим разумом постигать — что противно и что не противно милосердию Божию? — Позвольте сказать нашу мысль. — Евангелие, иначе Христово Учение, иначе Священное Писание, — еще иначе Святая Вселенская Церковь открыла нам все, что человек может знать о милосердии Божиим, превышающем всякое умствование, всякое постижение человеческое, недоступное для них. Суетно шатание ума человеческого, когда ищет он определить беспредельного Бога!.. когда он ищет объяснить необъяснимое, подчинить своим соображениям... кого? Бога! такое начинание — начинание сатанинское!.. Именующийся христианином и не знающий учения Христова! Если ты из этого благодатного, небесного учения не научился непостижимости Бога, — пойдя в школу, прислушайся — чему учатся дети! Им объясняют преподаватели математики в теории бесконечного, что оно, как величина неопределенная, не подчиняется тем законам, которым подчинены величины определенные — числа, что результаты его могут быть совершенно противоположны результатам чисел. А ты хочешь определить законы действия милосердия Божия, говоришь: это согласно с ним, — это ему противно. — Оно согласно или не согласно с твоим разумом, с твоими понятиями и ощущениями! — Следует ли из этого, что Бог обязан понимать и чувствовать, как ты понимаешь и чувствуешь? А этого-то и требуешь ты от Бога? Вот безрассуднейшее и вполне гордое начинание! — не обвиняй же суждения

о Церкви в недостатке здравого смысла и смирения: это твой недостаток! Она, святая Церковь, только следует неуклонно учению Божию о действиях Божиих, открытому Самим Богом! Послушно за нею идут истинные ее чада, просвещаясь верою, попирая кичащийся разум, восстающий на Бога! Веруем, что можем знать о Боге только то, что Бог благоволил открыть нам! Если б был другой путь к богопознанию, путь, который могли бы проложить уму своему собственным усилием: — не было бы даровано нам откровение. Оно дано, потому что оно нам необходимо. — Суетны же и лживые собственные самомышления и скитание ума человеческого. — Вы говорите: „еретики те же христиане”. Откуда вы это взяли? Разве кто-нибудь, именующий себя христианином и ничего не знающий о Христе, по крайнему невежеству своему решится признать себя таким же христианином, как и еретики, а святую веру христианскую не отличить от чада клятвы — богохульные ереси! Иначе рассуждают об этом истинные христиане! Многочисленные сонмы святых прияли венец мученический, предпочли лютейшие и продолжительнейшие муки, темницу, изгнание, нежели согласиться на участие с еретиками в их богохульном учении. Вселенская Церковь всегда признавала ересь смертным грехом, всегда признавала, что человек, зараженный страшным недугом ереси, мертв душою, чужд благодати и спасения, в общении с дьяволом и его погибелью. Ересь — более грех дьявольский, нежели человеческий; она — дочь дьявола, его изобретение, — нечестие, близкое к идолопоклонству. Отцы обыкновенно называют идолопоклонство нечестием, а ересь — зло-

честью. В идолопоклонстве диавол принимает себе божескую часть от ослепленных человек, а ересь он делает слепотствующих человек участниками своего главного греха — богохульства. Кто прочитает со вниманием „Деяния соборов”, тот легко убедится, что характер еретиков — вполне сатанинский. Он увидит их ужасное лицемерие, непомерную гордость, — увидит поведение, составленное из непрерывной лжи, увидит, что они преданы различным низким страстям, увидит, что они, когда имеют возможность, решаются на все ужаснейшие преступления и злодеяния. В особенности замечательна их непримиримая ненависть к чадам истинной Церкви и жажда крови их! Ересь сопряжена с ожесточением сердца, с страшным помрачением и повреждением ума, — упорно держится в зараженной ею душе — и трудно для человека исцеление от этого недуга! Всякая ересь содержит в себе хулу на Духа Святого: она или хулит догмат Святого Духа, или действие Святого Духа, но хулит непременно Святого Духа. Сущность всей ереси — богохульство. Святой Флавиан, патриарх Константинопольский, запечатлевший кровию исповедание истинной веры, произнес определение поместного Константинопольского собора на ересиарха Евтихия в следующих словах: „Евтихий, доселе иерей, архимандрит, вполне уличен и прошедшими его действиями и настоящими его объяснениями в заблуждениях Валентина и Аполлинария, в упорном последовании их богохульству, тем более, что он даже не внял нашим советам и наставлениям к принятию здравого учения. А потому, плача и вздыхая о его конечной гибели, мы объяв-

ляем от лица Господа нашего Иисуса Христа, что он впал в богохульство, что он лишен всякого священнического сана, нашего общения и управления его монастырем, давая знать всем, кто отныне будет беседовать с ним или посещать его, что они сами подвергнутся отлучению". Это определение — образчик общего мнения Вселенской Церкви о еретиках; это определение признано всею Церковью, подтверждено Вселенским Халкидонским собором. Ересь Евтихия состояла в том, что он не исповедывал во Христе по воплощению двух естеств, как исповедует Церковь, он допускал одно естество Божеское. Вы скажете: только!.. Забавен по своему недостатку истинного знания и горько жалостен по своему свойству и последствиям ответ некоторого лица, облаченного властью сего мира, св. Александру патриарху Александрийскому об Арианской ереси. Это лицо советует патриарху сохранить мир, не заводить ссоры, столько противной духу христианства, из-за некоторых слов, пишет он, что не находит ничего предосудительного в учении Ария, — некоторую разницу в оборотах слов — только! Эти обороты слов, замечает историк Флери, в которых нет ничего предосудительного, отвергают Божество Господа нашего Иисуса Христа — только! ниспровергают, значит, всю веру христианскую — только! Замечательно: все древние ереси, под различными изменяющимися личинами, стремились к одной цели: они отвергали Божество Слова и искажали догмат воплощения. Новейшие наиболее стремятся отвергнуть действия Святого Духа: с ужасными хулами они отвергали Божественную литургию, все таинства, все, все,

где Вселенская Церковь всегда признавала действие Святого Духа. Они назвали это установлениями человеческими, — дерзче: суеверием, заблуждением! Конечно в ереси вы не видите ни разбоя, ни воровства! Может быть единственно потому не считаете ее грехом? Тут отвергнут Сын Божий, тут отвергнут и похулен Дух Святой — только! Принявший и содержащий учение богохульное, произносящий богохульство, не разбойничает, не крадет, даже делает добрые дела естества падшего — он прекрасный человек! Как может Бог отказать ему в спасении!.. Вся причина последнего вашего недоумения, как и всех прочих, глубокое незнание христианства! Не думайте, что такое незнание — маловажный недостаток! Нет! его следствия могут быть губительны, особенно ныне, когда ходят в обществе бесчисленные книжки с христианским заглавием, с учением сатанинским. При незнании истинного христианского учения, как раз можете принять мысль ложную, богохульную за истинную, усвоить ее себе, а вместе с нею усвоить и вечную погибель. Богохульник не спасется! И те недоумения, которые вы изобразили в письме вашем, — те же страшные наватия вашего спасения. Их сущность — отречение от Христа! — Не играйте вашим спасением, не играйте! иначе будете вечно плакать. — Займитесь чтением Нового Завета и св. Отцов Православной Церкви (отнюдь не Терезы, не Францисков и прочих западных сумасшедших, которых их еретическая Церковь выдает за святых!); изучайте в святых отцах Православной Церкви, как правильно понимать Писание, какое жителство, какие мысли и чувствования приличествуют христианину. Из Писания

и живой веры изучите Христа и христианство. Прежде нежели придет грозный час, в который должны будете предстать на суд пред Богом, стяжите оправдание, подаемое Богом сынам человеческим — при посредстве Христианства.

+

Ты сомневаешься в существовании ада и вечных мук? — повторяешь нынешнее модное возражение: „это не сообразно с милосердием такого благого существа, как Бог”. Ах, друг мой! Может ли такое слабое, ограниченное существо, как человек, судить сам собою о Боге, Существо беспредельном, превышем всякого постижения и осуждения, — выводить положительные заключения о Боге из взглядов в себя? Оставь свои собственные суждения и верь от всего сердца всему, чему научает нас Евангелие. Сам Спаситель сказал: „*И идут сии в муку вечную*” (Мф. 25, 46); в другом месте сказал: „*во аде возвел очи свои*” (Лк. 16, 23). Спаситель сказал, что есть ад, есть вечные муки; — к чему твое возражение! Если ж ты дашь место этому возражению, значит — сомневаешься в истине слов Спасителя, отвергаешь их. Кто из учения Христова отвергает хоть один догмат, тот отрицает Христа. Подумай хорошенько: твое сомнение — не так легкий грех. Если и ты усвоишь его себе, будешь осуществлять словами, — впадешь в грех смертный. Одно слово веры может спасти, и одно слово неверия может погубить душу. Разбойник в час смерти, уже на кресте, исповедал Христа — и отворил себе двери в

рай; фарисеи, отвергнув Истину, похулили Духа Святого, — и погибли. „От словес бо своих оправдишися, и от словес своих осудишися”, (Мф. 12, 37) — возвестил Спаситель. Если позволишь твоему разуму возражения против учения Христова, он найдет их тысячи тысяч: он неисчерпаем — когда попустил ему заразиться неприязнию ко Христу. Мало-помалу он отвергнет все догматы христианства! Не новость — этот плод необузданного самовольного суждения; сколько от него явилось в мире безбожников, богохульников! По наружности, для неопытных глаз, они казались умами блестящими, разорвавшими цепи, вышедшими на свободу, открывшими истину и показавшими ее прочим людям. Но последствия показали, что мнимая их истина — ужаснейшее, пагубнейшее заблуждение. Потоками крови омыты ложные мысли, — и не вычистилась мысль этим омовением! Страшно — запятнать мысль ложью; кровь человеческая не в силах смыть этих лютых пятен. Для такого омовения человечество нуждалось в крови Богочеловека. Оно получило эту кровь, умылось в ней, очистилось! держимое рукою веры, вышло на свет истинного богопознания и самопознания, вышло туда из глубокой, темной пропасти плотского, лжеименного разума. Этот разум призывает человека снова в пропасть, — и внемлет человек призыву убийственному! Что дивного? Человек сохранил свой характер: в раю, исполненном благоухания и наслаждения Божественного, он не остановился вверить свое внимание льстивым словам. — Друг мой! ты христианин, член Православной Восточной Церкви; сохраняй верность к духовному телу, кото-

рого ты член, — сохраняй соединение со святою Церковью, которой ты принадлежишь, — сохраняй свое духовное достоинство, как бесценное сокровище. По причине немощи твоей не вдавайся в суждение о догматах: это глубокая пучина, опасное море; в нем потонули многие пловцы неискусные и самонадеянные. Безопасно, с надеждою обильной духовной корысти могут плавать, носиться по чудным волнам богословия только те, которых кормило — ум в деснице Духа. По совету св. апостола Павла низлагай всякое явление, взимающееся на разум Христов. Не входи в спор, ниже в рассуждение с сомнениями и возражениями, порождаемыми лжеименным разумом; мечом веры посекай главы этих змий, едва они выставят эти главы из своего логовища! Это дело прямое, дело верное! дело достойное того, кто однажды навсегда сочетался Христу. Прежде союза имеет место рассуждение; по заключении союза — оно — уже — преступление. Ничто, ничего да не нарушает, да не колеблет твоей верности! Ах! сноснее нововступивший в союз, нежели предатель. Со смирением преклони выю благому игу, веди жизнь благочестивую; ходи чаще в церковь; читай Новый Завет и писание Святых Отцов; благодвори ближним; в свое время божественное Христово учение, из которого дышит святыня и истина, усвоится душе твоей. Тогда не будет приступать к ней никакое сомнение. Христово учение вышеестественное, как божественное; оно доступно для ума человеческого при посредстве одной веры. Безумное начинание — объяснить вышеестественное человеческим рассуждением, очевидно не могущим выйти из общего, обыкно-

венного, естественного круга. Безумного начина-
ния последствия: несообразность, бесчисленные
возражения, отвержение неестественного, хотя бы
это неестественное и было божественно, люди
в своих действиях по большей части противоре-
чат сами себе! берегут глаза свои, чтоб они не засо-
рились, а ума — этого ока души — отнюдь не дума-
ют беречь, заполняют всевозможным сором. Гос-
подь пожелал хранить ум, потому что он — вождь
человека. Если ум собьется с пути истинного, —
вся жизнь человека делается заблуждением. Чтоб
сбиться уму с пути истинного, надо немного: одна
какая-нибудь ложная мысль: „Егда убо око твое
просто будет”, — говорит Спаситель, — „все тело
твое светло будет: егда же лукаво будет, и тело
твое темно. Блуди убо, еда свет, иже в тебе, тьма
есть” (Лк. 11, 34-35). Мы совсем не соблюдаем
этого святого заветания: не наблюдаем, чтоб наш
свет, т. е. ум, не сделался тьмою, вносим в него
всякую всячину, он делается решительно тьмою
и разливает мрак на все поведение наше, на всю
жизнь. С чего бы родиться в душе твоей помыш-
лениям, враждующим на Бога, — помышлениям
пагубного неверия и суемудрия? Непременно ты
начитался разных пустейших иностранных книжо-
нок, послушался разных неосновательных сужде-
ний о религии, которыми так богато наше время,
так скудное в истинных познаниях религиозных.
„Ничто так не направляет человека к богохульст-
ву, как чтение книг еретических”, сказал препо-
добный Исаак Сирский. Оставь это беспорядоч-
ное чтение, наполняющее ум понятиями сбивчи-
выми, превратными, лишаящее его твердости,
самостоятельности, правильного взгляда, приводя-

щее в состоянии скептического колебания. Займись основательным изучением Восточной Церкви по ее преданию, заключающемуся в писаниях Святых Отцов. Ты принадлежишь этой Церкви? Твоя обязанность узнать ее как должно. Посмотри, как твердо знают свою религию инославные Запада! — Правда, для них меньше труда в подробном познании своей веры. Папист — лишь уверовал в папу, как в Бога, сделал все: он папист в совершенстве! может сумасбродствовать, сколько хочет! Протестант — лишь сомневается во всем предании, протестует против всего Христова учения, утверждая, впрочем, себе имя христианина, — сделал все: он вполне протестант. Достигши такого совершенства, и римлянин и протестант пишут многотомные сочинения; их творения грузятся в пароходы, едут в Россию искать читателей. Не читай того, что написали эти люди, сами не понимая, что пишут. Ты так мало знаешь, по общей нынешней моде, христианскую религию, что очень удобно можешь усвоить себе какую-нибудь ложную мысль и повредить ею свою душу. Ад есть, и мука вечная есть: благочестивою жизнью сделай их для себя несуществующими! Считаю конченным ответ мой. А что буду говорить далее, то дань, приносимая дружбе. Нет! — не дань; надо назвать иначе. Это — празднословие, к которому приводит однакож искренность и дружба. Часто приходилось мне слышать мысль сомнения, ныне высказанную тобою и подкрепляемую именно тем доводом, который ты привел, что существование ада и вечных мук несообразно с милосердием Божиим. Однажды, после такой беседы, когда оставил меня беседовавший со мною посетитель, я по-

грузился невольно, не замечая того, в задумчивость. Грустно мне было на сердце. Никакая, впрочем, особенная мысль меня не занимала. В этом состояло впечатление, оставленное мне посетителем. И как не остаться грустному впечатлению, дерзнувшему признать слова Сами-Истины-Бога ложью, вымыслом, суеверием. Как не остаться грустному впечатлению, когда я видел, что отвергается милость Божия, — которую способно принять и сохранить одно правое исповедание догматов веры христианской, которую подает Сам Бог, и в предлог такого отвержения приводится суетное человеческое умствование о милосердии Божиим! — Внезапно предстает мне мысль, предлагающая путешествие по всему свету. Мысль была так светла, произвела во мне такое приятное ощущение, что я нисколько не задумался о ней. С доверчивостью соглашаясь, водимый ею, лечу как бы в воздушном шаре. Вижу все страны, ничто не останавливает меня на пути моем, несусь мимо заоблачных гор, переносусь быстро через реки, через озера, через моря. В кратчайшее время осмотрел всю вселенную, — притом сидя спокойно в моих креслах. Что я видел во время моего путешествия? Страдание человечества! Да! я видел мучения и физические и нравственные, — не встретил ни одного человека, который бы не страдал. Я видел страдания во дворцах и на троне; я видел его среди преливающегося изобилия. Где тело было здорово и насыщено, там сердце было гладко, вольно, — не стерпевая лютой болезни, произносило непрестанные стоны. Я видел заключенных, погребенных на всю жизнь в душные и мрачные темницы; видел роющихся в про-

пастях земных, куда не достигает свет солнечный, где при звуках цепей и ударах молотов и секир добывается золото — средство к наслаждениям одних чрез постоянное бедствие тех, которые добывают. Я видел в государствах образованнейших целые семейства, умирающие с голоду; видел большую часть населения в бедствии от нищеты и недостатка нравственности. Я видел человечество, униженное преступлениями! Я видел человечество, искаженное заблуждениями! Я видел человечество, обезображенное варварством! Я видел человечество, низведенное до подобия скотов бессловесных и зверей хищных! Там производится ловля людей, как бы животных; там торгуют ими, как товаром бездушным, как скотом — на этом торжище человек — товар малочинный; цена ему меньше, чем цена домашнему скоту. Там человек живет почти как бессловесное животное; а там живет он, как зверь лютый, находя удовольствие в пролитии крови, пожирая с бешеным иступленным веселием себе подобных! Ах! лучше бы не существовать, чем существовать так неистово, так ужасно. Таковая картина обыкновенного человеческого бытия на земле. Надо вспоминать и о бедствиях, которым подвергается человечество по временам и местам: о землетрясениях, моровых язвах, междуусобиях, о мече завоевателей, так обильно льющих кровь, когда он в руке Батгя или Тамерлана. И вот уже несколько тысячелетий, как сменяется на земле одно поколение другим, сменяется единственно для страданий. Однакож на все это смотрит Бог, Творец и Владыка всего, всемогущий и всеблагий. Это ужаснейшее зло, в котором страждет род

человеческий на земле, не препятствует Богу пребывать всеблагим. Сколько ни придадим чисел к бесконечному, сколько ни отнимем от него, оно не изменится, пребывает бесконечным!!! Но если взглянуть так на землю, на которой поочередно страдали, на которой вымерло смертью, более или менее лютой, столько поколений — мысль о аде и вечных муках перестает уже быть странною!.. Род человеческий — разряд существ падших. Земля — преддверие ада с первоначальными казнями для преступных. Спаситель соделал ее преддверием рая.

+

Предлагаю вам освященную глубокой древности повесть: „Три усердные к добродетельной жизни инока предложили для себя следующие благочестивые занятия: первый — примирять поссорившихся между собою. К этому занятию производило его слово Евангелия: „*блаженны миротворцы*”. Второй решился всю жизнь проводить в служении больным; его привлекли к такому занятию слова Господни: „*болен бех и посетисте Мене*”. Третий удалился на безмолвие в пустыню. Примиряющий враждующих между собою имел очень скудный успех. Утомившись, он пришел к брату, посвятившему себя служению больным; но и того нашел ослабевшим, немогущим далее продолжать своего служения. Тогда оба согласились повидеться с пустынноиком. Пришедши к нему, они поведали ему скорбь свою и умоляли сказать им, что приобрел он в безмол-

вии? Пустынный, несколько помолчав, взял воды, и налив в чашу, сказал им: посмотрите в воду. Они посмотрели, но не увидели ничего, потому что вода была мутна. По прошествии немногого времени пустынный опять сказал им: вода устоялась — теперь посмотрите. Когда они посмотрели в воду, — увидели в ней лица свои, как в зеркале. Он сказал им: живущий посреди мира человек не видит своих согрешений, будучи возмущаем развлечением мира; когда же он придет на безмолвие, особенно в пустыню, тогда начинает усматривать живущий в себе грех. Надо сперва усмотреть грех свой, потом смыть его покаянием и стяжать чистоту сердца, без которой невозможно совершить ни одной добродетели чисто, вполне с извещением совести. Зрение своих согрешений — не так легко, как кажется при первом взгляде. Чтоб стяжать это зрение, — нужно много предварительных сведений. Нужно подробное знание закона Божия, без чего нельзя знать положительно, какие именно дела, слова, помышления, смущения принадлежат правде, какие греху. Грех часто имеет вид правды! — Нужно знать подробно свойства человека, чтобы знать, в чем заключаются греховные язвы ума, в чем — язвы сердца, в чем — язвы тела. Нужно знать — что падение человека? Нужно знать, какие свойства должны быть у потомства нового Адама, чтоб видеть — какие и в чем наши недостатки. Сколько-то требуется предварительных сведений, сведений важных, для получения подробного зрения своих согрешений! К такому зрению приводит истинное безмолвие. Оно доставляет душе устроение, подобное чистым зеркальным водам; в них видит

человек и свое состояние и, соразумно преуспеянию своему, состояние ближних. Мое уединение прерывается частыми внутренними и внешними волнами: вода моя по большей части мутна, редко, редко она получает некоторую зеркальность, — и то, — на мгновение! В это краткое мгновение рисуется пред очами ума моего привлекательнейшее зрелище. Вижу бесконечную ко мне милость Божию, цепь беспрестанных Божиих благодеяний. За что излились они на меня? — Не доумеваю. Чем я заплатил за них Благодетелю — беспрестанными грехами. Смотрю на грехи мои и ужасаюсь — как бы смотрю в страшную, глубокую пропасть, от одного взора в которую начинает кружиться голова. А что, если измерить эту пропасть?.. И начинаю измерять ее скорбию, измерять вздыханиями и рыданиями?.. Я рыдаю, — внезапно изменяется в сердце печаль на восхитительную радость: как будто кто-то говорит сердцу моему: „Непостижимый Благодетель Бог недоволен Своими благодеяниями; Он еще хочет ввести тебя в небо, соделать причастником наслаждения вечно-го”. Я верю, что всякого благодеяния, как бы оно ни было велико, можно ожидать от безмерной благодати Божией. Верую — и в тихое упоительное веселие погружается все существо мое”.

+

Провожу время в праздности, тому причиною употребляемый мною образ лечения. Он приносит ощутительную пользу, но отнимает все время. Неприятные заботы о теле, которое, несмотря

на все заботы о нем, должно же непременно возвратиться в свой прах, в свою землю, из которой заимствовано Создателем. Вникаю в себя: — нахожу, что болезнями и обстоятельствами я сформирован для уединения — холодно, мертво мое сердце к служениям внешним. Хотелось бы одним разом, одним ударом прервать мою связь с обществом. И сделал бы я это не для себя, не для людей, но чтоб намерение мое и препятствие были чисты пред Богом, Который сказал: „*Никтоже возложь руку свою на рало, и зря вспять, управлен есть в Царствии Божию*” (Лк. 9, 62). Впрочем, весьма различны суд Божий и суд человеческий; так выразился некоторый великий преподобный отец, особенно обиловавший даром обличения греховного рассуждения. Не знаю, что назначил для меня Бог; рассматривая себя, нахожу себя неспособным к должностям общественным, более способным к уединению, к которому приучился, проведя многие годы по причине болезней моих почти безвыходно в келии моей. В уединении можно свободно предаваться странствованию в областях греховного мира, куда переселились с земли мысль моя и сердце. Я не в силах возвратить их на землю! И перенесение их с земли совершилось без моего ведома. Я не помышлял об этом переселении, вовсе не знал, что оно возможно, — но однажды увидел их переселенными. Уже глядят они на землю, как странники на чужбине. Пребывая в чудной области нерушимого, в области блаженной благодатного мира и света, они отвратились от страны мрака, от страны изгнания преступников, осквернивших рай грехом, виновных в преслушании Богу, презревших об-

щение с Ним, променявших это общение на общение с дьяволом. На земле — все враждебно человеку, и сам он — в непрестанной борьбе с собою. Земля — юдоль страданий, юдоль изгнания, юдоль первоначальных страданий, которыми начинаются страдания вечные — справедливая казнь за оскорбление бесконечно Благого. Земля — изгнание наше, потому-то сюда пришел Искупитель искупить изгнание наше: потому-то Искупитель возводит принявших Его искупление с земли на небо. Небо — истинное отечество человека: шествуя туда надо рассчитаться с ними, возвратив им принадлежащее им, заимствованное от них. Заимствовали мы от них яд греха, грех во всех его мелочных видах, во всех его разнообразных формах. Отделив от себя все, чуждое естеству нашему, мы останемся сами с собою, с своим собственным непорочным естеством. Это очищение производится в нас „Словом Божиим“, открывающим нам и свойства нового Адама, и язвы ветхого. Всеблагий Дух Святой, увидев бездну нашу, низойдет в нас, осенит Своим миром и светом, изменит, запечатлеет, вчинит в блаженное племя избранных: в потомстве второго человека, который „Господь с небесе“. Запечатленные Духом, мы уже не будем страшиться миродержцев мрачных и злобных, пройдем сквозь темные и густые полчища их к свету истины, найдем в лоне ее предвкушение будущего блаженства. Кто совершил этот путь на земле во внутреннем человеке, кто освободился от плена греховного и получил обручение Духа, того душа пройдет по разлучении ее с телом беспрепятственно и безбедственно мытарства воздушных истязателей. Всему этому, и многому другому, не-

объяснимому в земных словах, научается человек в безмолвии: Дух Святой примыкает к безмолвствующему правильно, сопresentствует ему, возвещает тайны Царствия Божия, чтоб обильно напитался знанием и ощущением духовными сам безмолвник и напитал ими алчущую и жаждущую братию свою. Учение Духа — учение живое: блистает из него свет, дышит из него жизнь. Человеческое учение, из падшего человеческого естества, из знания, свойственного этому состоянию падения, — мрачно, мертво, имеет ложный свет, льстит слуху и сердечным чувствам, хранит в слушателях и умножает в них тьму, усиливает владычество смерти. Дивное чудо совершается при учении Духа: когда Дух — учитель, — произносящий слово Божие и слушающий его разделяют между собою учение жизни. Вся слава принадлежит таинственному Учителю; произносящий слово ощущает, что он произносит не свое слово, но слово Божие, — слушающий ощущает, что слышит слово Божие; все внимание его привлечено к оживляющей его духовной силе; к человеческому слову, в которое облачается слово Божие, остается холодным его сердце. В храме душевном опрокинут, низвергнут из него идол „я“; в этом храме, очищенном от скверны заустения, разливается благоухание Святого Духа, слышатся вещания Святого Духа. Как вы думаете, какое ощущение объемлет человека, глаголющего глаголы Духа, ощущающего в себе действие Духа? — Ощущение, которое иметь свойственно созданию пред его Создателем. Тогда человек явственно ощущает, видит, что он — ничто. Не из книги, не от человека, не из естественных гениальных способностей содеывается

человек учеником, слушателем и органом Духа! — при посредстве веры во Христа, чрез оживление в себе Христа, перенесением в себя свойств Христовых, которые Христос открыл людям в священных изречениях Евангелия. Где Христос, там Дух Его, там Ум Его — Его непостижимый Отец.

+

Ныне занимаюсь чтением книги, имеющей у меня на славянском, русском и других языках: заключающей в себе „собрание изречений святых пустынножителей Египта”. Эти изречения — бесценные перлы! Спускается в глубокое море водолаз, чтоб достать дорогую жемчужину, и святые Отцы удалялись в глубокие пустыни, там глубоко вникли в себя, находили различные бесценные духовные перлы: хриstopодражательное смирение, младенческую простоту и незлобие, англоподобное бесстрашие, рассуждение и мудрость духовные, — словом сказать, находили Евангелие. Сегодня я прочитал то изречение Великого Сисоя, которое всегда особенно нравилось, всегда было мне особенно по сердцу. Некоторый инок сказал ему: „нахожусь в непрестанном памятовании Бога”. Преподобный Сисой отвечал ему: „это — не велико; велико будет то, когда ты сочтешь себя хуже всей твари”. Высокое занятие — непрестанное памятование Бога! но эта высота очень опасна, когда лестница к ней не основана на прочном камне смирения. Смотрите-ка — Писание согласно с Отцами! Писание говорит: „*Всесожжения не*

благоволиши... жертва Богу дух сокрушен. Сердце сокрушенно и смиренно Бог не уничижит". Жертвы и самые всесожжения человеческие должны быть основаны на чувстве нищеты духовной, на чувстве покаяния. Без этого они отвергаются Богом. Также мне очень нравится изречение Великого Пимена: „Если всегда и во всем будем обвинять себя”, — сказал он, — „то везде найдем покой”. Другой Отец сказал: „Мы оставили легкое бремя, состоявшее в обвинении других, и взяли за тяжкое, состоящее в обвинении себя”. Такие изречения стоят целых книг! Никто, кажется, столько не вник в Евангелие, сколько вникли в него Святые пустынножители; они старались осуществлять Евангелие самую жизнью, самыми помышлениями и чувствованиями своими. Отличительной чертою их было глубочайшее смирение; падение человека было постоянным предметом их размышления; постоянным занятием был плач о грехах своих. Другое направление получили подвижники Западной Церкви, писатели ее подвижнического времени до разлучения этой Церкви от Восточной и отпадения ее в гибельную тьму ереси. Преподобный Венедикт, святой папа Григорий Двоеслов еще согласны с аскетическими наставниками Востока; но уже Бернард отличается от них резкою чертою; позднейшие уклонились еще более. Они тотчас влекутся и влекут читателей своих к высотам, недоступным для новоначального, заносятся и заносят. Разгоряченная, часто иступленная мечтательность заменяет у них все духовное, о котором они не имеют никакого понятия. Эта мечтательность признана ими благодатью. „От плод их познаете их”, сказал

Спаситель. Известно всем, какими потоками крови, каким поведением, решительно противохристианским, выразили западные фанатики свой уродливый образ мыслей, свое уродливое чувство сердечное. — Святые Отцы Восточной Церкви приводят читателя своего не в объятия любви, не на высоту видений, — приводят его к рассмотрению греха своего, своего падения, к исповеданию Искупителя, к плачу о себе пред милосердием Создателя. Они сперва научают обуздывать нечистые стремления нашего тела, соделывать его легким, способным к духовной деятельности; потом обращаются к уму, выправляют его образ мыслей, его разум, очищая его от мыслей, усвоившихся нам по падении нашем, заменяя их мыслями обновленного естества человеческого, живо изображенного в Евангелии. С исправлением ума святые Отцы заботятся об исправлении сердца, об изменении его навыков и ощущений. Очистить сердце труднее, нежели очистить ум: ум, убедясь в справедливости новой мысли, легко сбрасывает старую, легко усваивает себе новую; но заменить навык навыком, свойство свойством, чувствование другим чувствованием, чувствованием противоположным, это — труд, это усиленная продолжительная работа, это — борьба неимоверная. Любость этой борьбы Отцы выражают так: „дай кровь и прими дух“. Значит: надо умертвить все греховные пожелания плоти и крови. Надо ввести и тело, и ум, и сердце в управление Духа. Кровь и нервы приводятся в движение многими страстями: и гневом, и сребролюбием, и сластолюбием, и тщеславием. Последние две чрезвычайно разгорают кровь в подвижниках, незаконно подви-

зающихся, соделывают их иступленными фантастами. Тщеславие стремится преждевременно к духовным состояниям, к которым человек еще неспособен по нечистоте своей, за недостижением истины — сочиняет себе мечты. А сладострастие, присоединяя свое действие к действию тщеславия, производит в сердце обольстительные, ложные утешения, наслаждения и упоения. Такое состояние есть состояние самообольщения. Все, незаконно подвизающиеся, находятся в этом состоянии. Оно развивается в них больше или меньше, смотря по тому, сколько они усиливают свои подвиги. Из этого состояния написано западными писателями множество книг. На них-то с жадностью кидается, их-то проповедует преимущественно перед святыми и духовными, достойными стоять возле Св. Писания, слепотствующий и гордый мир, признающий себя просвещенным в высшей степени, и потому не нуждающимся держать неотступно предания Восточной Церкви. В святых Отцах Восточной Церкви отнюдь не видно разгоряченного состояния крови. Они никогда не приходят в энтузиазм, который, будучи рождением крови, часто на Западе искал пролития крови. Из их сочинений дышит истинное самоотвержение, дышит благоухание Святого Духа, мертвящего страсти. От этого благоухания бегут прочь сыны мира, как они улетают прочь от курящегося фимиама. „Мир не любит света”, сказал Господь. Сочинения западных писателей, написанных из состояния самообольщения, находят многочисленных читателей, переводятся не раз на русский язык, печатаются, перепечатываются; им произносятся, пишутся и печатаются громкие похвалы;

то, что исполнено смертоносного яду, одобряется и утверждается. Сочинения святых Отцов забыты! То, что они с давних времен святою Церковью признавались единым правильным руководством в подвижнической жизни, нисколько не принимается в уважение. Их сочинения критикуют, находят в них несообразности, противоречие Священному Писанию. Всему этому причиною, что святые Отцы наставлены были Духом Святым, что они отвергли премудрость мира для стяжания премудрости Духа. Тщетны покушения тех, которые, вопреки учению апостола, вопреки учению Церкви, покушаются войти в премудрость Духа премудростью мира. И „запинаяй премудрым в коварстве их” (1 Кор. 3, 19), преткнулись; пали падением страшным. Они захотели „духовное” объяснить темным душевным разумом, — и это „духовное” в писаниях святых Отцов показалось им странным, противоречащим Священному Писанию. „Духовная духовными сразсуждающе”, сказал св. апостол Павел. — „Душевен же человек не приемлет, яже Духа Божия, юродство бо ему есть: и не может разумети зане духовно востязуется” (1 Кор. 2, 13-14). Последние слова в русском переводе Нового Завета читаются так: „потому что о сем надо судить духовно”.

+

Часто беседую с вами о Истине. Мне хочется, чтоб вы поняли, как важно наблюдение за своим образом мыслей, за своим разумом. Человек непременно водится своим образом мыслей: это —

свет наш. С большою тщательностью надо бдеть за светом нашим, чтоб он не сделался тьмою, светом лживым, показывающим предметы не на их местах, не в их виде, одни вместо других. „*Блуди убо, еда свет, иже в тебе, тьма есть*” (Лк. 11, 35). Надо, чтобы наш образ мыслей был проникнут Истиною. Кроме Христа не понимаю, не знаю другой Истины. И не слепцы ли те, кто бы они ни были, которые, в то время, когда предстоит им Христос в страшном величии смирения, вопрошают: что есть Истина? — Вникните глубоко в слова мои! прошу, умоляю вас! умоляю вас для вашего спасения. Обыкновенно люди считают мысль чем-то маловажным: потому они очень мало разборчивы при принятии мыслей. Но от принятых правильных мыслей рождается все доброе, — от принятых ложных мыслей рождается все злое. Мысль подобна рулю корабельному: от небольшого руля, от этой ничтожной доски, влачащейся за кораблем, зависит направление и по большей части участь всей огромной машины. „*Помышление же преподобное соблюдает тя*” (Притч. 2, 11), говорит Писание; оно научает, чтоб самое „начало словес” наших было „истина”. Что это за „начало словес”, как не образ мыслей. Истина засвидетельствована на земле Духом Святым. Так говорили апостолы иудеям. Свидетель Христа Истины — Дух Святой. Где нет свидетельства от Духа, там нет доказательств Истины. Желаящий непогрешительно следовать Истине, должен пребывать в учении, запечатленном, засвидетельствованном Духом Святым. Таково учение Св. Писания и Святых Отцов Восточной Церкви, единой святой, единой православной и

истинной. Всякое другое учение чуждо Истины — Христа, Истины, сошедшей с неба по несказанному милосердию Божию, открывшейся человекам, „сидевшим во тьме и сени смертной”, погрязших в темной и глубокой пропасти самообольщения, неведения, падения, гибели.

+

Евангелие заповедует любовь к врагам: святые Отцы похваляют любовь, равную ко всем. — Неужели любовь к ближнему должна быть чужда всякого различия? Вот о чем думаю теперь беседовать с вами. Хотелось бы мне сказать вам об этом предмете слово не мое, а Божие: да дарует мне это слово милосердый Бог. Понимаю только ту любовь, которая действует по священным велениям Евангелия, при его свете, которая сама — свет. Другой любви не понимаю, не признаю. Любовь превозносимая миром, признаваемая людьми их собственностью, запечатленная падением, недостойна именоваться любовью: она — искажение любви. Потому-то она так враждебна любви святой, истинной. Истинная, святая любовь к Богу и ближнему, отчетливо изображенная в евангельских заповедях; правильное, непорочное действие ее является в исполнении евангельских заповедей. Кто любит Меня, сказал Господь, заповеди Мои соблюдет. В такой любви не может быть ни мечтательности, ни плотского разгорячения, потому что исполнение Христовых заповедей совершается первоначальными с насильем над собою, с таким насильем, что оно названо распятием, а преуспешными и

ощущающими благодатное осенение — с обильным ощущением мира Христова. Мир Христов есть некоторый тонкий духовный хлад; когда он разольется в душе, — она пребывает в высоком молчании, в священной мертвости. „*Не приидох, — говорит Законоположитель любви святой и истинной, говорит сама Любовь — Бог, — не приидох во wreци мир, но меч. Приидох бо разлучити человека на отца своего, и дочь на мать свою, и невесту на свекровь свою: и врази человеку домашнии его*” (Мф. 10, 34-36). А все поступки наши по отношению к ближнему, и добрые и злые, Господь будет судить, как бы они были сделаны относительно Его Самого (Мф. 25). Весь закон Господь сосредоточил в двух заповедях: в любви к Богу и в любви к ближнему. Любовь — союз совершенства, сказал апостол. Если так, то для чего же меч, для чего вражда и разлучение? Потому что Бог отвергает любовь плотскую, любовь, которую узнал Адам по падении, — принимает только одну духовную любовь, которую явил миру Новый Адам, Господь наш Иисус Христос. Мы должны любить так, как Он любит: любовь падшего ветхого Адама — плод, запрещенный в раю Нового Завета. Она-то преисполнена порывом мечтательности, переменчива, пристрастна, любит создание вне Бога. Устранен Бог всецело из отношений этой любви, призван к участию в ней грех и сатана. Любовь духовная постоянна, беспристрастна и бесстрастна; вся — в Боге, объемлет всех ближних, всех любит равно, но и с большим различием. „*Аз же глаголю вам: Любите враги ваша, — говорит Евангелие, — благословите клянущия вы, добро творите ненавидящим вас, и молитесь*

за творящих вам напасть, и изгоняция вы” (Мф.5, 44). Здесь ясно и определенно изображено, в чем должна состоять любовь к врагам: в прощении нанесенных ими нам обид, в молитве за них, в благословении их, т. е. в благих словах о них и в благодарении Бога за наносимые ими напасти, в благотворении им соответственно силам и духовному преуспеванию, в благотворении, которое может простираться до вкушения телесной смерти для спасения врага. Пример такой любви к врагам явил Спаситель. Но то же самое Евангелие повелевает быть осторожным с врагами своими, не вверяться им. „*Се Аз посылаю вас, — сказал Господь ученикам Своим, — яко овцы посреде волков: будите убо мудри яко змия и цели яко голубие. Внемлите же от человек: предадут бо вы на сонмы, и на соборищих их бьют вас... И будете ненавидими всеми имене Моего ради*” (Мф. 10, 16-17, 22). И так самим Евангелием предписана осторожность в отношении ко врагам и по возможности мудрое с ними обхождение. Вражду производит дух мира; часто она заступает место плотской любви. Но и самая плотская любовь очень похожа на вражду. Один потомок ветхого Адама способен в плотской любви и ко вражде: чем живее в нем ветхость, тем сильнее действуют недуги, которыми падение поразило любовь: вражда, зависть, ревность, плотская любовь. Раб Христов не может быть врагом чьим-либо. Вы видите — Евангелие предписывает нам любовь ко врагам не слепую, не безрассудную, но освещенную духовным рассуждением. Любовь — свет, слепая любовь — не любовь. Подобное этому должно сказать и о любви к друзьям. Евангелие повеле-

вает, чтоб любовь эта была о Христе, чтоб Христос был любим в ближнем, а ближний был любим, как создание Божие. По причине этой любви в Боге и ради Бога, святые угодники Божии имели и равную любовь ко всем, и любили особенно тех, которые проводили жизнь благочестивую, как сказал святой Давид: Мне же зело честни быша друзи Твои Господи. Наставляемые чувствовали более расположение к тем наставникам, в которых усматривали особое обилие духовного разума и других духовных дарований. Наставники любили более тех духовных чад своих, в которых усматривали особую тщательность к добродетели и особенное действие благоволения Божия. Такая любовь, отдающая должную цену людям по степени их благочестия, вместе с этим равна ко всем, потому что она во Христе и любит во всем Христа. Иной сосуд вмещает это духовное сокровище больше, иной меньше. Сокровище — одно! Где Христос, там нет зависти и рвения. Любы не мыслит зла! — там спокойствие, там мысли благие, там постоянство, там святой мир. Любовь, сопровождаемая рвением — земная, плотская, нечистая. Очи у святой любви — как у орла, как у пламенного херувима: от них не может скрыться и малейшее греховное движение. Но сама любовь неприступна для греха, всегда пресмыкающегося на земле; она живет на небе, — туда переносит на жительство ум и сердце, соделавшиеся причастниками божественной любви.

Один род служения ближнему, который мне нравится, мне по душе, — служение словом богоугодным и полезным, руководствующим во спасение. Поэтому вожделенна мне пустыня и уединение. При помощи их желалось бы мне очистить мой ум и сердце, очистить их так, чтоб они соделались живыми скрижалями живого Божия слова, чтоб изобразилось на них ясно, светло оно, чтоб из живого Божия слова истекало обильное спасение, проливалось в душу мою и в души возлюбленных моих о Господе. Величайшее, единственное благо для человека — познание Бога. Прочие блага в сравнении с этим благом недостойны называться благами. Оно верный залог вечного блаженства — и в самом земном странствовании нашем оно доставляет высшие и обильнейшие утешения. В величайших бедствиях и скорбях, когда уже все прочие утешения делаются недостаточными, бессильными, — оно сохраняет всю свою силу. Оно — величайший дар Божий. Блаженнейшее, высшее служение на земле — привлекать в себя этот дар Божий покаянием и исполнением евангельских заповедей, сообщать его ближним. Счастлив тот, кому вверено такое служение, как бы он ни был ничтожен по наружности. С этим служением несовместимы попечения земные. Оно требует, чтоб служитель был прост и невиновен, как младенцы, — был так чужд сочувствия ко всему вожделенному и сладостному мира, как чужды его младенцы. Надо потерять самое понятие

о зле, как бы его вовсе не было, иначе понятие о добре не может быть полным, чистым, совершенным. Любы, которая союз совершенства, не мыслит зла, сказал апостол. Чистые сердцем видят всех чистыми. Надо столько преуспеть в добре, чтоб тотчас, сердечным духовным ощущением познавать приближающееся зло, как бы оно прикрито и замаскировано ни было, немедленно, с мужественною решительностью отвергать его — и пребывать неизменно благим, благим о всеблагом Господе, дарующем свою благодать человеку. Для этого нужно оставить земные попечения и самые обязанности, сопряженные с попечениями и пагубными развлечениями. Ныне многие люди дерзнули в установления Святого Духа ввести свои установления. По этой причине сделались установления небесные земными, духовные плотскими, святые греховными, мудрые нелепыми. Видят несообразность, видят текущее из нее разрушение; но не видят начала, из которого текут бедствия: потому что смотрят при свете собственного падшего разума, а не при свете Божиим. Начало бедствий заключается в непозволительном и гордом презрении велений Святого Духа, в заменении их своими уставами. Вот где причина всеобщего расстройства, причина падения христианина, падения нравственного, всегда предшествующего расстройству гражданскому, предвещающего это расстройство. Есть в частности христиане, но утрачено общее одинаковое знание Истины, которым бы все соединилось в одно духовное тело, с одним образом мыслей, в одном духе, под одною общею главою — Христом. Ныне всякий имеет более или менее свой образ мыслей, свою религию, свой путь, при-

нятые произвольно или случайно, признаваемые правильными, или только оправдываемые. Это бесчисленное стадо, потерявшее связь и единство в истине и духе, представляют духовному наблюдателю вид величайшего беспорядка: каждая овца бредет в свою сторону, никто о ней не заботится, люди уже более не слышат — так отяжелел слух их — спасительного гласа Истинного Пастыря, раздавшегося из Его святой Церкви, который еще громко обличает их неправду, возвещает им о пути правом, указывает его. Оглушил их шум земных, лютых попечений, шум увеселений чувственных, шум земного преуспевания. Прильпе земли душа их, неспособна к восприятию впечатлений духовных. Но некоторые избранные доселе слышат голос истинного Пастыря, Господа нашего Иисуса Христа. На этот голос идут они, пробиваясь с величайшими усилиями и трудом сквозь густую толпу, несвязно шумящую, их окружающую. Доселе эти избранные отдают справедливость на земле окружающей небесной правде. Очень мало число их! но Господь ободряет их: Не бойся, говорит Он, малое стадо, яко благоизволил Отец вам дати Царство. Какой признак этих овец, по которому тотчас можно было узнать их? Этот признак — точное послушание святой Церкви, верность святой Истине и Святому Духу. Водимые истинным смирением, они отрекаются от разумений своего падшего естественного разума и от всех разумений человеческих, как бы они по наружности ни казались возвышенными и привлекательными. Чтобы сохранить верность Богу, они не стыдятся, что мир называет их безумными. Не только терпят они великодушно гонения от мира, но и сами себя

подвергают различным лишениям и тем сохраняют в себе „мертвость Иисусову и живот Его”. Это значит: „погублять душу свою в веке сем, чтоб приобрести ее для вечности чрез оживление Духом”. Пребудем в верности Святому Духу, Он Пресвят и Пречист; — почивает в одних чистых и святых, любит смиренных, доказывающих свое смирение не чем-нибудь наружным, но повиновением ума Евангелию и Церкви. Он отвращается от своеразумных, отделяющихся от единства Церкви для какой-нибудь мысли, льстящей уму и сердцу. Он удаляется от них и приступает к ним темный дух прелести. „Одна мысль ложная”, — сказал некоторый святой отец, — „может низвести в ад”. Легче думают омраченные сыны мира сего о мыслях о Боге: по их мнению мыслить о Боге так или иначе — небольшая беда. Несчастные! Они не знают, как важны мысли о Боге, как важна в них Истина и ей всегда сопresentствующий и содействующий Дух. От взаимного их действия — оживление человека во спасение, которое состоит в причастии естества человеческого Божественному естеству. Напротив того, мыслям ложным всегда сопresentствует темный и лукавый дух обольщения. Отец лжи — диавол, так говорит Евангелие; ложь — дьявольское свойство. Усвоивший себе мысли ложные усвоил себе свойства диавола, вступил в родство с отверженными ангелами, сделал для себя соединение с Богом несродным, неестественным. Чуждый Бога чужд спасения и жизни духовной. Будем сохранять себя от мыслей ложных и истекающих от них сердечных ощущений. Из таковых ложных мыслей и ощущений составляется так называемая „прелесть” или самооболь-

щение, имеющие бесчисленные разнообразные виды, по степени, по роду принятых человеком ложных мыслей и ощущений за истинные. Стяжем истинное познание о Боге, чуждое заблуждений и умствований; оно сияет из Священного Писания и писаний святых Отцов, как свет из солнца, ярко блестящего в час полуденный с лазуревго безоблачного неба.

Прот. Валентин С в е н ц и ц к и й

МОНАСТЫРЬ В МИРУ

Проповеди и поучения

Часть 1

1921 — 1926 годы

„Если я благовествую, то нечем мне хвалиться; потому что это необходимая обязанность моя, и горе мне, если не благовествую”.

(1 Кор. 9 гл. 16 ст.)

ИЗ БЕСЕД НА ИЗБРАННЫЕ МЕСТА ИЗ ТВОРЕНИЙ СВ. ИОАННА ЛЕСТВИЧНИКА

Беседа первая

Во имя Отца и Сына и Святого Духа!

Господь сказал Своим ученикам:

— „Входите тесными вратами; потому что широки врата и пространен путь, ведущие в погибель, и многие идут ими; потому что тесны врата и узок путь, ведущие в жизнь, и немногие находят их”. —

Когда ученики ужаснулись трудности пути спасения и спросили Господа: „Кто же может спастись?”

В этой части „Надежды” печатаются отдельные беседы, извлеченные из рукописи, найденной в Самиздате.

Иисус возрев на них говорит: „Человекам это невозможно, но не Богу, ибо все возможно Богу.”

Я боюсь, что чтение „Лествицы” Св. Иоанна вызовет этот страх, это смущение. „Кто же может подняться на эту Лествицу?” — подумают мои духовные дети.

„Человекам это невозможно, но не Богу, ибо все возможно Богу”.

Вступать на путь духовной жизни можно только, уповая на эти слова. От нас Господь требует усилий в меру наших человеческих сил, в меру нашего человеческого разума, остальное дает нам Божественная благодать, Божия помощь.

Вот почему, приступая к чтению „Лествицы” Св. Иоанна, да не дерзаем ставить себе задачей подняться на недосыгаемую его высоту. Задача подвижающегося — работать для Господа всю жизнь. А каковы будут плоды — это от благодати Божией.

Первая ступень Лествицы требует от нас должного отношения к „миру”. Надо противопоставить себя ему. Провести некую черту, отречься от него. Первое слово Св. Иоанна — „об отречении от мира”, а следующее, ступень вторая, — „о беспристрастии”.

Боящихся сделать этот внутренний шаг св. Иоанн ободряет следующими словами:

„В самом начале отречения, без сомнения, с трудом, понуждением и горестью исполняем добродетели, но преуспевши перестаем ощущать в них скорбь, или ощущаем, но мало; а когда плотское мудрование наше будет побеждено и пленено усердием, тогда совершаем их уже со всякою радостью и ревностью, с возделением и Божественным пламенем”.

„Многими скорбями надлежит нам войти в Царствие Божие”, — говорит ап. Павел. Свои скорби ожидают и вступающего на путь духовной жизни. Слишком сильна над нами власть жизни мирской, чтобы мы могли без боли, без тоски, без скорби отсечь внутренние цепи, связующие нас с миром. Но великий опыт подвижников вселяет в нас радостную бодрость. Он говорит нам о дальнейшем, о том, что ждет нас, когда мы не остановимся на полпути, когда „преуспевши” и победив „плотское мудрование” подыдемся несколько над жизнью мирской. Тогда этот подвиг отречения вселит в нас радость. Божественное пламя и ревность охватят нас...

„Желающие истинно работать Христу прежде всего да приложат старание, чтобы при помощи духовных отцов и собственными рассуждениями избрать себе приличные места и образы жизни, пути и обучения: ибо не для всех полезно общежитие, по причинам сластолюбия, и не все способны к безмолвию, по причине гнева, но каждому должно рассмотреть, какой путь соответствует его качествам”.

Это указание св. Иоанна относится не только к подвижающимся в монашестве, — оно относится и к нам, мирским людям. Совершающие путь духовной жизни в миру, отрекающиеся от него внутренне, не уходящие в монастыри, в пустыни и затворы, все же неминуемо должны и по внешности, хотя и в условиях мирской жизни, изменить жизнь свою. Нужен некий внешний режим жизни, который и должен быть установлен „собственным рассуждением”, но с ведома, по совету и согласию духовника.

„Кто истинно возлюбил Господа, кто истинно желает и ищет будущего Царства, кто имеет истинную скорбь о грехах своих, кто поистине стяжал память о вечном мучении и страшном суде, — тот страшится своего исхода из сей жизни, тот не возлюбит уже ничего временного”.

Да и как возлюбить ему? Тот горний Иерусалим, то вечное Царствие, — если оно откроется внутренним очам, — сразу осветит особым светом мирскую жизнь. Увидит человек, как ничтожны и призрачны соблазны мира. Как суетны заботы. Временное, преходящее станет для него подобно сновидению: какими страшными предстанут ему грехи против Господа! Какое великое правосудие увидит он в вечных мучениях для душ, возлюбивших временное и отвергнувших Христа! Ибо вечная, бессмертная душа человеческая, собирающая временное и тленное, сама себя ввергает во власть вечной смерти.

„Если кто возненавидел мир, тот избежал печали. Если же кто имеет пристрастие к чему-либо видимому, то еще не избавился от нее: ибо как не печалиться, лишившись любимой вещи?”

В начале человеку кажется, что отречься от мира — значит избрать путь, не знающий радости. Радость мирская кажется ему единственной радостью жизни. Но это самообман. Это наваждение бесовское. Эта кажущаяся мирская радость опустошает душу, является источником уныния, разочарования, безотчетной тоски. За минуту этого мелькнувшего призрака человек платит долгими и тяжкими скорбями. Не верь этому призраку, — говорит св. Иоанн. Не радость, а печаль ждет тебя

в миру. Ибо жизнь мирская — это постоянное лишение себя любимых вещей. „Возненавидь мир. Возненавидь „вещи” сии, — и тогда избежишь печали”.

„Будем внимать себе, чтобы, думая идти узким и тесным путем, в самом деле не блуждать по пространному и широкому. Узкий путь будет тебе показан утеснением чрева, всенощным стоянием, умеренным питием воды, скудностью хлеба, очистительным питием бесчестия, принятием укоризн, осмеяния, ругательств, отсечением своей воли, терпением оскорблений, безропотным перенесением презрения и тяготы досаждений; когда будешь обижен — терпеть мужественно; когда унижают — не гневаться; когда на тебя клеветают — не негодовать; когда осуждают — смиряться. Блаженны, ходящие стезями показанного здесь пути, яко тех есть Царствие Небесное (Мф. 5, 3-12)”.

Здесь св. Иоанн предостерегает нас от обольщения. Человеку может казаться, что он избрал себе путь узкий, что идет он не по широкой мирской дороге, по которой идет погибающее большинство. Отвлекая внутреннее внимание, темная сила уводит его от истинного узкого пути спасения.

„Внимай себе!” — говорит св. Иоанн. — Внимай, чтобы не поддаваться обольщению сему. А вот и признаки, по которым ты можешь проверить, каким путем идешь: узким ли ко спасению, или блуждаешь по просторному и широкому пути гибели. Сначала признаки внешние: если ты утесняешь чрево твое постом, если ты не ленишься встать на ночную молитву, если ты мало пьешь воды и не думаешь об одежде, если ты доволен, питаешься одним хлебом, — ты идешь узким путем.

А вот признаки внутренние: если ты отсекаешь свою волю, и терпеливо и радостно несешь послушание, если ты безропотно несешь бесчестье, осмеяние, обиды, если ты не негодуешь на клевету и смиряешься, когда тебя осуждают, — ты идешь узким путем. Труден, воистину труден этот путь! Но блаженны идущие им, — „яко тех есть Царствие Небесное!”

Некоторые люди, нерадиво живущие в мире, спросили меня, говоря: „Как мы, живя с женами и оплетаясь мирскими попечениями, можем подражать житию монашескому?” — Я отвечал им: „Все доброе, что только можете делать, делайте, никого не укоряйте, не окрадывайте, никому не лгите, ни перед кем не возносите, ни к кому не имейте ненависти, не оставляйте церковных собраний, к нуждающимся будьте милосердны, никого не соблазняйте, не касайтесь к чужому ложу и будьте довольны оброками жен ваших. Если так будете поступать, то недалеко будете от Царствия Небесного”.

Этот ответ св. Иоанна Лествичника в наши дни имеет особое значение.

Один пустынный наш современник рассказывал мне, подымаясь в гору после обсуждения пустынноиками вопроса не надо ли им выстроить свой монастырь, он удостоился видения. Ему предстал Ангел, который сказал: „Не время строить монастыри!”

Рассказано мне это было за несколько месяцев до Германской войны.

„Не время строить монастыри!” Воистину так! Но время подвизаться подвигами монастырскими! Внешняя монастырская жизнь для немногих сейчас

доступна. И духовная жизнь христиан должна проходить теперь в условиях жизни мирской. Им надлежит создавать теперь невидимые „духовные“ монастыри своею жизнью, — наипаче же молитвенным подвигом. Не многие могут теперь жить за каменными монастырскими стенами, отдаляющими тот, суетный мир, от этого — христианского, Божьего. Но значит ли это, что никаких стен нельзя воздвигнуть между тем и этим миром?

Внутреннее отречение от мира — вот фундамент этого монастыря. Молитвою, борьбою со страстями, чистотою жизни, отречением от своей злой воли, подвигами и работой Господней, — всецело уповая на благодатную помощь Божию, — воздвигни стены этого невидимого для людских глаз монастыря. Не осуждайте, не лгите, любите людей, угасите вражду в сердцах ваших, будьте милосердны и чисты сердцем, — и монастырем для вас станет внутренняя ваша жизнь. Стройте же эти невидимые духовные монастыри. Уходите в них от суеты мирской. Наступило для сего лето Господне благоприятное! А м и н ь !

Беседа вторая

Во имя Отца и Сына и Святого Духа!

Человеку кажется, что все его несчастья происходят от внешних житейских неудач. Если потерял он имение свое — ему кажется причиной его несчастья материальная неустроенность. Если он болен — болезнь представляется ему главным источником бед. И думает человек: какой бы я был счастливым, если бы вернулось ко мне мое здоровье.

Этот несчастен потому, что лишился места. У этого умер близкий человек. У той муж пьянствует и проживает свой достаток.

Все эти несчастья так близки, так понятны нам. Но не они делают нас несчастными. Они лишь внешние поводы, в которых обнаруживается наше душевное неустройство. И богатые могут быть несчастными, и бедные счастливыми, и здоровые могут умирать от тоски, и больные могут ликовать от радости, и имеющие службу бросаются под поезд, и не имеющие благодарят Господа за жизнь. Все зависит от души, которая переживает то или иное, ниспосланное ей в жизни. Одни и те же события разными людьми, разного душевного устроения, будут пережиты по-разному. Знаменателен в этом отношении ответ, данный Василием Великим правителю, который угрожал ему разорением, изгнанием, истязанием, казнь. Повествует о сем св. Григорий Богослов в надгробном слове Василию Великому:

— Если можешь, угрожай иным, а это нимало нас не трогает, — ответил на угрозы св. Василий.

— Как же это и почему? — спросил правитель.

Св. Василий ответил:

— Потому что не подлежит описанию имущество у того, кто ничего у себя не имеет. Изгнания не знаю, потому что не связан никаким местом... везде Божие место, где ни буду... Смерть же для меня благодетельна, она скорее преподшет к Богу, для Которого живу и тружусь, для Которого большею частью себя самого я уже умер, и к Которому давно поспешаю...

Так говорит святой, имеющий истинное устроение души. А сколько людей считали бы себя не-

счастнейшими, лишаясь имущества, подвергаясь изгнанию, или ожидая смерти!

События внешней жизни не зависят от нас. И не на это внешнее устройство должны мы обратить главное внимание. Мы должны, прежде всего, в порядок привести собственную душу. В исполнении этой задачи великое значение имеет чтение св. Отцов. Ради этой задачи беседуем мы и о восхождении по Лестнице св. Иоанна. Ради этого устройства, как мы видели в первой беседе, надлежит подняться на первую ступень — „отречения от мира” и на вторую — „беспристрастия”. Ныне надлежит нам рассмотреть третью ступень, о которой говорит третье слово Лестницы: „О странничестве”...

„Странничество есть невозвратное оставление всего, что сопротивляется нам в стремлении к благочестию. Странничество есть недерзновенный нрав, неведомая премудрость, необъявляемое знание, утаиваемая жизнь, невидимое намерение, обнаруживаемый помысл, хотение уничижения, желание тесноты, путь к Божественному вожделению, обилие любви, отречение от тщеславия, глубина молчания”.

Отрекшийся от мира уходит вглубь себя. Он чувствует себя не связанным с жизнью мирской. Он живет, как странник здесь на земле. Он навсегда оставляет то, что в миру мешает благочестию. Жизнь его „утаивается” от взоров, она протекает внутри, в духе его. Он не имеет стремления тщеславиться ни знаниями своими, ни высотой своей, ни мудростью, ибо мир — ничто, могут ли услаждать странника мирские похвалы?

„Ощутивши пламень, беги: ибо не знаешь, когда

он угаснет и оставит тебя во тьме. Если возгорелась в тебе ревность о жизни духовной, беги от мира. Теперь же, не откладывая, приступай к служению Господу. Дорожи этим огнем. Не дай остынуть ему в тебе. Если не будешь возгревать души, — он угаснет, и снова спустится в сердце твое мрак, снова суета мирская поработит тебя”.

„Лучше оскорбить родителей, нежели Господа, потому что Сей создал и спас нас; те часто погубляли своих возлюбленных и подвергали их вечной муке”.

Уважение и любовь к родителям указаны нам заповедью Божиею. Но враги человеку домашние его. И если жизнь духовная встречается на своем пути препятствие в лице неверующих родителей, — лучше огорчить их, чем Господа. И если дети, или близкие, или вообще кто бы то ни было из людей, мешает идти за Христом — лучше огорчить человека, не послушаться его, чем Господа, Которому послужи. А теперь вопрос этот часто встает в семьях. Как быть верующим, душа которых стремится ко Христу, к молитве, к соблюдению постов, к жизни церковной, когда часть семьи смеется над этим, восстает на это, препятствует этому? Слушаться ли их, чтобы не огорчить непослушанием? Нет! Все сделав для сохранения мира, — все же надо идти своей дорогой, памятуя — лучше оскорбить родителей, детей, близких, кого бы то ни было из людей, чем Господа.

„Когда мы ради Господа, оставив свой дом и родственников, предаем себя отшельнической жизни из любви к Богу, тогда бесы стараются возмущать нас сновидениями, представляя нам сродников наших сетующих, или умирающих, или за

нас в заключении держимых и другие напасти терпящих”.

И дальше:

„Кто верит бесу, для того он часто бывает пророком, а кто презирает его, пред тем всегда оказывается лжецом”.

О бесах надлежит сказать вам подробнее. Часто упоминают о них св. Отцы. Это слово смущает мирского человека. Ему внушают, что верить в существование бесов могут лишь безграмотные люди, что это признак невежества, что это простое суеверие, унаследованное невежественным народом от предков своих вместе с верою в домовых, русалок, ведьм и колдунов.

Так думают те, для которых не существует иного мира, который окружает нас, который мы видим и осязаем. Для них нет ни Бога, ни дьявола, ни Ангелов, бессмертных человеческих душ, ни ада, ни рая, ни вечной жизни: человек для них часть этого вещественного мира. Умрет, сгинет и это все. Для них вещество — случайное соединение каких-то „атомов” и жизнь потому не что иное, как ряд приятных или неприятных случайностей. Никто невидимый, по их мнению, не стоит за видимым миром.

Для нас, верующих, и самое вещество имеет невидимую духовную основу. И мир не случайное, а Божие создание. И жизнь не случайность, а нечто, имеющее великий смысл, ибо руководит ею Промысел Божий. Для нас есть Господь Вседержитель. Для нас, кроме этого мира, — есть мир иной, в котором свое бытие, свои законы. Для нас этот мир содержит тьмы Ангелов, часть которых отпала от Господа и ведет с миром брань, стремясь

отторгнуть от спасения человеческие души. Тот духовный невидимый мир находится в некотором соприкосновении с миром земным. На нашу внутреннюю жизнь влияют и Ангелы Хранители наши, влияют и темные силы бесовские, влекущие нас к гибели.

Бесы — не отвлеченное понятие, не символ, не иносказание и, тем паче, не продукт невежества. Они есть несомненное, действенное и личное начало потустороннего мира.

Так всегда относилась к ним св. Церковь, так всегда относились к ним св. Отцы.

Все богослужение полно этой бранью св. Церкви с темными силами дьявола и его служителей. Заклинания при Крещении имеют сего врага как бы лицом к лицу. Все молитвы святых исполнены этой пламенной вражды к силам бесовским. Молитвы святых это как бы внутренняя война с бесовскими полчищами. А жития святых? Это история неустанной брани (борьбы) души человеческой с дьяволом, бесами, демонскими силами.

Многим святым, достигнувшим высоты духовной, Господь дал видеть их очима.

Преподобный и Богоносный отец наш Серафим Саровский говорит, что „вид их гнусен”.

Как же можно доверять наветам бесовским? Как можно их слушать? Как можно подчиниться?

Не верь ему, когда он будет терзать душу твою, стремящуюся стать на путь духовной жизни, сомнениями. Не верь, когда он, овладев твоим сном, станет тревожить тебя „пророческими сновидениями” и, главное, не верь когда он будет клеветать на жизнь, представляя тебе ее, как не имеющий смысла путь к могиле. Мы накануне торжества

Истинной Жизни. Накануне светлого дня Пасхи. Может ли устоять ложь бесовская, могут ли не рассеяться, как дым, полчища темных сил, может ли не содрогнуться ад от победной ликующей песни: Христос Воскресе!

А м и н ь !

Беседа третья

Во имя Отца и Сына и Святого Духа!

Слово Божие имеет силу перерождать человеческую душу. И тогда все то, что было справа, начинает казаться слева, а все, что было слева, начинает казаться справа. Иной язык, иные понятия, иные чувства у верующего и у неверующего человека. Что хорошо по Божьи, то плохо по мирскому, и наоборот, что хорошо по мирскому, то мерзость пред Господом. И вот, когда упадет семя слова Божия на добрую почву, человек мирской начинает скорбеть, ибо чувствует, как начинает отрываться от обычной мирской жизни, мирских интересов, мирских понятий, но не может найти дороги, по которой можно идти в условиях жизни мирской, в то же время исполняя Заповеди Божьи.

Это создает в его душе как бы некоторый разлад, как бы некое смущение. Он уже потерял вкус к тому, что раньше так манило его в жизни мирской, но и не научился еще вполне отдаться жизни духовной, и спрашивает такой человек: как ему жить? То есть, как ему найти в наших условиях жизни такие пути, которые дали бы ему возможность и в мирской суете жить по Божьи.

Его смущает, что наша жизнь построена совсем

не так, как учил Христос, и что даже невозможно найти приложения к жизни возгоревшейся ревности о жизни во Христе.

Но так было всегда. И в первые века христиане жили среди язычников. И разве христианин, живший при дворе римского императора, где царствовали разврат, честолюбие, зависть и злоба, — разве не был он поставлен пред тем же вопросом, как в условиях жизни мирской сохранять и осуществлять христианское учение?

Здесь открывается первая задача для всякого христианина. Задача внутренняя. Задача нашего внутреннего устройства. Внешняя жизнь может остаться еще неизменной, но это будет уже совсем иной человек. Иное отношение будет к скорби, к неудачам, к болезням, к злобе, к клевете, к славе, иной откроется смысл человеческого бытия.

И потому первое, на что надлежит указать человеку, отрывающемуся от жизни мирской, уже почувствовавшему жизнь Господа, — нужно указать ему те внутренние задачи, которые стоят перед каждым. Когда душа человеческая придет в надлежащий строй, Господь вразумит ее тогда и о внешнем жизненном пути.

Для того, чтобы отдаться жизни духовной, надо иметь внутреннюю решимость отдаться этой жизни окончательно, вполне. Это то самое, что страшит многих, что заставляет их служить двум господам и что является источником многих скорбей. Господь призывает нас не к тому, чтобы мы половину сердца отдали Ему, не к тому, чтобы мы половину души отдали Ему. Он хочет от нас не того, чтобы наполовину только служили Ему. Господь требует, чтобы все сердце наше, всю душу нашу, всю жизнь

отдали Ему. Только при этом Господь обещает все то, что мы так хорошо помним, когда что-либо просим у Господа, и всегда забываем, когда речь идет о наших обязанностях перед Ним.

„Не заботьтесь о завтрашнем дне”, — сказал Господь.

Но тут же прибавил:

„Ищите же прежде Царствия Божьего и правды Его и это все приложится вам”.

Ты хочешь, чтобы Господь одел тебя, как лилию, и питал, как птицу небесную, — так ищи прежде Царствия Божия и тогда все необходимое для твоего земного существования будет дано тебе.

Ты запомнил слова Господа:

„У вас и волосы все сочтены”.

Но не забыл ли другие слова, сказанные тут же:

„Кто исповедует Меня перед людьми, того и Я исповедую перед Отцом Моим Небесным”. Но можешь ли ты, желающий такого попечения Божьего о твоей жизни, можешь ли ты по совести сказать, что исповедуешь Господа перед людьми?

Только тот воистину отдает свою жизнь Господу, кто каждый час, каждую минуту своей жизни может сказать: „Да будет воля Твоя”.

Как достигнуть такого состояния духа? Многими трудами достигается оно. Святые подвижники учат, что необходимо, прежде всего, отречение от своей воли. Отсюда краеугольный камень монашества — послушание.

Четвертая ступень Лествицы и раскрывает этот путь. В слове четвертом св. Иоанн говорит: „О блаженном и приснопамятном послушании”.

Что есть послушание?

„Послушание есть совершенное отречение от

своей души, действиями телесными показуемое... Послушание есть ... добровольная смерть, жизнь, чуждая любопытству, беспечалие в бедах, неуготовляемое пред Богом оправдание, бесстрашие смерти, безбедное плавание, путешествие спящих. Послушание есть гроб собственной воли и воскресение смирения... Послушай, как мертвый не противоречит и не рассуждает ни в добром, ни в мнимо худом; ибо за все должен отвечать тот, кто благочестиво умертвил душу его. Послушание есть отложение рассуждения и при богатстве рассуждения”.

Когда мы имеем многое возразить против того, что повелевает духовный отец, нужно отложить все рассуждения, — ибо согласие не есть послушание. Монастырское послушание, или послушание старцу и есть послушание без мотивов, без рассуждений, без возражений.

Конечно, священник-духовник не то же, что старец, но и ему должно оказывать добровольное послушание, поскольку во всякое духовничество входит элемент старчества.

„Начало умерщвления и духовной воли, и членов тела бывает прискорбно; середина иногда бывает с прискорбием, иногда без прискорбия, а конец уже без всякого ощущения и возбуждения скорби”.

Когда человек вступает на путь послушания, вначале ему трудно подчинять волю свою чужой воле. Отсюда скорбь и смятение духа. В середине пути бывает по-разному. Одни быстро усваивают привычку к послушанию, другие — с трудом, отсюда у одних эта середина проходит без скорби, у других в скорбях. А к концу все люди радостно несут подвиг послушания.

Святой Афанасий Великий называет послушание „добровольным мученичеством”. И мученический путь в начале труден. В середине допускает колебания. А к концу светел и радостен.

„Отцы псалмопения называют оружием, молитву стеною, непорочные слезы умывальницею, а блаженное послушание назвали исповедничеством, без которого никто из страстных не узрит Господа”.

Что это значит? Это значит, что многообразны средства, которыми пользуемся мы в борьбе за наше спасение: псалмописание — подобно оружию в этой борьбе с темными силами; молитва создает стену, которою мы, как крепостными стенами, ограждаем себя от суеты мирской; непорочные наши слезы — это умывальница, в которой мы омываемся от наших грехов. Велико значение и псалмопения, и молитвы, и слез. Но послушания не могут заменить они. Послушание есть исповедничество Господа. Свидетельство бесстрастия. Путь самоотречения, без которого никто не узрит Господа.

Послушание дается не сразу. На пути сего подвига есть свои обольщения.

„Находящийся в повиновении, когда победит следующие два обольщения врагов, пребывает уже рабом Христовым и вечным послушником”.

О первом обольщении:

Дьявол старается находящихся в повиновении иногда осквернять телесными нечистотами, делает их окаменелыми сердцем и, сверх обычая, тревожными; иногда наводит на них некоторую сухость и бесплодие, леность к молитве, сонливость, помрачение, чтобы внушить им, будто они не только никакой пользы не получили от своего повино-

вения, но еще и вспять идут, и таким образом отторгнуть от подвигов послушания. Ибо он не попускает их разуметь, что часто промыслительное отнятие многих наших духовных благ бывает для нас причиною глубочайшего смиренномудрия, которым душа обладает.

Как часто на исповеди духовнику приходится слышать о таких душевных состояниях. Почти полторы тысячи лет назад писаны эти слова св. Иоанна Лествичника, но законы духовной жизни одинаковы для всех времен и народов. Духовные немощи и обольщения и тогда были такими же, как и ныне. И ныне пребывающие в послушании и под руководством старцев или простых духовников встающие на путь жизни подвергаются такому же нападению врага. Они вдруг начинают испытывать усиление страстей, или начинают чувствовать окаменелость сердца. То внезапная тревога охватывает их, то сухость, то лень, пропадает почти совсем желание молиться. Враг вкладывает ему мысль, что пока он не исполнял послушания, не шел по этому пути он был лучше. Лучше молился, был чище сердцем, духовнее, ревностнее работал Господу. А вот как встал под руководство — так и потерял все.

Знай — это искушение. Вражеский навет, попускаемый промыслительно, ибо такое временное лишение нас духовных благ бывает для нас причиною глубочайшего смиренномудрия.

Обольщение второе противоположно первому:

„Видел я послушников, исполненных сердечно-го умиления, кротких, воздержанных, усердных, свободных от брани страстей и ревностных к деланию, которые сделались таковыми через покров

отца своего. Бесы, приступившие к ним тайно, вложили в них мысль, будто они уже сильны к безмолвию и могут достигнуть через него совершенства бесстрастия. Обольщенные сим они пустились из пристани в море, но когда буря постигла их, они, не имея кормчего, потерпели бедственное крушение в этом скверном и соленом море”.

Это значит, что иной раз слишком быстрые успехи поражают послушника, ему начинает казаться, что он уже достиг высоты, на которой не требуется послушания. Из тихой пристани выходит он на безбрежный простор своеволия. Здесь бесы стерегут его, и начатый под руководством так успешно путь жизни духовной кончается страшным кораблекрушением. Чаще всего именно здесь впадает человек в прелесть, то есть в горделивое самообольщение.

Но, как и во всем, не надо быть и в послушании человеком с двоящимися мыслями.

„Кто иногда слушает, а иногда не слушает отца, тот подобен человеку, который к больному своему глазу в одно время прикладывает целебную мазь, а в другое — известь”.

То слушаться, то не слушаться своего духовника, а особенно старца, это значит, то лечить, то засорять зрение своей души. Духовное зрение наше не может быть чистым, если мы к духовным очам нашим то будем прикладывать духовную мазь послушания, то известь своеволия.

„Тем, которые взяли на себя о Господе попечение об нас, должны мы веровать без всякого собственного попечения, хотя бы повеления их и несогласны были с нашим мнением, и казались противными нашему спасению, ибо тогда вера

наша к ним искушается как бы в горниле смирения. Признак истинной веры в том и состоит, чтобы без сомнения покоряться повелевающим даже тогда, когда мы видим, что повеления их противны нашим ожиданиям”.

Здесь все с большей и большей ясностью открывается нам, какое послушание требует подвижник. Заметим, что речь идет о послушании монастырском, о руководстве старческом, где послушание является нарочитым подвигом. Духовник в миру не может взять на себя такого руководства, ибо не может руководить всею жизнью духовного своего сына. Но в объеме и его духовного руководства надлежит все же пребывать в послушании и мирянам, ибо без послушания отцу — нет сыновьего отношения, и значит нет и никакого руководства.

Вот почему в завершение наставления о послушании св. Иоанн говорит слова страшные, дерзновенные, говоря которые святой подвижник предостерегает, чтобы словами этими „не ужасались”.

„Не ужасайся и не дивись, когда скажут тебе, что лучше согрешать перед Богом, нежели пред отцом своим; потому что, если мы прогневали Бога, то наставник наш может Его с нами примирить; а когда мы наставника ввели в смущение, тогда уже никого не имеем, кто бы за нас ходатайствовал”.

Вот последняя степень самоотречения. За тебя, послушника, даст пред Господом ответ твой отец духовный, которому вверил ты душу свою.

Сомневаешься ли ты в великом значении послушания? Спроси об этом тех, кто имел и лишился этого блага.

„Пользу послушания возвестят тебе те, которые отпали от него; ибо они тогда только узнали, на каком стояли небе”.

Воистину так! Ведь мы вообще умеем ценить только то, что у нас отнимается. Пока тело наше здорово, мы не замечаем и не ценим этого блага. А когда заболеем тяжкою болезнью, думаем, что были бы счастливы, если бы исцелились от нее.

Пребывать в послушании в смысле духовном — как бы пребывать на небе. Отпавшие от него лишились этого неба и только после того, как лишились, поняли, на какой высоте стояли и куда низвергнуты.

Мы внимаем с вами словам св. Иоанна о блаженном и приснопамятном послушании. И чудится мне вопрос, который встает у многих из вас: „Ведь здесь идет речь о монастыре, здесь речь идет о настоятеле, о старце, но кого слушаться в миру?”

Скорбь великая в том, что вопрос этот основателен, сомнение понятно и что вина в этом двоякая — вина мирян и пастырей.

Долгие, долгие годы иной раз живет человек, не оглядываясь на свою жизнь. Но вот разразится беда, оглянется человек и ужаснется: да куда я зашел? Нечто подобное испытывается нами, когда мы после всех церковных потрясений оглядываемся на жизнь церковную: Боже! Да куда же мы зашли? Я не знаю книги более страшной для совести каждого из нас, чем „Книга Правил Святых Апостолов, Святых Соборов, Вселенских и Поместных, и Святых Отец”.

Читая именно эту книгу, видишь, как мы ушли „в сторону”, что мы забыли. Это имеет прямое отношение и к вопросу, кого слушаться.

Духовный отец, пастырь — превратился в требоисполнителя. А миряне исповедуются раз в год и считают, что чаще исповедоваться почти грешно. Но можно ли руководить духовной жизнью человека, которого видишь раз в год? И как при таких условиях возможно послушание? Как может пастырь взять на себя ответственность пред Господом за человеческую душу? И обращаются ли к пастырю за „руководством”? Не обращаются ли к нему только тогда, когда надо крестить, венчать, хоронить или отслужить молебен или панихиду? Но разве пастырство только в этом? О, конечно, пастырь не старец, но ведь ему вверены души мирян. Он должен пасти свою паству, то есть вести ее ко спасению, а для этого он должен назидать и просматривать души духовных своих чад. Без этого нет настоящего пастырства.

Вина и мирян, и пастырей не есть вина вчерашнего дня. Это вина вековая, глубоко коренящаяся в церковной жизни.

Надо общими усилиями избыть этот грех. Тогда ясен будет вопрос — кого слушаться в миру. Пусть мы, священники, станем отцами. Пусть вы, миряне, почувствуете себя детьми. Тогда вы легко найдете кого слушаться: ибо дети должны слушаться отцов своих.

А м и н ь !

ПРОПОВЕДИ

Закхей

Во имя Отца и Сына и Святого Духа!

Сегодняшнее чтение переносит нас в евангельские времена, но говорит оно не просто о том, что было „во время оно”, а озаряет путь каждой души, ищущей Бога.

Мы видим Господа, Который в окружении толпы приближается к воротам Иерихона. Люди теснят Его, стараются подойти поближе. Одни хотят услышать Его слово, другие — ждут исцеления от недугов, третьи просто надеются взглянуть на галилейского Учителя. Среди народа — низенький, жалкий человек. Это Закхей — сборщик податей. Профессия мытаря сделала его ненавистным в глазах каждого. Его отталкивают, гонят прочь, а ему так хочется увидеть Христа! Пусть он — несчастный грешник, которого нужда заставила взяться за презренное ремесло, пусть считают его вымогателем, в сердце Закхея не умерли светлые порывы. Ведь недаром он — столь часто поступавший бессердечно и несправедливо, обижавший и притеснявший людей, — так настойчиво пытается теперь приблизиться к Господу.

Но он мал ростом и никто не уступает ему дорогу. И тогда этот „начальник мытарей”, не обращая внимания на насмешки, влезает на дерево, чтобы хоть издали увидеть Учителя.

И тут происходит неожиданное. Когда Господь проходит мимо, Он поднимает глаза на Закхея. Как должно быть замерло сердце у мытаря в тот момент! „Закхей, — слышит он, — спустись, сегодня Я буду у тебя”. Знает Сердцевидец, что именно этому человеку сейчас больше всего нужно доверие, снисхождение и сочувствие...

Многие из жителей города были бы рады принять у себя Иисуса. А Он избрал такой дом, дом негодного мытаря. Все удивляются и ропщут. Никому в голову не могло придти, что Он остановится на этом человеке, последнем из грешников.

Не помня себя, спускается Закхей с дерева, он не может дождаться вечера. А когда Господь входит под кров его, он почти не верит глазам. „Господи, восклицает он в волнении, — пол имения своего отдам нищим, а если кого обидел, возвращу четверицею”.

Такова чудесная сила любви и прощения. Отверженный неожиданно понял, что и он — человек, что и в нем Учитель увидел живую душу. „Днесь спасение дому сему...” — говорит Христос.

Так, дорогие, было вознаграждено горячее стремление Закхея увидеть Христа. Никакие препятствия не помешали мытарю: ни малый рост, ни ложный стыд. Он нашел Того, Кого жаждало обрести его сердце. Он услышал призыв Господа.

А ведь он мог „отойти в печали”, мог сказать себе: „Зачем мне стараться, все равно я Его не увижу, да и не захочет Он обратить внимание на такого, как я”.

Великий урок дает нам этот мытарь. Подражая ему, мы так же неотступно должны стремиться к Господу, искать Его повсюду. Мы, как и он,

„малы” ростом, не выросли духовно. Но пусть это нас не останавливает; толпа грехов, заблуждения и суетность заслоняют Его от нас. Но не будем отчаиваться, Христос не пройдет мимо.

Это Он говорит с нами в событиях нашей жизни, в горе и в радости, в доме и в храме. Голос Его звучит со страниц Священного Писания; Сам Он входит в храмину нашу через трапезу Таинства. Он зовет нас: „Ныне Я войду под кров твой!” ... „Се стою у двери и стучу, кто откроет Мне, к тому войду и буду вечером с ним”.

Отворим же Ему двери своего сердца, отзовемся на Его стук. Будем готовы к принятию священного Гостя!

Но что значит быть готовым? Закхей не просто радовался чудесному посещению, не только исполнился благодарности. Он решил изменить всю свою жизнь, не просто покаяться в неправде, но делом доказать, что отныне он всецело принадлежит Христу.

Тот, кто принял Его, уже не должен быть слугой себялюбия, алчности и черствости.

Пусть же дом наш будет достоин Пришедшего, пусть он озарится миром, любовью, исполнением заповедей Христовых.

И тогда услышим мы заветное слово: „Днесь спасение дому сему!”

Аминь.

Авраам

Церковь чтит праотцев Спасителя не потому, что они были Его сродниками по плоти, но потому, что эти люди были первыми святыми мира, первыми, кто внял призыву Господню.

Родоначальник их — Авраам. Апостол Павел называет его „отцом верующих”, нашим общим отцом.

Священное Писание, говоря о людях древности, показывает, как много было в них своеволия, как сильно было противление Божиим заветам. На заре человечества мы видим Каина-братоубийцу, растленный род, поглощенный потопом, гордых строителей Вавилонской башни. Но не все в этом мире зла отступились от Бога.

Четыре тысячи лет назад из Месопотамской земли вышел человек по имени Авраам. Он покинул свой языческий род и свою землю, вняв небесному зову. „Выйди из земли своей” — сказал Господь и Авраам не стал колебаться, не стал спрашивать зачем, но собрал своих людей, свои стада и отправился в путь. Он всецело доверял Богу, он не желал служить идолам в своем отечестве и стал изгнанником, странствующим по земле. Эта беззаветная вера принесла плод. Бог обещал Аврааму, что из него произойдет великий народ, этот народ стал Израиль, а затем Вселенская Церковь.

Мы можем сказать даже, что в тот день, когда Авраам ушел из родных мест, повинувшись Богу, получила начало Церковь.

Это подобно большим рекам, которые сходятся из маленьких ручейков. Они стремят свои воды по долинам, набирая силу, принимая новые потоки

разливаются во всю ширь и уносятся в море. Так совершает свой путь и Церковь.

Сорок веков назад это был маленький ручей — те триста человек, которые шли с Авраамом по каменистым дорогам Востока. Но Авраам был только началом. Сотни праведников Ветхого Завета готовили тот день, когда родилась Пресвятая Дева. И, подобно Аврааму, они жили доверием к Богу. Они оставили нам свидетельство своего спасения в книгах Священного Писания и мы сегодня учимся у них. Учимся у людей, живших в суровое, древнее время, окруженных язычниками, оплакивавших грехи своего народа, учивших его правде Божией. Все они, подобно Аврааму, пошли за Господом, и сегодня мы хотим, чтобы древние мужи, сохранившие верность среди испытаний, научили нас быть верными до конца и идти туда, куда зовет нас Господь.

Аминь.

Р о д с т в о

Мы сегодня читали длинный перечень имен, имен предков Христа Спасителя по плоти.

Эта „книга Родства”, приведенная Евангелистами Матфеем и Лукой, имеет для нас великое значение. Она как бы показывает нам те узы, которыми отныне связан Господь с человеческим родом.

Бог приходит в мир, становится единокровным человеку! Какая невместимая разумом тайна, какое дивное откровение!

„Что есть человек, что Ты помнишь его?” — вопрошает псалмопевец. И действительно, мал человек во вселенной, слаб и немощен.

Один прославленный царь, умирая от ничтожной болезни, сказал: „От меня познаете, сколько непрочен есть человек”.

В огромном мире человек затерян, как пылинка, он греховен и смертен. Но Бог возлюбил его, как свое дитя. Он дал ему искру Своего духа и вознес над всем творением.

Но мало того, Он открыл людям Самого Себя, открыл истинный путь духовной жизни, чтобы человек из своего ничтожества поднялся ко Творцу.

И наконец, Он Сам воплощается в мире. Мы ждем Его сегодня. Он близок, Он готов стать одним из нас. „Книга Родства” перечисляет Его праотцев!

Подумайте! С этого момента в Нем струится та же кровь, что струится в жилах всех людей, ибо от единой крови, как говорит апостол, создал Бог наш род.

Из этого безмерного, непостижимого бытия Он нисходит в наш бренный мир, Он хочет говорить с нами так, чтобы мы услышали Его Голос.

„Бога никто не видел никогда, — говорит святой Иоанн, — единородный Сын сый в Лоне Отчем той явил”. Он явил нам Сокровенного и Всемогущего, но явил так, что стал к нам бесконечно близок, Он — Человек!

Взирая на лик Христов, мы узнаём тайну Божию. Слушая Иисуса Христа, сына Авраамова, сына Давидова, мы слышим голос Самого Предвечного. Он освятил и благословил наш род, ибо теперь приобщился к нему, взял нас к Себе, сделал семьей детей Божиих.

И уже не мал более человек и не ничтожен. Уже не только образ Божий в нем, но и в лоно

сынов Авраамовых вошел Господь. Какими словами передать это чудо?

Будем же достойны этого великого милосердия и любви, будем достойны звания человека, ибо с того дня, как явился Богочеловек, это звание стало священным.

Аминь.

Иосиф Обручник

В Новом Завете мы находим человека, который был так же близок к Господу, как Его Пречистая Матерь, человека, который охранял Его детство, который жил с Ним в одном доме. Этот человек — плотник Иосиф.

Молчаливый, скромный, заботливый, он имел великое призвание быть названным Отцом Святого Семейства. И совершал Иосиф это служение самоотверженно и с любовью. Мы мало знаем о нем, но раз он был избран, значит, Господь видел его душу. Обратите внимание, что в Евангелии не приводится ни одного его слова. Он — воплощенное смирение. Он незаметен, но всегда на страже.

Его бережность проявилась с самого начала, когда еще он должен был принять в свой дом Марию, обрученную с ним. Узнав, что она ждет ребенка, он хотел оградить ее от людской молвы и сурового суда и отпустить тайно. Но, получив откровение, становится верным исполнителем воли Божией. Это он ночью берет Младенца и Матерь и удаляется с ними в Египет. Это он, оберегая Дитя, не желает подвергать Его опасности и жить под властью сына Ирода.

Иосиф — труженик. Он постоянно сгибает свою спину, чтобы Мария и Ее Сын не нуждались ни в чем. Плотник в той земле был одновременно и каменщиком. И этот старый человек строит ограды, чинит хижину, — он, хранитель Господа.

Отрок Иисус берет у него первые уроки его ремесла. И в маленьком тихом Назарете трудятся они уже вдвоем.

Если бы мы могли заглянуть в те дни, мы увидели бы дом с плоской крышей, двор, заваленный инструментами и камнями, седого старца, работавшего вместе с Юношей. Кто мог сказать тогда, что в Нем, здесь — тайна спасения мира? Но Господь избрал Себе не дворцы, а эту бедную хижину плотника, чтобы освятить труд, повседневный человеческий труд. Как драгоценна для нас эта картина в Назарете! Она показывает нам, что жизнь с Богом возможна в самой простой обстановке, среди самых будничных занятий.

Святые подвижники преп. Сергей, преп. Феодосий в своих скитах подражали этой жизни, выпекая хлеб, обрабатывая землю, строя дома.

Жизнь Иосифа проходила в работе, молитве и чтении Писания. И Господь был рядом с ним.

Отныне же каждый из нас может совершать свои повседневные дела, храня Господа в своем сердце. Научимся у св. Иосифа его смирению, праведности и трудолюбию и тогда Господь Иисус войдет и в наш дом.

Аминь.

1978-1979. Московская обл., Новая деревня

Епископ Арсений*

ОТЕЦ ИОАНН КРОНШТАДТСКИЙ

Воспоминания

Господь судил мне принять монашество по молитве и заочному благословению отца Иоанна Кронштадтского. Поступив в Духовную Академию, я стал искать случая повидаться с ним в Москве, куда он нередко приезжал для служения Божественной Литургии и посещения больных. Мой товарищ Илья Аббуррус, впоследствии настоятель Антиохийского подвория, арх. Игнатий, отправляясь однажды к своему покровителю Преосвященному Трифону, епископу Дмитровскому, у которого о. Иоанн вознамерился служить в Крестовой церкви, захватил меня с собой. В этом храме состоялось первое мое молитвенное общение с великим пастырем. Это было так мне дорого, что до сих пор я питаю чувство признательности к о.Игнатию и всем тем, кто способствовал потом моему сближению с о. Иоанном. Таковыми, между прочим, были Александр Семенович и Елена Михайловна Мироновы и, особенно, Вера Ивановна Перцова.

* Жадановский, б. Серпуховской. Викарий Московской епархии. Взято из рукописи „Воспоминания о замечательных московских протоиереях”. Москва: Самиздат, 1976.

При переходе из Академии в Москву я уже довольно часто виделся и служил с батюшкой. О каждом его приезде мне сообщали благожелатели. Так я имел утешение совершать с ним Божественную Литургию в общинах „Утоли моя печали“, „Иверской“, в Боевской богадельне и на Антиохийском подворье.

Припоминаю порядок и особенности служения о. Иоанна. Он приезжал прямо в храм, боковыми дверями входил в алтарь, затем опускался на колени перед престолом и, возложив на него руки, находился в таком положении иногда довольно долго. Батюшка калялся в это время во всех грехах, содеянных им за прошедшие сутки, и вставал, когда чувствовал, что Господь прощает его. Обновленный и бодрый духом, он затем приветливо и дружески здоровался со всеми присутствующими, надевал епитрахиль, благословлял начало утрени и выходил на солею читать канон и дневные стихиры по книгам, которые приготавлил ему обыкновенно протоиерей храма „Нечаянной радости“ (в Кремле), Николай Лебедев — друг и постоянный спутник о. Иоанна по Москве. Читал батюшка порывисто, делая на некоторых местах ударения, часто повторяя слова, а то и целые выражения. Видимо, он употреблял все старание, чтобы самому уразуметь и для присутствующих быть понятным. По той же причине он интересовался впечатлением, полученным от его чтения. После краткой утрени и выходных молитв о. Иоанн начинал проскомидию, а иногда предоставлял ее совершать одному из присутствующих иереев. Служил батюшка сосредоточенно, на глазах у него, особенно в важнейшие моменты, показывались слезы. Тогда и ощущалась

сила его молитвы и близость к Господу. После Литургии батюшка там, где священнодействовал, обыкновенно заходил к настоятелю или к начальствующим учреждениям, здесь он выпивал чашку чая и подкреплялся трапезой.

При каждом свидании с ним приходилось убеждаться, что настроение о. Иоанна всегда и везде оставалось ровным, возвышенным, духовным, производящим на присутствующих нравственно-отрезвляющее действие. Где только появлялся он, там атмосфера сейчас же становилась святой. Недопустимы были при нем веселые разговоры, шутки, курение табака и т. п. Может быть вам случалось встречать Чудотворный образ, когда собравшиеся благоговейно ведут себя; то же самое наблюдалось в присутствии батюшки: низменные, мелкие интересы отходили на задний план, а душу наполняло одно только высокое и небесное; все объединялось в этом светлом настроении духа, и получалась могучая волна религиозного чувства.

В 1906 г., 24 июля, о. Иоанн неожиданно посетил Чудов монастырь и, прежде всего, зашел в мое помещение. Сидя в кабинете на кресле у письменного стола, батюшка беседовал со мной, причем я давал ему читать его письмо от 1899 года, в котором он советовал мне принять монашество. Выразив удовольствие качанием головы, великий пастырь поднялся и решил уже уходить. Я просил благословить меня. Проходя по покоям, он рекомендовал мне чаще пользоваться свежим воздухом и не бояться открывать форточки.

Осматривая монастырь, батюшка заинтересовался ризницей, где обратил внимание на Евангелие, писанное митрополитом Московским Алексием.

Долго, держа его в руках, он прикладывал святыню к голове, лобызал ее и восторженно говорил: „Какое мне сегодня счастье — вижу и целую собственноручную рукопись великого святителя!” Затем, приложившись к честным мощам угодника, ласково простился со всеми и уехал. Это его посещение было для нас, как чудный сон.

На другой день, 25 июля, я служил с о. Иоанном в церкви при общине „Утоли моя печали”. После Литургии меня в числе других пригласили в квартиру начальницы, где за столом батюшка много уделял мне еды со своей тарелки и вообще был весьма приветлив. Отсюда он направился к Мироновым, туда же поспешили и мы с о. Игнатием. Все близкие почитатели Кронштадтского пастыря обыкновенно всюду сопровождали его по Москве. У Мироновых мне пришлось быть свидетелем необыкновенной сосредоточенности батюшки в домашней обстановке. Попив со всеми чай, во время которого к нему подводили детей, показывали больных и спрашивали различных советов, он во всеуслышание объявил: „А теперь я почитаю Св. Евангелие и немного отдохну”. С этой целью он перешел в другую комнату, сел на диван и углубился в чтение, несмотря на то, что взоры присутствующих были устремлены все на него. Тут же, положив под голову подушку, он и задремал.

При прощании о. Иоанн подарил мне свой дневник: „Горе имеем сердца” с собственноручной надписью и теплый подрясник на гагачьем пуху, покрытый шелковой розовой материей с цветами, а я, в свою очередь, поднес ему икону св. Алексия. Батюшка поцеловал ее и положил в боковой карман со словами: „Глубоко тронут”.

Далее, вспоминаю я мое пребывание у о. Иоанна в Ауловском скиту Ярославской губернии. Здесь мне отвели место в гостинице, но я в ней только ночевал, а остальное время проводил в домике батюшки. Молитвенно благодарю настоятельницу Петроградского Ивановского монастыря и вышеуказанного скита, игумению Ангелину, оказавшую мне большое содействие в сближении с о. Иоанном.

В Аулово батюшка ежедневно служил, говорил поучения и причащал народ, во множестве наполнявший храм. Накануне же очередными иереями отправлялась для богомольцев всенощная и предлагалась исповедь. По милости Божией, в совершении с великим пастырем Литургии каждый раз принимал участие и я. Помню, о. Иоанн сам подбирал мне митру, а однажды, запивая вместе со мной теплоту у жертвенника, спросил: „У вас в Чудове хорошее вино подают для служения?“ Я ответил ему: „среднее“. „Я же, — сказал тогда о. Иоанн, — стараюсь для такого великого Таинства покупать самое лучшее“. Когда батюшка выходил с чашей, в храме происходило большое смятение: все к солее устремлялись одновременно: он, однако, строго относился к присутствующим. Часто слышался его голос: „Ты вчера причащались, сегодня не допущу, так как ленишься, мало работаешь“, или: „Ты исповедовалась? Нужно перед Таинством каждый раз всегда очищать свою совесть“. Бывало и так: видя натиск, а, может быть, и недостойных, он уходил в алтарь, объявляя, что больше причащать не будет. Стоявшие по сторонам две монахини дерзали иногда опровергать замечания батюшки; охотно соглашаясь с ними, о. Иоанн гово-

рил: „Ну, тогда другое дело”, — и с любовью преподавал Св. Тайны желающим.

На одной из Литургий здесь же в Аулове у запертых входных дверей поднялся страшный шум и вопль. Кричали: „Батюшка, вели пустить, причасти ты нас!” Это ломались так называемые иоанниты, которых пришедшая из Ярославля охрана решила не допускать в храм. Нужно сказать, — о. Иоанн от своих неразумных почитателей принял много огорчений и нравственных страданий, последние приобрели особую остроту и силу от того, что непризнанные радетели его чести и якобы заступники Церкви Христовой нередко в сгущенных красках передавали о злоупотреблениях его именем.

При мне был такой случай. Мы находились на террасе домика. Батюшка, сидя в кресле, отдыхал. Вдруг доложили ему о прибытии из Ярославля представителей православного русского народа, пожелавших видеть о. Иоанна. Последний разрешил им войти. Пришедшие стали говорить о злонамеренных действиях „Иоаннитов”, указывая, будто бы они собирают для батюшки деньги, отбирают дома, а главное — проповедуют, что в нем воплотилась Святая Троица, Сам Бог. С великим прискорбием и гневом выслушал о. Иоанн это заявление. „А кто особенно распускает такую ересь?” — допрашивал он. — „М. П., находящийся сейчас в Аулове”. — „Позовите его ко мне”. Скоро на террасу вошел и М. П. С поникшей головой он стал на колени перед батюшкой. О. Иоанн, помню, говорил ему так: „Скажи, пожалуйста, когда ты приносил мне даяния, не спрашивал ли я всегда тебя, доброхотны ли они? не вымогаете ли вы их у кого-

либо? Ты мне всегда отвечал: — Нет, батюшка, для вас все рады жертвовать”. „Да, правда”, — подтвердил М. П. — „А теперь посмотри, какие идут разговоры: вы моим именем обираете людей, целые дома заставляете отписывать, да еще ужасную ересь проповедуете, будто я — Бог. Только безумцы могут так вот говорить: ведь это богохульство. Покайтесь, — в противном случае проклятие Божие падет на вас всех”. Здесь же составлен был и акт обличения, который подписали все присутствовавшие при сем и сам о. Иоанн. Видно было, как все время разговора он тяжело нравственно страдал.

Проходя по двору Ауловского скита, я был однажды задержан несколькими людьми, задавшими мне вопрос: „Разве вы не верите, что в о. Иоанна вселилась Св. Троица?” На мое недоумение, как понимать подобное вселение, одна из женщин в исступлении сказала: „А это значит, — в нем воплотился Сам Господь Бог”. Вскоре после смерти батюшки мною было получено такое письмо: „Ты, — писала мне какая-то особа, — почитаешь о. Иоанна Кронштадтского, говоришь: „дорогой наш батюшка”, по нему служишь панихиды, но я видела сон, явился ко мне сам о. Иоанн и сказал: „Пойди в Чудов монастырь к о. Арсению и скажи ему, — зачем он называет меня только дорогим батюшкой, — во мне ведь воплотился Сам Бог-Отец; если он не станет так меня признавать, то ему будет плохо”. Вот тут-то я и убедился, что некоторые люди, не давая себе отчета, благодатное состояние о. Иоанна действительно смешивали с каким-то физическим воплощением в нем Божества, но таких встречалось людей достаточно мало.

Иоаннитство появилось вследствие чрезмерного почитания о. Иоанна, а так как он был истинный пастырь, молитвенник и верный сын Святой Православной Церкви, а его поклонники отличались глубоким религиозным чувством, то Господь не допустил развиться подобной ужасной ереси. Прошло немного времени после кончины батюшки, и по его молитвам так называемое иоаннитство почти рассеялось.

Странно было, однако, поведение ярославских защитников чести о. Иоанна. Нам передавали, что они, приехав с оружием, намеревались разогнать стрельбой беспокойных почитателей батюшки.

Время, проведенное мной у о. Иоанна в Аулове, я считаю дорогим, счастливым и исключительнейшим в моей жизни. Здесь мне пришлось видеть великого пастыря в домашнем быту, изучить его характер и настроение. Прежде всего, он отличался гостеприимством: за его обеденным столом располагались все приезжие гости. Меня о. Иоанн усаживал около себя и усердно угощал. Однажды я сказал ему: „Батюшка, ваш прием и ласка напомнили мне родной дом и родителей, недавно умерших. Бывало, приедешь к ним на каникулы после трудных экзаменов, — и начнут они подкреплять тебя всякими яствами”. Батюшка приятно улыбнулся на это. Тут же мной было замечено и его незлобие: по-видимому, он гневался иногда, но очень мимолетно, а скорее даже от горячности сердца и пламенной души, чем от злобного чувства. Между прочим, я пожаловался ему как-то на болезнь желудка. О. Иоанн посоветовал мне пить чай с лимоном, причем сам клал мне лимон в стакан и размешивал. Как-то раз, желая сделать мне удо-

вольствие, батюшка попросил передать стоявший на противоположном конце стола лимон, порезанный на кусочки, со снятой кожицей. Ему не понравилось такое приготовление и он резко спросил: „Кто же так неумело подает? Позовите виновницу”. Подошла смиренная послушница. „Это ты нарезала? Кто тебя учил снимать кожицу?” — „Простите, батюшка, я и не знала”, — „А, не знала? Ну, это другое дело, вперед же знай, вся суть в кожице”. Слова „Ну, это другое дело” были сказаны батюшкой так робко и ласково, что, думается, и провинившаяся рада была получить такой дорогой выговор.

За столом о. Иоанн оставался по слабости сил недолго. Закусит немного и, извиняясь, уйдет в свой кабинет. „Вы сидите, — скажет он, — и кушайте, а я устал, пойду к себе и отдохну немного”.

В течение дня он помимо Нового Завета прочитывал житие святого, службу ему по Минее, а в конце жизни особенно утешался писаниями пророков.

По поводу последнего в беседе батюшка сообщил мне случайно следующее: „Я теперь занят чтением пророков и немало удивляюсь Богопросвещенности их. Многое относится к нашим временам, да и вообще хорошо развиваться Словом Божиим. Когда же я читаю, то ясно ощущаю, как в нем все написано священными писателями под озарением Духа Святого, но нужно привыкнуть такому осмысленному чтению. Вспомнишь себя лет тридцать назад, нелегко мне это давалось. Берешь, бывало, Св. Евангелие, а на сердце холодно, и многое ускользало от внимания. Теперь же духовный восторг охватывает мое сердце, так очевидно для

меня в Слове Божиим присутствие благодати; мне кажется, что я при чтении впитываю ее в себя”.

„А что, по-вашему, помогает пастырю сосредоточиться на Литургии?” — спросил я о. Иоанна во время той же самой беседы. „Необходимо, — сказал он, — с самого начала службы входить в дух Божественной Евхаристии. Посему-то я и стараюсь почти всегда сам совершать проскомидию, ибо она есть преддверие Литургии, и этого никак нельзя упускать из виду. Подходя к жертвеннику и произнося молитву: „Искупил ны еси от клятвы законная”, я вспоминаю великое дело искупления Христом Спасителем от греха, проклятия и смерти падшего человека, в частности меня, недостойного. Вынимая же частицы из просфор и полагая их на дискос, представляю я себе на престоле Агнца, Единородного Сына Божия, с правой стороны — Пречистую Матерь, а с левой — Предтечу Господня, пророков, апостолов, святителей, мучеников, преподобных, бессребреников, праведных и всех святых. Окружая Престол Агнца, они наслаждаются лицезрением Божественной Славы Его и принимают участие в общем блаженстве. Это — Церковь небесная, торжествующая. Затем я опускаюсь мыслию на землю и, вынимая частицы за всех православных христиан, воображаю Церковь воинствующую, членам которой еще надлежит пройти свой путь, чтобы достигнуть будущего Царства. И вот я призван быть пастырем, посредником между небом и землей, призван приводить людей ко спасению. Какая неизреченная милость и доверие Господа ко мне, а вместе с тем как велик и ответствен мой долг, мое звание! Стоят в храме овцы словесного стада, я должен за них предста-

тельствовать, молиться, поучать и наставлять их... Что же, буду ли я холоден к своему делу? О, нет! Помоги же мне, Господи, с усердием, страхом и трепетом совершать свою миротворительную Литургию за себя и ближних моих! С таким чувством приступаю я ко служению и стараюсь уже не терять смысла и значения Евхаристии, не развлекаться посторонними мыслями, а переживать сердцем все, воспоминаемое на ней”.

И батюшка, о. Иоанн, добавлю я, действительно глубоко переживал, что так заметно было по его молитвенному виду и тем слезам, которыми увлажнялись его светлые очи.

„Далее, для сосредоточенности при Божественной Литургии, — говорил он мне, — имеет значение самая подготовка к ней, в частности, воздержание во всем с вечера, предварительное покаяние и вычитка положенного правила: чем внимательнее и воодушевленнее мы его выполняем, тем проникновеннее совершаем обедню. Не следует пропускать дневной канон; я его почти всегда сам читаю и через это как бы вхожу в дух воспоминаемых событий, а когда оставляю, то чувствую всякий раз неподготовленность”.

„Как предохранять себя от самомнения и превозношения?” — продолжаю я спрашивать батюшку. В ответ он взял с письменного стола Библию и прочитал раскрытую страницу из 14 главы пророка Исайи, где говорится о низвержении с неба за гордыню первого ангела. Возвращая затем книгу на место, о. Иоанн сказал: „Часто я прибегаю к чтению сей богодухновенной речи и дивлюсь ужасному падению Денницы: как легко через высокоумие ниспасть до ада преисподнего! Воспоминание

о гибели предводителя бесплотных чинов весьма предохраняет меня и от тщеславия и смиряет гордый мой ум и сердце". Тогда же заметил я и изношенность листка читаемой главы. Мне показалось, даже, что будто бы батюшка всегда держит на столе Библию, раскрытую на указанном повествовании пророка, что произвело на меня неизгладимое впечатление.

„А как спастись от дурных помыслов и чувств?" — осмелился я далее предложить вопрос великому пастырю. „Это наша общая человеческая немощь, — сказал он. — Крепкая любовь ко Спасителю и постоянное духовное трезвение предохраняют от нечистоты. Предохраняют, говорю, но не спасают. Спасает же единственно благодать Божия. Вот и я, старый человек, а не свободен от скверны. Правда, днем, совершая Божественную Литургию и следя за собой, я почти не испытываю ничего дурного, но за сон не ручаюсь. Иногда враг представляет такие отвратительные картины, что я, проснувшись, прихожу в ужас, и стыдно мне делается".

Так батюшка укорял себя, да и вообще, когда я ему исповедовался, считал мои немощи как бы своими собственными. Я укажу грех, а он скажет: „и я тем же страдаю", — затем уж предложит совет.

Во время нашей беседы о. Иоанн пожаловался, между прочим, на свою мучительную болезнь: „Трудно здоровому представить, как невыносима боль в моем недуге. Терпеть ее нужно большое терпение".

На прощание я просил батюшку благословить меня, что светильник Божий и исполнил с любовью, истово оградив меня тем крестом, который был

на моих персях, а затем подарил мне много своих вещей: подушку, одеяло, простыню, верхнюю рясу, смену белья, портрет с собственноручной надписью и последний выпуск из своего дневника.

В свою очередь я предложил ему на молитвенную память привезенные мною из книжной лавки нашей обители некоторые предметы. Между прочим, были деревянные ложки с надписью: „На память из Чудова монастыря”. О. Иоанн стал выбирать: заметив на одной из них в слове „Чудова” неудачно выписанную букву „Ч”, он отстранил ее, говоря: „Не хочу брать, на ней надпись неясна, можно прочитать вместо „Чудова” — „Иудова”, а это неприятно”. Здесь опять обнаружилось святое настроение батюшки.

По возвращении домой из Аулова мне вспомнилось, как о. Иоанн благоговейно рассматривал Евангелие Святителя Алексия и как он интересовался иметь хотя бы строчку, писанную его рукой. В благодарность за прием, оказанный мне, я заказал фототипию с названного памятника и послал ему. В ответ на это был я осчастливлен получением от него следующего письма:

„Ваше Высокопреподобие, достопочтенный о. Архимандрит Наместник! Сердечно благодарю вас за великий и священный ваш дар — Евангелие от Иоанна, Св. Алексием митрополитом Московским списанный и воспроизведенный способом фототипии. Дивный памятник великого Святителя, который нашел время заняться этим трудом (переписки) среди многих других святительских занятий. Да воздаст он Вам за этот дар неоцененный! Теперь обращаюсь к вам с просьбой

— примите в стены Чудовской обители иеродиакона Мелентия, моего знакомого, человека трезвого и скромного, который, как я надеюсь, не причинит Вам никакого беспокойства и будет полезным членом братства. Желая Вам сугубой благодати, обильного дара живого слова и доброго успеха во всех делах с добрым здоровьем. Да хранит Вас Господь наш Иисус Христос и Святитель Божий Алексий.

Ваш почитатель протоиерей Иоанн Сергиев.

22 сентября 1908 года.”

Это письмо, полученное за три месяца до кончины батюшки, явилось для меня как бы последним завещанием. Пожелание „обильного дара живого слова” дало мне смелость чаще говорить в церкви поучения и воодушевленно писать по его примеру духовный дневник. Что касается протодиакона Мелентия, принятого мною в Чудов монастырь, то он, действительно, не причинил для обители никакого беспокойства, т. к. через месяц, отправившись на родину, умер.

Благодарю Господа, сподобившего меня видеть и знать о. Иоанна Кронштадтского в то время, когда я еще был молод и нуждался в духовной поддержке, в живом примере. На нем убедился я воочию, как служитель алтаря близок к Богу и как неотразимо может быть его влияние на народ. Откровенно скажу, батюшка своим молитвенным вдохновением сильно действовал на меня и, думаю, так же и на многих, особенно при совершении Божественной Литургии.

Спроси себя каждый пастырь: всегда ли ты бы-

ваешь исполнен благоговейных чувств, всегда ли созерцаешь небесное? Сам же о. Иоанн непременно проникался всем этим, что было заметно даже и со стороны.

Служить с батюшкой вместе являлось великим утешением. Причаститься из его рук значило получить высшую радость. И нужно было спешить, чтобы не потерять случая вкусить вместе с великим пастырем Небесной Трапезы. И если обычно требуется продолжительное говение, большое воздержание, то при его служении весь центр тяжести заключался в духовном воодушевлении и в духовной свободе. Таково уж свойство благодати Божией изливаться не на внешнюю праведность, а на смиренное верующее сердце, кающееся и любящее Господа.

Да, счастлив тот, кто знал о. Иоанна и имел возможность входить в молитвенное общение с ним. Впечатление он производил совершенно неотразимое. Это поистине был жених Евангельский (Мф. 9, 15; Лк. 5, 34-35): так легко и отрадно дышалось при нем! Повидаешься с батюшкой, послужишь совместно с ним Литургию и запасешься на более или менее продолжительное время огнем пастырской ревности; начнет он угасать — опять поспешишь к нему и духовно воспрянешь.

Влияние о. Иоанна на пастырей было так важно, что порождало у некоторых желание ему подражать. Однако в вопросах духа недостаточно только одной копировки. Здесь нужна еще и искренность, и личный подвиг, чего во многих не доставало, а потому и деятельность таких сводилась к нулю.

В чем заключалась сила Кронштадтского пасты-

ря? Одни ее объясняют добрым характером, приветливостью и общительностью батюшки; но мало ли на свете подобного рода людей, однако, слава о них не распространяется. Другие же видят причину того же в его щедрой благотворительности, поощряемой в наше время, когда ищут христианства деятельного, а не созерцательного. Нет недостатка у нас и в благодетелях, жертвующих миллионы, но кому они особенно известны? Наконец, третьи пытаются усмотреть в о. Иоанне присутствие жизненного магнетизма, неотразимо действовавшего на всех, с кем он только встречался. Но почему бесславны все гипнотизеры?

Таковы объяснения мудрецов века сего.

Лица же духовные говорят, что причину влияния о. Иоанна нужно искать в его глубокой вере, любви и преданности Православию, в искреннем отношении к пастырству и личной святости. Да, но и это еще не все. Перечисленное только привлекает благодать Божию, которая собственно и делает человека великим, — вот в чем следует искать разгадку его обаятельности. Благодать прославила Кронштадтского пастыря и привлекла к нему сердца многих. С этой стороны он являлся не обычным человеком, а чудом Божиим, духовным сосудом, исполненным многих дарований, имевшим право говорить: „Все могу в укрепляющем меня Иисусе Христе” (Филипп.4, 13). Сам же батюшка, когда спрашивали его, каким же образом он достиг такой известности в народе, обыкновенно говорил: „Ничего другого я не имею, кроме благодати священства, которая получается всяким иереем при рукоположении: возгревай ее и будешь совершать еще большее и славнейшее”.

Итак, приосененный благодатию Божией, о. Иоанн прежде всего обладал исключительной верой. Мы же к ней только приближаемся, только желаем иметь ее, но она не согревает сердца, не занимает всецело ума и, как говорится, „скользит” в нас. Сам же отец Иоанн вне всяких сомнений и колебаний верил в Спасителя и в Святое Евангелие, и вера его была родной его и вечной стихией, истинным ведением, а не простым холодным знанием. Он думал и говорил обо всем, относящемся к Божественному, не как о чем-либо постороннем, находящемся вне сознания его, но как о лично испытанном и виденном, говорил как очевидец. Верой во Христа о. Иоанн был пропитан, как губка бывает пропитана водой, а потому он мог смело говорить с апостолом: „И уже не я живу, но живет во мне Христос. А что ныне живу во плоти, то живу верою в Сына Божия, возлюбившего меня и предавшего Себя за меня” (Гал.2, 20).

Второе, чем привлек о. Иоанн к себе благодать, — это самоотверженная любовь к Богу и ближним. Особенно можно было наблюдать силу любви к Богу батюшки при совершении им Божественной Литургии. После пресуществления Св. Даров, когда на Престоле уже возлежит Сам Агнец Божий, вземлющий грехи мира, о. Иоанн не мог оторвать от него своих глаз, исполненных благодатных слез благодарения. Один служитель батюшки по собору говорит, что о. Иоанн близко, близко и любовно склонялся над Агнцем, плакал и духовно ликовал, взирая на Него; он был в то время подобен ребенку, который ласкается к своей матери, поверяя ей свои детские радости и печали,

зная, что родная мать выслушает его, не отгонит прочь от себя. Нельзя передать всей небесной красоты описанного момента, обаятельно действовавшего на сердце каждого верующего человека. Мы же со своей стороны были счастливы видеть о. Иоанна именно в таком молитвенном состоянии, когда думалось невольно: „Как же батюшка любит Господа; какой он святой, дорогой...”.

Третье, что было у о. Иоанна — это непоколебимая преданность Св. Церкви и ее уставам. Много православных людей, но надо заметить, что мало беззаветно любящих мать свою, Св. Церковь нашу. Отец же Иоанн ни в чем никогда не упрекнул ее, всецело подчинялся ей и всегда наслаждался духовным богатством, скрытом в богослужении, таинствах, обрядах. „Братия, други! — говорил он, — любите Церковь: в Церкви — наша жизнь и наша живая вода, бьющая непрерывным ключом из приснотекущего источника, Духа Святого, ваш мир, ваше очищение, исцеление, просвещение, ваша сила, помощь, ваша слава; в ней все высочайшие интересы человека. О, какое благо Церковь! Слава Господу Церкви, изливающего на все Свои дары в безмерном множестве! О, веруйте, веруйте не словами только, но делами во Святую соборную апостольскую Церковь” (Мысли о богослужении, с. 20).

Далее надлежит нам сказать о пастырской ревности о. Иоанна. Кто не знает, как он спускался в подвалы и вертепы, отыскивая несчастных и бедных людей? Кто не читал о его бесчисленных дальних и нелегких поездках по России к больным и ищущим духовного утешения? Кто не поражался его строительству обителей и разных благо-

творительных учреждений? Трудно пересказать, как много и в каких видах проявлялась деятельность о. Иоанна.

Жить и трудиться для ближних, приводить их Богу, ко спасению, — вот что было целью всей его жизни; в этом отношении он не считался ни со своим покоем, ни с семейными, ни с какими другими обстоятельствами. На пастырство батюшка смотрел, как на дело, врученное ему Самим Господом Богом, от которого он не имел права отказываться и отклоняться. Супруга батюшки еще в начале его священства замечала, что он совсем забывает семью и дом, но о. Иоанн отвечал на все: „Счастливых семей, Лиза, и без нас довольно, а мы с тобой посвятим себя на служение Богу”. Когда же домашние его боялись, как бы при щедрости батюшки не остаться всем им в крайней нужде, он на это приводил такие доводы: „Я — священник, чего же тут? значит и говорить нечего — не себе, а другим я принадлежу”.

Особым видом служения о. Иоанна ближним нужно признать ежедневное совершение им Божественной Литургии, на которой он всех звал к покаянию и причащению. Завещание Спасителя о вкушении Пречистого Тела и Крови Его для жизни вечной, к сожалению, ныне пришло в забвение и часто подвергается поруганию. Отец Иоанн оживил и восстановил этот завет Христа. Из Кронштадта раздался голос: „Со страхом Божиим и верою приступите...” к Чаше, причем приступите не мысленно только, как было доселе, а для действительного, реального соединения со Спасителем и в Святых Тайнах. Весь исполненный любви, о. Иоанн не мог переносить холодного отношения

верующих к столь великому Таинству. Он жаждал спасения духовным чадам своим, а потому хотел, чтобы они всегда получали самое дорогое, самое драгоценное, самое необходимое, а именно — Св. Причастие.

Остается сказать еще и о личной святости о. Иоанна. Он по настроению и жизни был человек праведный, чего достиг путем глубокого внимания к себе, непрерывным очищением своего сердца от всякой скверны плоти и духа. Свидетелями такой его внутренней работы теперь являются для нас его дневники. Записывая ежедневно все переживания души своей, как благодатные, так и греховные, он за все доброе благодарил Господа, а со злом усиленно боролся и заботился об изглаждении его через самоукорение, молитву и тайное покаяние. В последнем о. Иоанн обрел необыкновенную удобоподвижность: всякое недоброе чувство, всякий дурной помысел он непременно сопровождал в себе сокрушением и взыванием ко Господу о прощении и помиловании. И за такое вольное и постоянное исповедание обвеселил Спаситель сердце великого пастыря, исполнил его миром, как выражался сам батюшка, пространством, вследствие чего господствующим настроением о. Иоанна была бодрость ума и духа и постоянная свежесть физических сил. Узнав на опыте, какое великое значение имеет тайное покаяние в деле нравственного созидания, он и другим, ревнующим о благочестии, советовал прибегать к тому же.

Да, удивительная внимательность была у о. Иоанна к своему внутреннему состоянию: всему он придавал значение, все же старался осмыслить и оценить с духовной стороны. Читал ли он правило — глубоко вникал в каждое слово, отто-

го-то в указаниях его мы и встречаем так много пометок вроде следующих: подчеркнуто выражение: „окаянную душу мою соблюди”, и на полях написано: „действительно, как я окаянен”. Приходилось ли ему быть среди природы, видеть звездное небо, заход солнца, море, горы, луга, красный цветок, тотчас же взор его переносился к Виновнику мира — Богу, Творческую Десницу Которого он созерцал во всех делах Его. Снилось ли что-либо, он и это запоминал. Такую внутреннюю жизнь о. Иоанн проводил не год и не два, а более полувека, и достиг высокого духовного устройства — святости, так сильно поражавшей всех, кто имел счастье его видеть и с ним молиться.

Самый внешний вид о. Иоанна был особенный, какой-то обаятельный, невольно располагающий к нему сердца всех, в глазах его отражалось небо, а в лице — сострадание к людям. В обращении его сквозило желание помочь каждому. Неудивительно поэтому, что к нему тянулись все болящие, страждущие душой и телом. Из бесчисленного множества примеров приведем хотя бы один: Некто, совсем сбившийся с пути, окончательно расстроивший свое здоровье пьянством, проходя по Петербургу мимо вокзала, заметил толпу, устремившуюся к подходящему поезду. Простое любопытство заставило его спросить: „Куда народ так спешит?” Ему сказали в ответ: „Сейчас должен приехать о. Иоанн Кронштадтский”. „Вот чудачки, — подумал он, — стоит так толкаться, а что тут особенного? А, впрочем, пойду и я, посмотрю на этого священника, уж очень много о нем говорят”. И идет... Батюшка, несмотря на окружающее его кольцо посетителей, обращает внимание на

подошедшего, дерзновенно осеняет его крестом и ласково говорит ему: „Да благословит тебя Господь и да поможет Он тебе направиться на добрый путь, друг мой, видно, много ты страдаешь!..” От таких вдохновенных слов великого пастыря благодатная сила, как электрический ток, прошла по всему телу несчастного. Отошедши в сторону он почувствовал, что сердце его полно умиления и расположения к о. Иоанну. „И в самом деле — невольно вспыхнула у него мысль в тот же миг, — как мне трудно жить, до какой низости я дошел, сделался хуже скота. Неужели можно подняться? Как было бы хорошо: о. Иоанн мне этого пожелал, и какой он добрый, он меня пожалел, непременно поеду к нему!” И затем он едет в Кронштадт, исповедуется, причащается Святых Тайн и, с Божией помощью, постепенно нравственно восстанавливается.

Повествуя об о. Иоанне, не могу не упомянуть добрым словом письмоводительницу его В. И. Перцову, впоследствии монахиню Иоанну, ныне уже почившую. Она много лет по святой любви самоотверженно служила великому пастырю.

Окончив гимназию, В. И. стала искать духовного общения с батюшкой, но даже подойти к этому светильнику, всегда окруженному народом, было не так уж легко; тогда она решилась терпеливо издали следовать за о. Иоанном и, как говорится, не спускать с него глаз.

В Кронштадте приходилось ей целыми часами иногда ходить около домика батюшки, чтобы хотя бы на минутку увидеть в окне его тень. И если удавалось это, ликование ее не было предела. О. Иоанн сам как-то в храме обратил внимание на

столь усердную богомолицу, велел ей зайти за книгой, затем он поручил ей переписку дневника и, наконец, взял ее к себе в качестве письмоводительницы. Означенное послушание свое она и несла вплоть до самой смерти батюшки и была постоянной его спутницей при путешествиях. Дорожа доверием святочтимого пастыря, В. И. всеми силами служила ему и однажды, оберегая его покой, едва не лишилась руки. Дело было так: на вокзале народ ломился в вагон, куда вошел отправляющийся в поездку о. Иоанн. В. И. заграждала вход, и кто-то в порыве негодования захлопнул дверь, прищемив ей пальцы. Но гораздо больше перенесла она, из-за той же своей преданности, нравственных страданий. Недовольные почитатели о. Иоанна сильно завидовали близости В. И. к нему и осыпали ее клеветой и ложными доносами. Отец же Иоанн, как прозорливый и знающий доброе настроение своей письмоводительницы, не обращал внимания на ее „доброжелателей” и всячески поддерживал верную труженицу.

Когда я гостил в Аулове, батюшка дал понять, между прочим, что после его смерти В. И. будет нуждаться в моей поддержке. Обращаясь к ней, он сказал: „Позаботьтесь об о. А., он потом пригодится тебе”. Так и случилось: по кончине великого пастыря, всеми оставленная, она приехала в Москву. Мне пришлось хлопотать об устройстве ее, но нелегко это было, ввиду той человеческой злобы, которая ее окружала. К тому же я не имел особого веса и не мог чем-либо помочь: даже в женских обителях не встретил я сочувствия, несмотря на то, что митрополиты — Владимир и Макарий — давали В. И. свои рекомендации. Одна только игуменья

московского Новодевичьего монастыря Леонида отозвалась на мою просьбу: определили ее в свою обитель, разрешив принять мантию с именем Иоанны. К сожалению, немного осталось ей жить, так как от неприятностей и невзгод у нее развилась чахотка. Отправленная на лечение на Кавказ в Команский монастырь, она здесь не только не поправилась, но от сырой местности окончательно расстроила свое здоровье. Еле живая В. И. вернулась в Новодевичий монастырь, где в скором времени мирно почила о Господе, имея перед собой портрет о. Иоанна, на который молитвенно взирала до последнего вздоха своего. По распоряжению игуменьи Леониды, ее похоронили с честью. Отпевал ее я в соборе при полном освещении, в присутствии многих сестер и пении монастырского хора. Считаю своим долгом всегда помнить Веру Ивановну Перцову, всемерно облегчавшую мне доступ к о. Иоанну. Со слов ее и что сам знаю, передаю следующее о великом Кронштадтском пастыре.

В отрочестве с трудом давалось чтение о. Иоанну, но детская слезная молитва ко Господу открыла ему доступ, помогла окончить курс семинарии и поступить на казенный счет в Петербургскую Академию.

В молодых годах батюшка видел во сне храм, в который его кто-то ввел. Когда он был назначен в Кронштадт священником, то войдя в первый раз в Андреевский собор, крайне поразился тому, что именно этот собор и снился ему когда-то.

Первоначальная жизнь в Кронштадте не благоприятствовала пастырским трудам о. Иоанна. Многочисленная семья, куда он вошел, тесная квартира — должны были, по-видимому, мешать духовно

сосредотачиваться, но батюшка и в такой обстановке сумел развить в себе богомыслие: когда же ему трудно было молиться, он уходил в лес, за город, чтобы в уединении среди природы созерцать Господа.

С первых шагов пастырства о. Иоанн поставил себе задачей ежедневно совершать Божественную Литургию, но так как местный причт состоял из нескольких священников, то исполнение его желания значительно затруднялось. Ему приходилось испрашивать разрешения отслужить, на что не все его собратья соглашались. Только заменяя очередного, батюшка чувствовал себя свободно.

По настроению батюшка всегда был склонен к духовному созерцанию. Будучи еще совсем молодым, он, идя в храм, а также и возвращаясь оттуда, устремлял взор свой к небу и воздевал руки, как бы на молитву. Непривычная к подобным явлениям толпа готова была считать нового священника даже ненормальным. Такой взгляд на батюшку едва ли не утвердился даже среди его сослужителей по собору.

Живая деятельность его в начале пастырства казалась настолько необычной и новой, что высшее духовное начальство в те времена неоднократно вызывало батюшку для объяснения и готово было наложить на него ограничение, но Господь Сам хранил Своего избранника от несправедливых и ненужных репрессий, доводя постепенно всех нападающих до сознания праведности Кронштадтского Светильника.

Иногда одолевала о. Иоанна туга душевная, как он сам же и объяснял, вследствие отхода благодати Божией, но тогда он не ослабевал духом, а про-

должал бодрствовать и молиться так: „Ты, Господи, оставляешь меня за грехи, но я не отойду от Тебя, а всегда буду вопить о помиловании”.

/.../ Спал батюшка летом и зимой при открытой форточке, так как любил свежий воздух, а если чувствовал холод — одевался потеплее, даже в шубу. Ложась в постель не снимал подрясника, как бы держа себя всегда наготове к встрече Небесного Жениха, могущего придти во всякое время; ночью он выходил на прогулку, чтобы насладиться тишиной и полюбоваться звездным небом. Вообще о. Иоанн очень любил природу и особенно растения: остановится, бывало, над каким-нибудь цветочком и долго, долго размышляет, лобызая в нем творческую десницу Божию. Из всего окружающего он постоянно брал себе повод или тему для богомыслия.

К приносимым деньгам и подаркам о. Иоанн относился различно: от одних отказывался, иными не дорожил, скоро передавая другим, а некоторыми интересовался, очевидно, теми, которые доставляли ему утешение и радость, и все это вне зависимости от их ценности.

Во время Великого Поста, по всей вероятности, от чрезвычайных трудов, батюшка почти всегда чувствовал недомогание, так что приходилось бояться даже за его здоровье и жизнь. Но Господь ему помогал. Св. Четырдесятница проходила и на Пасхе батюшка поправлялся и расцветал.

О. Иоанн всех объединил своей любовью: он не страдал и узкословными взглядами. К нему одинаково тянулись священники и монахи, знатные и простые, богатые и бедные. Было приятно служить с ним, так как тогда Престол Божий окружали

чернецы и прихожане пастыря, давая этим самым чувствовать, что Христос одинаково принимает в Свои отеческие объятия всех людей без различия. Сам из белого духовенства, батюшка глубоко ценил монашество и был строителем многих женских обителей, а отсюда неудивительно, что он давал и советы на вступление в иночество.

Однажды, в Великом Посту, о. Иоанн тяжело заболел; доктора прописали ему скоромную пищу. Тогда он запросил свою мать, благословляет ли она его на это, и получил такой ответ от нее: „Лучше умри, но не нарушай Устава Св. Церкви”.

Каждую Литургию о. Иоанн считал за правило говорить поучение, заранее его обдумав, а иногда и написав. Выходя на амвон, он непременно молился: „Господи, помоги мне сказать слово на пользу слушающим”.

Батюшка всегда стремился иметь святое, серьезное отношение к Богу и к близким. Мы часто поверхностно рассуждаем о предметах веры, а к людям бываем неискренни и недоброжелательны. Кронштадтский же светильник горел духом ко Господу, а в человеке видел образ Его и потому каждого ценил, уважал и любил. О. Иоанн обладал и даром слез, которые часто наблюдались у него при совершении Божественной Литургии, тайном молитвенном покаянии и духовном созерцании. Слезы эти, как говорил он, не вредили его зрению: „Ты, Господи, устроил то, что я не боюсь проливать пред Тобой слезы покаяния и умиления, ибо они не ослабляют, а очищают и укрепляют мое зрение”.

Часто в своих проповедях батюшка указывал на близкое пришествие Спасителя, ожидал Его и

чувствовал, как сама же природа готовится к сему великому моменту, главным образом, он обращал внимание на огонь, которым будет уничтожен мир, подобно тому, как древний мир был истреблен водой. „Всякий раз, — говорил он, — как я смотрю на огонь и особенно на бушующую стихию его при пожарах и в других случаях, то думаю: стихия эта всегда готова и только ожидает повеления Творца вселенной выступить и начать свою задачу — уничтожить все, что на земле, вместе с людьми и незаконными их делами”.

/.../ О. Иоанн часто в поучениях, беседах и дневниках напоминал, что грех, беззаконие томят человека, вселяют в него тоску, терзание совести, и наоборот, свобода от страстей бодрит сердце и освежает весь организм; здесь сказался духовный опыт батюшки, неусыпные наблюдения его и борьба его с греховной природой.

Любил о. Иоанн говорить и о пространстве сердечном, коего сам постоянно искал и просил у Господа. Определил же он это так: это состояние духа, когда не гнетет тебя ни уныние, ни скука, ни страх, ни какие-либо другие страсти. Оно открыто для восприятия духовных благ и переполняется ими. Ему противоположны туга душевная, происходящая от всякого рода скверны и удаления от нас благодати Божией.

О. Иоанн восхвалял простоту, указывая на то, что Сам Господь есть также Простое Существо. Вера, трудолюбие, обходительность, смирение, незлобивость, тихость, покорность, послушание — все, пояснял батюшка, — все возрастает на почве простой души.

О. Иоанн во всем добивался совершенства, — так,

он признавал только сердечную глубокую молитву, а поспешную и рассеянную считал одним лишь воздухобиением. Придавал он значение каждому своему слову, потому и не говорил никогда ничего лишнего. Человеческая речь, объяснял великий пастырь, есть образ Слова Божия и, как таковая, она должна быть свята и справедлива. Отсюда не должно быть противоречий между словом и делом: что сказано и обещано, то и следует выполнять в точности.

На все члены организма он смотрел, как на чистые творения, долженствующие возбуждать только возвышенные чувства.

Все земное о. Иоанн переводил на святое, высокое, всемерно старался, если можно так выразиться, раствориться небесным, для него всегда и везде и во всем был только Бог, вся жизнь, все силы души его направлялись к этому. Иными же словами, в духовном кругозоре батюшки душа сближалась с небом, и чувства его являлись органом для восприятия не столько внешних, сколько духовных впечатлений.

О. Иоанн не любил оставаться в долгу у кого бы то ни было, а в особенности у тех, кто ему самому оказывал услугу. Перед праздником Рождества Христова и Пасхи он подписывал списки лиц, которым надлежало выдать так называемые „чаевые“ к празднику. Сюда входили телеграфисты, почтальоны, полицейские чины и т. д. Даже в последний год жизни, уже больной, не оставлял батюшка своего обычая и торопился с составлением списков, а то, говорил он, „не успею“.

Перенесши в начале 1906 года болезнь, о. Иоанн, доселе бодрый и неутомимый, жизнерадостный,

сразу осунулся, подряхлел и стал чувствовать упадок сил, хотя, однако, и не прерывал своей жизненной задачи — ежедневного служения Божественной Литургии и посещения страждущих.

Последнюю обедню служил о. Иоанн 9 декабря 1908 года. С этого дня болезнь его приняла тяжелую форму, так что он в течение оставшегося времени был вынужден прекратить приемы посторонних лиц и почти все время полулежал в кресле при открытой форточке. Неосторожный выезд на прогулку 17 декабря в пролетке случайного извозчика еще более усилил нездоровье Светильника Божия. Он весь ослаб и 19-го утром уже не мог выйти в переднюю для встречи священника со Св. Дарами, как делал он ежедневно. В предсмертные дни батюшка иногда стонал, что свидетельствовало о его тяжелых страданиях, но от всяких лекарств отказывался и пил только св. воду из источника Преп. Серафима Саровского.

Последнее распоряжение сделал о. Иоанн игумении Ангелине об освящении храма-усыпальницы в Иоанновском монастыре. Ночь на 20-ое декабря прошла тревожно; в два часа ночи у него отнялись ноги, и он видимо стал угасать. Пришлось поспешить с Литургией; в 4 часа священник пришел уже со Святыми Дарами. О. Иоанн мог принять только Св. Кровь. После причастия он сам вытер уста и на некоторое время успокоился, проговорив затем: „душно мне, душно“, и впал в забытие. Дыхание его становилось все тише и тише... Пришедший иерей начал читать канон на исход души и, когда он кончился, подошел к батюшке: последний лежал неподвижно с руками, сложенными на груди.

Послышалось еще несколько вздохов и великий пастырь спокойно предал дух свой Богу. Глаза, доселе закрытые, чуть-чуть приоткрылись и на них показались чистые, как хрусталь, слезинки. Это были последние слезы праведника. Умер батюшка 20 декабря 1908 года в 7 часов 40 минут утра, на 80-ом году от рождения. Во время болезни он был молчалив и крайне серьезен: очевидно, молитвенно готовился к переходу в горний мир.

О. Иоанн после великих жизненных трудов явился поистине спелым колосом на ниве Христовой, а потому уже не мог пребывать с нами, грешными. Вот почему последние слова его были „душно мне, душно”, т. е. душно в этой юдоли земной.

Похоронили батюшку в усыпальнице устроенного им в Петербурге Иоанновского монастыря.

Один из священников, присутствовавший при погребении о. Иоанна, — довольно критически относившийся к его пастырской деятельности, — засвидетельствовал в печати следующее („Русский паломник”, 1900 г.):

„Когда я, едва пробираясь через несметную толпу народа, подошел ко гробу батюшки, то моему сердце передалось сразу чувство, что здесь молятся не об умершем, а у раки уже прославленного угодника Божия, т. е. храм оглашался воплями и стонами людей, просивших помощи у почившего: в чем, очевидно сказался духовный инстинкт народа. Еще в большей степени пережил я это во время погребения. Полученное впечатление в корне изменило мой взгляд на Кронштадтского пастыря, которого я после этого оценил, полюбил, и молитвою его теперь только и живу”.

СОЧИНЕНИЯ,
ПРИНАДЛЕЖАЩИЕ ПЕРУ О. ИОАННА

1. Моя жизнь во Христе, в 2-х томах.
2. Мысли о Церкви и путь к Богу, в 2-х томах.
3. Солнце Правды.
4. От смерти к жизни.
5. Слово мудрости духовной.
6. Горé имеем сердца.
7. Созерцания и чувства христианской души.
8. Путь спасительный.
9. Христианская философия.
10. Созерцательное подвижничество.
11. Правда о Боге, мире и человеке.
12. О Кресте Христовом.
13. Полное собрание слов и поучений.
14. Живой Колос духовной нивы.
15. Новые слова – 1903 г.
16. Новые слова – 1904 г.
17. Новые слова – 1905 г.
18. Новые слова – 1906-1907 гг.
19. Новые слова – 1907-1908 гг.
20. Венок на свежую могилу незабвенного пастыря, последние его поучения. Выпуски: I, II, III, IV, V, VI.
21. Мысли о богослужении Православной Церкви.
22. Размышления и наставления о покаянии и причащении.
23. О Страшном суде и антихристе.
24. Поучения и слова на праздники Господа нашего Иисуса Христа.
25. Полный годичный круг поучений.

ЛИТЕРАТУРА
ОБ О. ИОАННЕ КРОНШТАДТСКОМ

1. Столп Православной Церкви.
2. Отец Иоанн Кронштадтский (Записки иеромонаха Михаила).
3. Два дня в Кронштадте (Записки студента).
4. Милость Божия и благодатная помощь по молитвам о. Иоанна.
5. Беседы с настоятельницей игуменьей Таисией.
6. Источник живой воды.
7. Завет о. Иоанна.
8. Кончина и погребение о. Иоанна.
9. Журнал „Христианин” за 1908 г., где собрано все, помещенное в прессе, по поводу кончины о. Иоанна Кронштадтского.
10. Правда дороже золота.

Примечание:

Кроме перечисленного, в течение жизни о. Иоанна много печаталось о его деятельности в газетах и журналах.

ВЫПИСКИ ИЗ ДНЕВНИКОВ
О. ИОАННА КРОНШТАДТСКОГО

Я имел счастье видеть и читать дневники о. Иоанна Кронштадтского в подлиннике. Помню, у меня перебивало разной формы и величины 16 тетрадей, исписанных рукой великого светильника. К сожалению, по сложности занятий, не мог я в свое время хорошо разобрать и изучить их, а между тем, надо признаться, они содержат много интересного. Оттуда извлечены только благоговейные размышления и духовные созерцания, все же личные и интимные переживания батюшки — его непрестанная борьба со грехом, помыслами и чувствами — остались ненапечатанными, тогда как каждая строчка всероссийского пастыря может иметь значение для того, кто по его примеру ведет жизнь по пути духовного совершенствования.

Привожу то, что я успел выписать из трех тетрадей его дневника за 1904-1907 годы.

На первой странице о. Иоанн делает такой заголовок:

„Некоторые заметки о богослужении Православной Церкви на память мне самому и дорогой братии моей отцам иереям и диаконам, отчасти и псаломщикам, 12 мая 1907 года”.

Написано неразборчиво и ниже стоит приписка следующего содержания: „Едва разобрал слово „отчасти” (читая о печати). Как же я скверно,

неразборчиво, слитно, некорректно пишу, безобразие". 6 июля 1907 года. (Пример укорения.)

*

26 июня. После Литургии.

Благодарю всем сердцем Господа нашего за принятие моей покаянной теплой молитвы о помиловании меня и исцелении лютой язвы сердца моего, поразившей его за имеющуюся неприязнь к рабе Божией... за то, что она становится в храме впереди всех (я ее тайно уничтожил и подверг лицепрятую, ведь другим лицам я этого не сделал). Господь исцелил язву мою сердечную и помиловал меня, расположив сердце мое к любви, к миру и уважению ее вместе со всеми другими, и дав мне в мире совершить Литургию. (Это было во время обедни пред Херувимской.)

28 марта. Благодарю Господа, неоднократно спасавшего меня от грехов моих, от гневных и неприязненных движений сердца моего окаянного после тайных молитв покаяния в экипаже, в обители и в келье моей. Глубоко я сознавал и чувствовал в сердце свои грехи и обличал, укорял, осу-

В меру наших возможностей мы исправили вкравшиеся в рукопись отдельные незначительные ошибки и погрешности правописания, не имея уверенности, что это ошибки оригинала, а не привнесенные позднее переписчиками. Записи расположены в рукописи не хронологически, что мы сохранили, не желая врываться в замысел составителя. — Р е д .

ждал сам себя и молил Господа милосердием Его безмерным простить грехи мои, излечить сердце мое добрым изменением, умиротворить, обновить, очистить и растворить его благодатью Духа Святого — и я не посрамился во все разы, сколько ни призывал имя Господне в покаянии нелицемерном. Слава Господу, в милости не победимому. 10 часов вечера.

19 августа. Ивановский монастырь.

Ночлег. Во сне пред пробуждением в половине седьмого видел занимательный сон: не в домах, а на крышах домов или дач видел ликующий народ со свечами; в числе прочих видел своячениц моих Александру и Анну Кнст-ну, и жену мою. Какое-то общее радостное настроение, праздничное, с коим я поздравил их, назвав поименно. Мечта ли необычная или предзнаменование какого-либо торжества? Дай Бог!

Вследствие излишества в пище и сладкопитании (стакан чаю сладкого на пароходе „Любезный” с сухими кренделями) и сна на пароходе, я удобно подвергся искушению раздражения на ездившую со мной Веру Ив., за то, что она возила меня по очень грязным квартирам, где я испытал сильное стеснение от народа. Это — раз; другой — за то, что она очень далеко повезла, почти к Воронцовскому подворью, к сыну Е. И. Б.; тут я крепко рассердился на то, что она не назвала улицы, куда везет. Но я покался всем сердцем в своем нетерпении и своенравии, обвинил себя же самого, а В. И. оправдал, как кроткую и смиренную. Да, я нарушил главизну Закона Божия — любовь к ближнему. Безмерно милостивый Господь поми-

ловал меня от тесноты и скорби, дал мир и исцеление и дерзновение. То же было и в обители моей, где Господь принял мое покаяние, дал и мир мне, а также избавил от скорби.

Ловит и ловит, непрестанно ловит вселукавый и всезлобивый враг. Сегодня в церкви Дома Трудолюбия в Кронштадте меня ловил и томил неприязнию к моему соборному псаломщику, каким-то уничижением, ревностью и завистью к нему из-за того, что он очень резко выделялся своим голосом при пении литургийных песнопений. С трудом я сломил насилие врага, опаление и уловление, и только тайным покаянием и молитвою одолел его, вынимая части из просфоры в умилоствление Господа. Как же надо жалеть род христианский и нехристианский, страдающий волею и неволею, ведением и неведением от дьявольского насилия и прелести.

5 сентября. После Литургии и Елисейского обеда в С-Пб.

Благодарю Тебя, Господи, за совершенную в умилении сердца Литургию и за прочтенную искренно и громко молитву о победе над врагами и за одоление благодатию Твоею искушений во время обеда и после него бывших.

26 сентября. Господь явил мне сегодня во время Литургии безмерную силу Своей Благодати и такую же крепость благоутробного милосердия Своего за веру и тайное покаяние мое. Особенно сильно было и быстро как молния искушение на Великом входе со Св. Дарами, когда враг приразился (приблизился?) к сердцу моему острою неприязнею

к жене да и к нему самому за то, что она стала за решетку на солее, куда запрещено было всем же становиться; но быстрым в тайне покаянием и самоосуждением привлек я милость и помощь Божию и мир душевный, и всю последнюю часть Литургии служил мирно, благодатно, причастился так же. Но с причастниками, не истово подходившими, и смутился, и раздражился, и врага потешил своим гневом. Глубокое мое покаяние, однако, Господь принял и помиловал меня. О, как ловит окаянный! Трезвитесь, бодрствуйте, ибо супостат ваш диавол ходит, как рыкающий лев, ища кого поглотить.

31 октября. В Кронштадте в Дому Трудолюбия, когда ходил с молебнами и причащал больных приезжих, ходила за мной из квартиры в квартиру пожилая дева А., домогавшаяся частицы для причащения своего. В запасе оставалось мало частиц — и я весьма даже рассердился на А. и резко отогнал ее от себя, отогнал и Е., ее сродницу, ходатайствующую за нее; и вот прогневал я своим раздражением Господа, Источника, Основания Любви, и ближних моих огорчил, и тяжело мне стало, очень тяжело. Я стал каяться Господу, много каяться и тут, и на пароходе „Любезный”. И Господь простил мне тяжкий грех. Вперед мне урок — относиться ко всем кротко, снисходительно, терпеливо, любезно.

Именующиеся духовные чада мои доселе уже несколько лет причащающиеся Св. Тайн Христовых, не научились послушанию, беззлобию и любви долготерпящей, и предаются озлоблению и непокорности. И все это тогда, когда словом Церков-

ным поучаются ежедневно вере и христианским добродетелям. Господи! Что же мне с ними делать? Научи Духом Твоим Святым, как исправить их? Как с ними поступить? Как и когда их допускать к Чаше жизни? Не давать ли им эпитимии? Не лишать ли их на месяц и более даже общения, да научатся нелицемерно, со страхом, с глубоким смирением и любовью к ближним сообщаться с Тобою, Небесным Творцом, Незлобивым и Кротким? Но и меня самого, врача других, исцели, Господи: ибо я непрестанно согрешаю после причащения Святых Тайн.

14 ноября 1906 года. Вспомнил я свою С-Петербургскую Академию и жизнь мою в стенах ее, которая была безгрешна, хотя был я весьма и весьма благочестивым студентом, преданным Богу всем своим сердцем.

Грехи же мои состояли в том, что иногда в великие праздники я выпивал вина и только один Бог хранил меня от беды, что я не попадался начальству Академии и не был выгнан совсем из нее, /как/ студент Метельников (Вас. Иванович из Нижегородской семинарии), напившийся до бесчувствия и отморозивший себе руки за стенами Академии (ворота были заперты на ночь и он не мог попасть в Академию). Благодарю Бога за милость и сокрытие моих грешных поступков. А то был и еще случай; кажется, в один их двенадцатых праздников было приказано мне за всеобщей стоять и держать митру архимандриту Кириллу, экстраординарному профессору и помощнику инспектора Академии; а я не снял и потом, когда товарищи заметили, зачем я это сделал, ответил

им: „сам снимет”. Как мне прошла эта грубость в его отношении, я не знаю, но только архимандрит, видимо, обиделся на меня и по адресу моему на лекции в аудитории говорил очень сильные нотации, не упоминая меня. Он читал Нравственное Богословие и был родственником ректора Академии Епископа Макария Винницкого. Эту почтенную память вашу, мои бывшие начальники и наставники (Владыка Макарий, инспектор архимандрит Иоанн /Соколов/, лектор Богословия и профессор архимандрит Кирилл), что вы снизошли ко мне и не наказали меня соответственно вине моей и дали мне возможность окончить заведение это счастливо и получить академическую степень кандидата Богословия и сан священника. Благодарю Господа, долготерпевшего мне во все время моего воспитания, ибо в училище и семинарии я прогневал Его грехами, хотя всегда калялся и часто со слезами самыми горячими. Слава Тебе, доселе долготерпевшему мне!

Благодарю Господа, многократно совершавшего во мне чудеса милости и благоприменения мира, обновления, свободы, дерзновения в молитвах за людей в разных домах и квартирах столицы. Слава Его благопослушеству, благоуветливости, милосердию и силе, животворящей нас, умерщвленных различными и многими грехами.

Господи, исторгни из сердца моего жало вражие и росу Благодати Духа Твоего пошли мне, оживотворящую и прохлаждающую сердце мое. Вижу прелесть лукавого.

Господи, отыми от сердца моего вражии наваждения и всегда свободным яви его через покаяние. Кто Бог велий, яко Бог наш! Ты еси Бог творяй

чудеса, сказал еси в людях силу Твою — бесчисленных делах Твоих — и Церковь непрестанно воспоминает и прославляет все великие дела Твои в мире и в Церкви Твоей. Слава Тебе, Господи, слава Тебе, буди! буди!

19 апреля 1905 г. Вторник Св. Пасхи.

Благодарю Господа, изгнавшего из сердца моего прелесть греха по тайной молитве покаянной и освободившего меня от плена греховного и даровавшего мне свободу от греха и мир. Просвети, Господи, сердечные очи мои светом разума Св. Евангелия Твоего.

2-ое мая. Благодарю Господа за день сей, благоуспешно проведенный, милостию и содействием Божиим в молитвах за людей, пригласивших меня в Петербурге. Благодарю и за написанную проповедь на 8-ое мая (Иоанна Богослова).

24 и 25. Бесплотный злодей искал и ищет сделать для меня противным молодого врача, данного мне профессорами, и возбуждает жалость к внушительной сумме денег, которую он выговорил за 2 месяца. Но Ты, Господи, разрушил коварство врага!

8-ое мая. Искусился лицепрятием, презорством, гордостью, неприязнью к нищим, не имеющим определенного занятия в Кронштадте и часто подступающим без спросу у меня, к Чаше Причащения. Каюсь в этом в глубине души, ибо прогневал я Господа моего лицепрятием и диавольскою неприязнью и впредь делать сего никак не хочу. Прости

мне, Господи! Запечатлеваю мое покаяние начертанием сим.

13 сентября 1904 г. Сегодня утром, часа в 4, во сне, как наяву, я очутился будто бы в Ясной Поляне: ко мне приходит от графа Толстого какой-то его родственник и говорит: „Граф Толстой очень болен и зовет вас к себе помолиться”. Я с удивлением спрашиваю: „Неужели? Сейчас иду”, и думаю: как с ним я встречу и что буду говорить, впрочем, думаю, Бог научит, что говорить, на Него я надеюсь, Источника Премудрости. И начал собираться в дорогу. Но жаль, что проснулся... Что это значит?

Благодарю Господа, внявшего вчера (*16 мая*), при служении Литургии, молитве моей тайной и даровавшего мне вместо тесноты простор и мир сердечный со служением покойным и умиленным. Благодарю Господа, умирявшего сердце мое, смущенное клеветой писак С-Петербургского листка. Слава, Господи, всегдашнему благопослушеству Твоему к моим молитвам. Но услыши молитвы мои о даровании совершенной победы Русскому воинству морскому и сухопутному.

Мне же да не будет хвалиться токмо о Кресте Господа нашего Иисуса Христа имже мир распяся, и аз миру (Гал. 6, 14). Распят ли я миру?

20-го мая. Отправляясь из женского Ивановского моего монастыря на машину Николаевской ж. д., я сильно искусился через нищих мальчиков лет 9-10-ти, неотступно преследовавших мою карету и просивших подачку, — я рассердился, озлобил-

ся на них за вторичное прощение (им было дано по рублю, хоть и не всем), и меня оставила Благодать Божия, я впал в сильную скорбь и тесноту сердца при воспламенении от адской злобы, и с трудом умолил Господа, да простит Он мне грех неприязни, жестокосердия, скупости и сребролюбия, и только в вагоне, при настойчивой тайной молитве покаяния, сподобился прощения грехов моих и мира и простора сердечного. Не попусти, Боже, и впредь доходить до подобного состояния душевного и научи меня всегда жалеть нищих и сострадать им, ибо руки мои доселе не оскудели от подаяния.

Сегодня, 25 мая. Благодатию Божией изгнал я бесов из женщины, которая 18 лет страдала от них. Господи, благодарю Тебя за милость и силу Твою, явленную в прогнании демонов из рабы Твоей, крестьянки Ярославской губернии.

28-ое мая. Суббота по Вознесении.

Ночь провел покойно, только чувствовал небольшой озноб в спине. Надел потеплее подрясник. Утром встал здоровым, но на душе и в теле было сильное уныние, помолился довольно лениво. Пришедши в Церковь, ощущал сонное уныние и неприязнь невольную ко встречающимся по дороге и в храме. Тайно помолился Богу о моей перемене сердца, о даровании кротости, смирения, любви и сердечном расположении ко всем, и Господь дивно изменил состояние духа, дав спокойствие и незлобие, совершенно к лучшему изменил мой внутренний мир.

Я спокойно и торжественно читал канон и потом

совершил Литургию. В середине ее враг усиливался поколебать мой мир пристрастием сердца к блестящему глену (митре), пожалел я о том, чтобы не задымилась (от горящих свечей и кадила), и теснотою и бессилием сердечным, но верою, тайной молитвой и теплым покаянием воспрянув, я одолел вражеские натиски и успокоился. О, сколь хитер, тонок и неусыпен враг, а наши глупые пристрастия столь велики!

Затем я умиленно и со слезами завершил Литургию и проповедь сказал смело, сердечно и сильно.

30 мая. Понедельник перед Троицкой неделей.

Благодарю Господа, принявшего тайное мое покаяние глубокое и помиловавшего меня и давшего мне благодать мира и обновления, правды и святости. Близ Господь всем призывающим во истине Его.

31 мая. 12 часов ночи. Благодарю Господа, принявшего тайное покаяние мое в судительных и резких словах о Правительстве Русском, допустившем своими неправильными действиями Японскую войну; скорбь и теснота отошли от меня и мир Божий воцарился в сердце моем с простором душевным. Слава Тебе — Всеблагому и Всеблаговетливому Спасителю. нашему.

2 июня, вечер, 6 часов. Согрешил перед Богом, разгневавшись сильно на Е. М., впавшую в большую погрешность против меня и всех плывущих на пароходе: заставила ждать себя долго, и напрасно, когда надо было торопиться. Я сильно озлобился.

Господи, научи меня благодати, тихости, ожиданию, терпению и долготерпению. Измени мое сердце изменением всепрощения, благодати, кротости, незлобия. От Тебя сильно ожидаю всепрощения: даруй мне и самому простить виновную. Аминь!

15-го служил в ... соборе благодатно, со слезами; враг же бесплотный на Литургии верных сильно отрывал сердце мое от любви Божией и от сознания своей душевной бедности пристрастием к суете — к митре, как бы не задымить ее кадильным дымом; от этого безумия я избавился с трудом и только тайною молитвой покаяния. Какое глупое сердце! Какое нелепое пристрастие! А сколько у меня митр — до 20-ти! А я уже старик! Кому же они достанутся по смерти? Разве износить их? Не за мишурой ли ты гонишься? За красотой ли прелестной и исчезающей? За узами или за путами, связующими твою душу и охлаждающими ее к Богу, и лишаящими общения с Ним, как недостойную? Прекрасно охарактеризовал св. апостол Иоанн Богослов всю прелесть плоти нашей и мира грешного: „Все, еже в мире, похоть плоти, гордость житейская несть от Отца, но от мира сего есть. Но мир превосходит и похоть его, а творяй волю Божию пребывает во век”.

От гордости и тщеславия происходит желание пышно и красиво одеваться, поэтому презирай блеск внешний; блистай тайно и внутри духом.

2-ое мая. Убей во мне, Господи, всякое плотское греховное стремление, оскверняющее меня и отлучающее от Тебя, Источника жизни и святости. Буди!

Господи, болит душа моя грешная тлением. От тли избави мя Духом Твоим Святым. Вижу плоты из многих дерев: и сжимается сердце мое: зачем истребляют, думаю, леса и оголяют землю во всем мире, а богачи наживают огромные капиталы и плохо и скудно оплачивают труд простолюдинов, крестьян. В Архангельске лесопромышленники наготовили горы бревен и досок для продажи англичанам. Что же тебе за дело, что лесами торгуют и лесопромышленников обогащают? Уж не жаль ли тебе, что и луга косят и сено убирают, и нивы пожинают, и хлеб в житницы убирают? Уж не жаль ли тебе, что солнце лучезарное светит и всю землю освежает и оживотворяет? Горняя помышляй человек всегда, а не земная. О, как хитер враг бесплотный, уязвляя сердце пристрастием к тленным вещам видимого мира, — сердце, которое должно быть храмом Божиим.

18-ое июня. Один день я остался без службы Божией и почувствовал в себе оскудение духовной жизни, оскудение благодати, присутствие греховной силы и нужна была немалая борьба с греховными усиливающимися влечениями. Служба и Причастие Святых Тайн обновили мое существо, и я воспрянул как от сна. Слава Богу! „Аще не снете Плоти Сына Человеческого, не пиете вы и Крови Его, живота не имате в себе”. Истинно слово Владыки и Бога моего.

Утро 19 июня. Во всю ночь тревожили беспокойные сны. Сердце беспокойное, холодное, напоенное дьявольским смятением и удрученное теснотою. Но от того ли, что я ел скоромную треску и на-

рушил, таким образом, пост; да еще неправильно и не так усердно помолился на ночь: тайно, без поклонов, совершил правило пред причащением. Господи, помилуй!

22 июля. Служил Литургию в Екатеринбурге, в женском монастыре (Марии Магдалины), при 10 священниках и 5 диаконах. Господь дал обильные слезы умиления. Во время причащения Святых Тайн враг бесплотный загнул меня было на минутку, сопротивляясь Истине Божией через дебелость сердечную, но благодать при моем усилии рассеяла мираж вражий и я успокоился, обновился, возрадовался и проповедь краткую сказал на тему: „В дому Отца Моего обители многи суть”. Сказал содержательно и складно, в присутствии Преосвященнейшего Владимира. Божий он человек: умный, наблюдательный, твердый в правде, скромный, кроткий и благолепный.

Господи, даруй мне благодать не прилепляться к вещам мира сего (потерял гребенку).

Вождь нашего воинства А. К. Куропаткин оставил все, поднесенные ему, иконы, в полку, в плену у японцев, лазутчиков. Между тем как мирские слова и вещи он все захватил. Каково отношение к вере и святине церковной? Зато Господь не благословляет оружия нашего и враги побеждают нас. Зато мы стали в посмеяние и попрание всем врагам нашим.

Согрешил я пред Тобою, Господи, испытующий сердца и утробы, позавидовал автору сочинения „Начало и конец видимого мира”, что он, светский человек, и более меня, академика и священника, сведущ в Богословии и составил свое это сочинение премудро, глубокомысленно, просто!

26 июля. Пять суток был в отлучке с судна „Св. Николай” по железной дороге из Котласа в Екатеринбург (20-24). Благодарю Господа за весь путь и за все, что я испытал в городе Екатеринбурге, за всю любовь населения ко мне, за все горячее расположение, которое я видел в продолжение трех суток. В конце обратного пути Господь скоро и державно избавил меня от тайного искушения по поводу воспоминания о лукавом отношении ко мне (годов десять тому назад) епископа, а ныне и архиепископа А., в миру Алексея ..., бывшего студента С.-Петербургской Академии в 1851-1853 гг., я себя искренно осудил в неприязни и просил Господа изменить мои чувства к нему на приятные и доброжелательные, — что и дал Господь.

Наши карманы с тюремщиком еще не уравновесились и другое подобное же чувство неприязни и подозрения к Сурской начальнице женского монастыря, монахине Порфирии; и за покаяние Господь переменял мои чувства к ней с неприятных на дружественные, благодатные и доброжелательные, и я успокоился на этом. (Утро, 2 часа ночи.)

Недостаток мой. Испытания меня моим Ангелом-Хранителем. Спал я днем на пароходе „Св. Николай” в 4 часа. Сон — будто я в школе, в семинарии, учеником, вместе с мальчиками, коих некий учитель спрашивает урок: учитель же как будто бы Михаил Иванович Сибиряков или Михаил П. Деллоранский; а я не исправен и боюсь, что вот вызовет к ответу: и думается мне — не вызовет, а то думаю: о чем же спросит? Вдруг он просит меня отслужить панихиду; спрашиваю: „За кого молить-

ся?” Он ответил: „За Иоанна Цветкова”, а он (товарищ по Академии и священник) — был протоиереем в Кронштадте. А я, по смущению бесовскому робею, диавол смущает и возьмет слова от сердца, кое-как выговорил ектению и даже молитву: „Боже духов и всякая плоти...”. Кончил, смотрю — как нравится моя ектения экзаменатору. Вижу, что не совсем он доволен. Да и как же, когда окаянный смущает и крадет слова, и я не могу справиться с ним и с собой. Проснулся. А в самом деле надо молиться за о. Цветкова и Михаила Демпранского. Цветков плохо жил, пиво пил и нечто другое творил. Прости ему, Господи!

9 июня 1907 года. Доселе я еще не научился ненавидеть грех, доселе я еще сочувствую греху в себе или в других, хотя и осуждаю его в себе и в других, хотя скоро опаматываюсь и осуждаю себя и признаю нелепость и противность его заповеди Божией к моему истинному Благу. Окаянен я человек, кто мя избавит от тела смерти сея?

Враг бесплотный внутри нас, в сердце нашем гнездящийся, постоянно старается высмеивать, осквернять мысленно природные необходимые члены, созданные Творцом для естественных отправлений, а то и святые лица и предметы, достойные всякого уважения, а уж какие истории делает над нами во сне, какие строит химеры, описать невозможно. Вспоминаю бесовские хвастовства у Игнатия Брянского: „Наше время, наши годы”. Да, ваше время и власть тьмы! (Мк. 7, 21-22).

Как наяву, так и во сне враг льстит и берет души и мою душу бесчисленными греховными мечтаниями. Господи! Помоги мне побороть его. В будущей

жизни и на ум не придут такие грехи и погибнет сама память их, — но будет тогда правда и святость, мир и блаженство человека нескончаемое.

13 июля. Каждый час и минуту я должен внимать себе, чтобы не дать воли дикому ослу — моему ветхому человеку — исполнить свою ослиную пагубную волю и подвергать бесчисленным опасностям „безопасные” мои действия и блаженную волю Бога моего.

25 июня. Каким бедам и насмешкам подвергает меня враг во сне, какие мечтания неподобные внушает, а равно и нелепые сновидения — высказать невозможно! Уж и лиходей проклятый! Но причины таких вражбых мечтаний находятся во мне, многострастном. Помилуй мя, Боже, по велицей милости Твоей!

27 июня 1907 г. Ну, уж и враг рода человеческого. Хитер он на выдумки и мечтания во время моего же сна. То с папами и с кардиналами вводит в любовное общение, непременно любовное, заискивающее с моей и их стороны, то с царскими чиновниками разных рангов на свидание с царем влечет, как бы требующих от меня материальных жертв, а я жертвую скупой, неохотной, ссылаясь на мои монастыри, требующие материального пособия.

Господи, расположи сердце мое к памяти бывшего митрополита Исидора, сурово и гордо всегда принимавшего меня, а впрочем и не лишавшего меня земных наград и тщетных славиц — крестов и орденов.

Вечная ему память!

23 июня 1907 г. Когда же будет конец много-страстной, несмысленной и похотливой плоти моей, навывшей с юности всякому греху? Когда я прокляну и совершенно презрю ее окаянную и богопротивную, лживую, льстивую и пагубную? Ведь она, окаянная, отвлекает меня от любви Божией и нудит радеть не о душе бессмертной, созданной по образу Божию. Что за бессмыслие? Что за безумство? Что за навыки? Господи, помилуй!

Мне ли ревновать, обогащенному Богом всеми дарами неба и земли, ежедневному причастнику Божественных Тайн, имеющему в обетовании вечную жизнь, создавшему обители во славу Божию, храм великолепный на родине, школу церковно-приходскую, получившую в удел для обитателей множество земли с лесом и всякими угодыями, имеющему подворье монашеское в городе Архангельске; получившему от Бога добрую славу и великое всенародное и повсюдное расположение ко мне простых верующих людей русских; имеющему достаток, всякую пищу и одеяние, как священное так и мирское. Главное же — это то, что я обладаю Источником неоскудевающим — Богом, Который дал Себя Самого в достояние неотъемлемое мне. Итак, помилуй Господи, меня, раба Твоего! и не дай мне ревновать лукавствующим и творящим беззаконие, ибо как трава они скоро иссохнут и яко зелие-злак скоро отпадут. Да взираю на небо и к уготовленным мне благам. Господи, отвори очи мои, еже не видети суеты!

Господи, благодарю Тебя, ибо Ты изменил душу мою изменением благодатным, даровав мне мир и пространство сердечное с правотою духа моего.

29-ое. Утро. Всякую ночь злые демоны поят меня презрением и насмешками. Под видом учителей средних и высших учебных заведений, директора и коллегии преподавателей — они посмеялись над книгами моими, прекрасными, духовного содержания, коим я просил дать место в библиотеке. Ловко. А потом, когда я уходил от них с бесчестьем, один из них, внизу здания самого подшутил, сказав, что он выписал мои слова. И я же поверил и поблагодарил его за честь. Все это было будто бы наяву.

Согрешил — вечером лишний раз попил чаю и поел булочки рыхлой на сахаре. Не надо было. Я — раб чрева и раб многострастной плоти! Доколе ты будешь коснеть в узах тления? Доколе не вознесешься к нетлению, к небу, к вечному, непреходящему? А между тем ты причащаешься почти ежедневно Святых Животворящих Тайн!

2 июля. Положение ризы и честного пояса Пресвятыя Богородицы.

Служил в городе Череповце в подворской Леушинской церкви. На утрени каноны (2) читал с одушевлением; Литургию служил благоговейно. Враг усиливался взять душу пристрастием мирским, но благодатию, призванною тайно, победил. Служил умиленно и со слезами, причастился животворно. Причастников — младенцев множество; мирян не очень много — человек 40. Под конец раздражился и озлобился минутно на неумелость матерей — крестьянок и мещанок — подносить ребят, и на упорство младенцев. Благодать мира оставила меня; вошел огонь адский, овладели мною смущение, скорбь и теснота; немедленно осудил себя, при-

звал безмерную благодать Божию — помиловать меня и заменить во благо сердце мое. Господь принял молитву и помиловал. Благодарю Господа.

8 июля 1906 г. Воскресение.

Совершил Литургию в Леушинском соборе в сослужении с о. архимандритом Игнатием — Клавдий и Николай — и двух диаконов: Александра и Иоанна. Предварительно прочел: каноны Св. Троицы, воскресный, крестный и Богородице, антифоны воскресные и седальные, стихиры на хвалитех, стихиры святым, мученику Иакинфу и канон святителю Филиппу со стихирами на хвалитех.

Обедню совершил благостно и умиленно; искушения злобного врага на утрени и Литургии благодатию Христовою победил; говорил слово о сотнике верующем, просившем Господа исцелить слугу его; говорил о силе веры, о неверах наших русских, об изгнании неверных сынов царства из Церкви; об интеллигенции неверующей, о Толстом и его последователях; о развращении в нравах русских, о неверии и отпадении от Божией Церкви, Богослужении и неверии в Евангелие.

Причащал народ, согрешил лицепрятием, неприязнию и привередливостью ко вновь прибывшим в Леушино женщинам, ничего не делающим, а только рыщущим по миру с не внушающим доверия и неблагообразным видом. Я согрешил и глубоко покаялся в этой вине и молил Господа простить мне эти грехи и заменить добрым, измененным сердцем мое, изменить на любовь, бесстрастие, благодать, нелицеприятие — и Господь совершил во мне чудо воскресения души из мертвых, ибо она была умерщвлена греховным чувст-

вом злобы и лицепрятия. Благодарю Господа Жизнеподавца Всещедрого! /.../

14 июля, четверг. Утром, в 9,5 часов прибыли в С.Петербург в женский Ивановский монастырь и я служил Литургию, ее предварив чтением стихир и канонов из Минеи, в частности, из Октоиха. Причастил всех монахинь. Обновился душою и телом.

За мною гоняются из города в город — какие-то странствующие девушки и худощавые женщины. Они, слышал я, признают меня за Христа; и я не допускал их иной раз до Святой Чаши Тела и Крови Христовой. Надо их испытать. Они ничего не делают и только перекочевывают из места на место: где я, там и они. Господи, вразуми их и спаси!

27 августа, 10 часов вечера. Благодарю Господа, услышавшего скоро так покаянную тайную молитву мою на пароходе в каюте, после огорчения моего на Веру Ивановну Перцову за предложения мне профессора Федорова. Какое чудное претворение совершил Господь внутри меня, в сердце моем, в душе моей, воспаленной гневом! Как переложил огонь страстный в росу прохладную благодатию Своей! О, сколь спасительна наша вера! Какой мощный, всеотверзающий ключ к сердцу Божию, к сокровищнице Его благодати и щедрот всяких! Какая связь человека с Богом! Благодарю Тебя, Господи, Спаситель грешных! Спасай так всех, как меня многогрешного. Ты всегда спасаешь на всяком месте. Сердце у меня самолюбивое, алчное, завистливое, корыстолюбивое, ленивое на молитву и на всякое добро.

/... / Как чудно изменяют к лучшему, обновляя и укрепляя мою душу и тело Св. Тайны – Тело и Кровь Христовы. Удивляюсь благодати и милосердию Божью и премудрости Его, Его всемогуществу и правде, снисхождению и смотрению. Слава Тебе, Господи, слава Тебе!

2 июня, четверг. „Только скажи слово и исцелет слуга мой”. Какая простая и твердая вера сотника! Ее похвалил и Сам Господь. Господи повели и мне сказать Тебе: „Если мало воды в реке Пинеге, то Ты только скажи слово, и она наполнится водою, и мое судно, пароход „Николай” свободно пройдет по ней до родины, Суры и обратно. Аминь”.

Юноша, тебе говорю, встань (Лк. 7, 15). Мертвый, поднявшись, сел и стал говорить, и отдал его Иисус матери его. Какая сила Божия! Одно слово повеления и оцепенение смертное в тот же миг прекращается и возвратившаяся душа снова оживляет умершее тело. Дивны дела Твоя, Господи!

Господи, Ты и меня почти мертвого в моей тяжелой болезни воскресил и снова дал мне жизнь. Благодарю Тебя, Всемилостивого!

В безмерном избытке, пред всеми богачами мира сего, наделила меня милость Божия духовными и вещественными благами: она облекла меня саном священства, обожением непрерывным и властью затворять и отворять небо для людей, и всякими земными благами.

Силу и животворность покаяния, по милости Божией, ощущаю на себе непрерывно. Без числа я одоляю Господу Богу моему прощение бес-

численных грехов моих во все дни моей жизни, вот уже 70 лет, если не считать грехов детских до семилетнего возраста по невменяемости их.

31 мая, 1904 г. Северная Двина, пароход „Св. Николай Чудотворец“.

Господи, бесконечно, безмерно я одолжаю Тебе за каждое дыхание воздухом, Тобою разлитым для нашего существования, и каждым глотком питья и каждой коркой хлеба, каждым древесным и кустарным плодом или другими бесконечными плодами земными, каждую мыслью доброю, чистою, святою, возвышающею от земли к небу, каждым чувством добрым, каждым добрым делом, и за все, за все благодарю Тебя, непотребный раб Твой!

*

В рукописных дневниках о. Иоанна, разбросанных по сохранившимся после него тетрадкам, можно встретить много еще мелких заметок о погоде, поездках, разных лицах и случайных обстоятельствах. Имея в своих руках почти все указанные тетради, мы, к сожалению, далеко не все это переписали из того, что не пошло в печать; но и приведенного довольно, чтобы полностью охарактеризовать великого пастыря. Дух его весьма запечатлелся в оставленных им письменных памятниках.

Если ты начнешь читать, то, по примеру великого светильника Церкви, и сам возымеешь веру ко Господу, полюбишь нравственную чистоту, почувствуешь свежесть, бодрость душевных сил, —

словом, станешь переживать то высокое, святое и божественное, чего искал всю жизнь свою присно-памятный батюшка.

Больше того, если поедешь в Петербург в Иоанновский монастырь к его гробнице, где он продолжает призывать к тому, чем жил — к молитве, покаянию и причащению Св. Животворящих Тайн Христовых, то и сам воодушевишься всем этим, ставшим как бы в реальности лицом к лицу с никогда не умирающим духом о. Иоанна.

Да будет тебе вечная память, великий российский наш пастырь!

+

От издательства:

Св. праведный Иоанн, Кронштадтский чудотворец, был причислен к лику Святых постановлением Собора Епископов Русской Православной Церкви Заграницей от 3 июня 1964 года. Дни торжественного празднования его святой памяти установлены на 19 октября и 20 декабря по нашему православному календарю (по ст. ст.).

Тропарь гл. 4: Во Христе во веки живый, чудотворче, любовью милуяй суция в бедах, услыши чада твоя, верою тя призывающия, скорыя помощи от тебе чающия, Иоанне Кронштадтский, возлюбленный пастырю наш.

Кондак, гл. 4: От младенства Богом избранный, и во отрочестве дар учения чудесно от него приемый, и к пресвитерству в сонном видении преславно призван быв, пастырь дивный Церкви Христовы явился еси, Отче Иоанне, благодати тезоимените, моли Христа Бога всем нам с тобою в Царствии Божием быти.

Епископ Герман (Ряшенцев)

Еп. Герман (Ряшенцев)

ПИСЬМА

к В. Т. и Н. А. В-м

*Предисловие к письмам Владыки Германа
Н. А. В-ой*

Все это богатство души и высота духа, с которой я соприкасалась в эти многие месяцы переписки писем Владыки, были мне в великую духовную поддержку. Были радостью, утоляющей подчас острую боль сердца при прикосновении к мукам этого крестного бесконечного пути, со столь любвеобильной жалостью к немощному восприятию читающего, прикровенно и смягченно раскрываемому. С какой деликатной нежностью приходит /он/ на помощь смятению близкой ему души, с какой любвеобильной снисходительностью к про-

Взято из рукописи „Письма Епископа Германа (Ряшенцева) к В. Т. и Н. А. В-м”. В них многое зашифровано, так как они писались в ссылках. К сожалению, у нас нет в настоящее время возможности прокомментировать их должным образом, расшифровать намеки автора писем. Однако отсутствие таких комментариев несколько не умаляет, на наш взгляд, огромной ценности этого свидетельства о духовной силе ссыльного епископа, дарованной ему Богом на его крестном пути. — С о с т .

явлениям в ней слабости и немощи и с какой отцовской бдительностью и твердым стремлением утешать, помочь и залечить открывшиеся душевные раны. В одном из последних писем запечатлены им такие дорогие строки: „Теснее к Господу, тогда будем все ближе и ближе к другу, и никогда (живы ли мы или умрем) никому не разорвать этого единства”. И вот это существующее единство со всей силой проявляется, когда он, как и прежде, приходит на помощь со всей благой исцеляющей силой, живущей в его живом слове, в этих неоценимых мыслях его, в ощущении близости его души, его такого горячего, отданного Господу сердца, в святом примере великого жизненного подвига.

Ни в чем, никогда ни на иоту не отступал этот святитель Божий от раз избранного пути. В его мягком изложении переживаемого, так часто кроткой шуткой, маскирующей все глубины и ужасы, встречаемые на пути, видится такая непреодолимая твердость духа, такое неутомимое преуспевание в неустанной работе над собой. Нигде, ни в чем себя не жалея, он отдавал Господу и народу без остатка и страха данные ему таланты: святительство, папство и певца, прославляющего Господа.

Переписанные здесь письма охватывают следующие периоды: краткий, до первой ссылки в 23 г. на Север. Краткий „Волоколамский”, начавшийся летом 25 г. и окончившийся 17 ноября того же года, и период второй ссылки в Среднюю Азию, завершившийся весной 28 г. назначением в Вязники. Новый период взятия с августа того же года; путешествие в Соловки и ссылка в Деревянск и Вочь недалеко от Кульмы. Затем Арзамас с марта 33 года до весны 34 г. И последняя ссылка в Сибирь до 37 года, до последнего его исчезновения. — Прим. Н. А. В.

Письмо к Н. А. В-ой

Тобольск, 30 авг./12 сент. 1923

Спасибо Вам за весточку, присланную в Тюмень. В Сибири мы уже с 18. Она нас встретила чудной погодой, какая стоит до сих пор. Вы знаете, как люблю простор полей, лес, воду, и можете судить, какое наслаждение было после полугодичного лишения всего этого и видеть людей, и особенно соприкоснуться с природой и дышать ее возвышающей душу и успокаивающей красотой. После мрачного московского ненастья прекрасная погода Сибири нас порадовала и давала надежды на конец наших невзгод. Но и несмотря на то, что Тюменская губерния является местом нашей ссылки и обычно в Тобольске освобождали ссыльных, однако, я нахожусь все еще, как называется здесь, в исправдоме. Теперь мы изучаем Тобольский. Отношение к нам здешней администрации прекрасное, но так как давно здесь не было политических, то, как это ни странно, часто мы ставимся на одну доску с уголовно осужденными. Как знаете, даже при прежнем режиме всегда режим политических, тем более таких, как мы, высланных административно, без всякого суда, на что имеет право теперь всякий гражданин, был совершенно иной, чем уголовных; но в здешних местах от нас все хотят только отписаться и, самое нелепое, держат нас под стражей в то время и даже в той уже местности,

где мы должны жить только под надзором. Очевидно, или некогда кому надо продумать эту странную несправедливость к нам, или просто бояться, не зная правил, как бы не ошибиться. А это все, помимо всякого нашего желания, создает вокруг нас шумиху и вызывает сочувствие к нам людей, совершенно для нас незнакомых. Особенно много делает в этом отношении сопровождение нас с почетным караулом. Это было в Тюмени, это повторилось и здесь. Всем этим делают нас заметными, а сами потом удивляются, откуда узнали, что есть такой-то и почему в незнакомом совершенно городе о нас заботятся, как о близких родных. Я не могу в этом не видеть и особенного попечения о нас св. Иоанна Тоб/ольского/, иконка которого, не помню, когда и кем мне данная, путешествует всегда со мной вот уже два года. Это довольно знаменательное совпадение. Мы будем жить в селе Самарове, Тобольского уезда, Томской губ/ернии/. Это торговое местечко в 500 верст/ах/ к северу от Тобольска по Иртышу в 500 верст/ах/ южнее Березова. Судя по Тобольску, где вызревают дыни, арбузы и помидоры, там, вероятно, будет не холоднее Вологды. Все одинаково говорят, что Самарово на крутом берегу Иртыша. Красивая, здоровая местность. Кругом хвойный лес и уж, конечно, мы со всевозможной рыбой. Вообще же народ здесь в Сибири, как мне кажется, открытее нашего и отзывчивей. Думаем, что и Самарово не будет для нас мачехой. Конечно, многое будет зависеть от опеки, под какой нам придется жить. Но, как сами знаете, мне нечего скрывать и нечего бояться, так как мои убеждения касаются не политики, а той области совести, которая объявлена советским

законом свободной. Пока так много новых впечатлений, что не чувствую, что мои друзья от меня за тридевять земель. Как будто совсем Вы близко. Но все же жаль, что и при отъезде из Москвы меня преследовал мой рок: я не видел самых дорогих мне лиц. Какая судьба! Не проститься с самыми близкими. Так ушли от меня две моих любимых бабки, так без меня умерла недавно мама и о. А/лексей/М/ечев/. Думаю, что это нужно для того, чтобы больше всего возлюбить ту истину, какой я отдал свою жизнь, и быть мужественным, когда приходится ради нее терпеть невзгоды. А все-таки как бы хотелось Маса* посидеть на диванчике! В Самарово мы ждем парохода, который, говорят, будет не ранее 5-8 сентября. Передайте привет маме**, о. Алексею и нашим. Помолитесь, чтобы Господь был всегда со мной. Да хранит и вас Христос.

Еп/ископ/ Герман

* Этим детским именем, известным его близким людям, владыка Герман называет себя в некоторых письмах. Иногда это делается в целях конспирации, но чаще всего этим именем подчеркивается ироническое отношение к самому себе, к своим человеческим слабостям.

** Мама — Вера Тимофеевна, письма к которой будут помещены далее.

Письмо Н. А. В-ой

28 сентября/11 октября 1923

Уже улетели стаи птиц. Тянутся за ними на юг последние пароходы с вереницей барж. Хотя тепло и осень мало чем отличается от обычной в эти дни погоды в Сергиеве, но всё же все и все готовятся к встрече зимы, которая в октябре обычно вступает во все свои права. Для зимы у меня уже здешние принадлежности: глубокие и довольно изящные туфли, из тонких оленьих шкурок (внутри и снаружи мех), меховые сапоги (кисы), меховая шапка (треух) — все плод неисчерпаемой заботливости и энергии Тани*. Какая милость ко мне Господа, что Он воодушевил ее на этот подвиг и скорби его. Быть может и другой кто решился сопровождать, но здесь нужны не только добрые чувства, но и крепкие руки и нервы. Наша игуменья, надеюсь, еще более закалит нас. Старая, скупая ворчунья, все знающая, авто-благочестивая (в церковь не любит ходить и осуждает, кто ходит), назидает не только Таню, но и меня. Как это полезно для моего слабого терпения и еще более негодного смирения. Я все время утешаю Т/аню/ и говорю,

* Таня — послушница Анеева / ? / монастыря, сопровождала владыку Германа в первой его ссылке; в последующих письмах он часто упоминает ее имя. Таня сопровождала в ссылки и навещала в ссылках и лагерях и других епископов.

что Сам Господь послал нам такого доброго учителя, так как мы могли провести ссылку без пользы душевной, если бы у нас не было этого домашнего контролера и в некотором роде пакостника плоти. То она умиляется, что в ее доме не раз были всенощные и молятся о всечестном доме сем и живущих в нем, то говорит: „что кадилом мы прокоптили весь ее дом”. Она дрожит над каждым чугуном, над каждой своей веревочкой; вчера только сняла занавески с моих окон, боясь, что они как-то от воздуха сторят, и заявила Тане, которая заметила, что без них некрасиво, что она, если бы только не я, убрала бы из комнаты всю мебель... но это не мешает ей давать молока, когда у нас нет его, мирно трудиться вместе с Таней над яствами и пиятиями, какие появляются на нашей трапезе.

А у нас такое уединение, что совершенно не чувствуется большого села (всего 880 человек) и можно без особого рассеяния отдаться духовн/ому/ деланию. Жалею я очень, что в свое время не научился ни рисовать, ни владеть кистью. Некоторые способности к этому у меня есть, и это помогло бы мне в часы досуга. Лепить иконки из теста, что я начал делать в Бутыр/ках/ и не из чего, да и самый материал непрочен. А для художника здесь много сюжетов, и я хоть и каррикатурно, но все же карандашом набросал некоторые из здешних видов. Это время было заполнено дальними прогулками и работой над посохом. К Покрову есть и неважные дик/ирий/ и трик/ирий/, и посох собственной работы, и митра совместной работы Тани и отчасти моей (конечно, идея всецело моя). Все вышло просто и не без некоторого изящества. Но так назыв/аемые/ верующие (уже можете су-

дять по нашей игумении, которая считается здесь столпом веры, и ей действительно нельзя отказать в знании слова Божия и уме) к храму очень холодны, хотя любят заказывать литургии об усопших в дни их Ангела (на которых сами, однако, отсутствуют), часть причащают детей, все же помогают заезжим, довольно просты, хотя и независимы во взаимных отношениях. Они к празднику (Покров) и к служению у них заезжего Арх/иерея/ совершенно равнодушны. Кроме двух мальчиков никто не хочет даже стать в алтарь. Молодежь (подростки) в комсомоле и особенно на женщинах заметно огрубляющее действие безрелигиозности. Они все курят, стригут волосы, на каждом слове чертыхаются и с утра до ночи щелкают, подобно белкам, кедров/ые/ орехи. Но это не мешает им очень хорошо и со вкусом одеваться и вообще они в домах (хотя, как я заметил, это является не столько потребностью гигиены, сколько желанием пустить пыль в глаза) очень чистоплотны, но ни в одном доме нет даже холодных, хотя бы, отдельных от домов уборных. Но все же месяц мы просуществовали. И если у меня почти ни в чем не чувствуется стеснения, то я всем обязан предусмотрительности Т/ани/. Деньги здесь тоже не имеют никакой цены. Главные деньги — масло. Но теперь скоро зима, будут ездить возчики с хлебом в Т/обольск/, и мы через своих друзей будем доставать необходимое. Слава Богу, и здесь уже у нас есть добрые люди, которые выручают и керосином, выручат, когда будет в этом нужда, и другим. Словом, если душа будет утешаться божественным, то все это или приложится, или лишение в этом не будет угнетать душу. Как я рад, что можно

заняться духовным деланием. Лишь бы только не разменяться. Как бы мне хотелось наконец так окрепнуть и истинствовать в любви, чистоте, смиренности. Многое у меня и без того малое значительно порасшаталось. Необходим отдых и для нервов. Маленькое напряжение — и уже чувствуется утомление. Поделитесь этим письмом с Верой. Я радуюсь, что наконец-то она устроилась, как писала мне Зина/ида/ Мих/айловна/, железнодорожным врачом. Помогите ей, Господи. Пора и ей выйти из полосы огорчений, какими Бог хочет душу и деятельность ее сделать христианскими вполне. Сердечный привет маме, Славе*. У святых старцев прошу молитв. Пишите мне заказным о всех новостях, особенно тех, какие дороги и Вам и мне. Привет Ване** и его братикам. В день Преподобного служил.

16.

22 января/4 февраля 1924

Если для Вас, родная моя Наташа, было радостно собирать посылочку, то как благодарить мне Вас за ту светлую радость, какую сегодня я получил, благодаря Вашей любви! Вы из маленьких кусочков составили образ Того, Кто есть Любовь, и маленький кусочек о. Диомида придал этому рукотворному образу ту небесную осиянность, какая

* Слава — брат Н.А.

** Ваня — о. Израиль, игумен Гефсиманского скита. В других письмах владыка Герман называет его то Иваном Израилевым, то Израилем.

всю Вашу посылочку сделала Его благодатной силой.

Для меня весь день сегодня был каким-то особенным. Я знал, что сегодня хоронят одного моего бедного почтальона, оставившего почти без средств жену и троих крошек детей. Благодаря ли нераспорядительности родственников или чему другому, усопший едва ли не остался без службы. Местный батюшка уехал с требой, а другого не предупредили и он поел. Я не ел и решил обычную строгость устава относительно служащего Божию Евхаристию подчинить во Имя Господа любви к душе покойного. Пока ходили за покойником, я успел вычитать правило и служил, предварительно очистив душу исповедью. Боже, как было хорошо на душе! Потом батюшка отпевал, а я, разоблачившись, с одним мальчиком пел. Мы трогательный отпевальный обряд выполнили во всей его волнующей душу красоте и, кажется, местные жители впервые созерцали эту красоту.

Я ждал сегодня посылку и когда пришел к себе, то послал Таню на почту. Она принесла мне только Ваше заказное письмо и сказала, что нет ни одной посылки. Но я несколько не огорчился, т/ак/ к/ак/ одно Ваше письмо, поведавшее мне, с какой любовью несли в Ваш маленький ящичек кусочки своей любви к Господу знаемые мне и не знаемые, вливало отраду в сердце. Немного погодя и, конечно, совершенно неожиданно, как все Божье, приходят с почты и приносят повестку не на одну Вашу, а на несколько посылок. Можете судить об остальном, а так же о том, что сотворилось в моем нехорошем сердце, когда я извлекал этих многоговорящих свидетелей неизреченной Божией мило-

сти ко мне. Я не сразу нашел самое дорогое. Какая ко мне милость Божия! За что меня Господь так балует! За что эти чистые белые свечи, огни которых с лет юных говорят мне о звездах, небе, ангелах, кротких угодниках Божиих и о Том, Кто их зажег и светит ими омраченному лестью „темного” миру. За что мне эти одежды смиренного, чистого, кроткого, когда у меня как раз всего этого нет, хотя обо всем этом постоянно тоскует душа моя? За что эта любовь, умягчающая сердца даже тех, кто знал скорее мои недостатки, чем те глубины моего сердца, ведомые одному Богу, как у всякого человека. Я земно (в буквальном смысле) кланяюсь всем вам, ублажая в Вас силу Того, Кто знает, как во время благоприятное умилить сердца многих людей к одному недостойному, быть может, никакой любви, чтобы наполнить и его душу тем Божиим эхом, которое говорит о будущем, о вечном, куда путь тернист, куда входят только „нудящие”, но где за слезы и терпение всех ждет та неумирающая радость, кусочки которой еще здесь на земле заставляют забывать все мятежное и скорбное. Если люди, которым теперь просто некогда подумать часто о других, являют такую любовь, как явили и являете Вы все к такому нерадивому, как я, то Господь-то, эта бесконечная любовь — не говорит ли через все это, что надо иметь постоянное „покаяние нераскаянное”, чтобы быть достойным Его любви и лучезарного венца исповедничества. Без этого, без кротости и чистоты, без сострадающей любви особенно к тем, кто идет сейчас под тяжким крестом печалей и забот о Невесте Христовой и, быть может, идет неровной поступью, уклоняясь в разные стороны, даже

формальная верность Истине может лишить радости с Господом в Его Царствии... У меня же, как знаете, очень много и очень мало; много дано, но очень мало приумножено. Еще раз прошу Вас, Наташа, поблагодарить за меня дорогого старца и о. Диомида*, от которого постоянно я получал благодать Преподобного, и моего сотоварища по летним каникулам в Бут/ырках/, и о. Потапия*, и Над. Ал. и Нину с Катей и всех, кто помнит и молится о мне. Вместе с Вашей посылкой пришла, как бы дополняющая ее и от Данилова** : ладан, свечи и то, над чем совершается самое страшное Таинство. Это ли мне не радость и призыв мне быть верным Господу не только в зримом и видимом, но и в сокровенных движениях души, где печатлеется наше будущее. Получил я посылочку в совершенном и идеальном порядке. Немного раньше получено мной и Ваше письмо простое, которое не дождалось моего. Мною послано Вам и Ване письмо на Дворян/скую/ 7. Теперь Вы, вероятно, его получили. Я, слава Богу, здоров и погода у нас просто чудесная. Дни без солнца и ночи без звезд и луны можно перечесать по пальцам. День уже увеличился на два часа. К морозам мы привыкли и такие, как в 20⁰ и более переносятся как у нас 5-10⁰. Это правда.

Да хранит Вас Господь. Соболезнования не выражаю. Если для Вас некто просто Мася, то для

* О. Диомид и о. Потапий – монахи Троице-Сергиевой Лавры. После закрытия Лавры перешли в братию Гефсиманского Скита.

** Данилов – преосвященный Феодор (Поздеевский) – настоятель Даниловского монастыря.

нее Вы всегда Наташа. Как хорошо быть детьми Божиими. Мир Вам.

Р. Передайте листочек Верочке и другой маме.

20.

Письмо Н. А. В-ой

23 марта/5 апреля 1924

У угла моей комнаты стоит телеграфный столб, на котором сходятся линии из Б. С. /?/ и Т/обольска/. Как раз против южных окон — почта. Иногда, особенно по ночам, он как будто вслух думает какую-то глубокую, тяжкую и бесконечную думу, вздыхает и стонет, а иногда он так могуче звучит, как отдаленный красный звон бесчисленных родных храмов. И часто, мне кажется, он отражает мою душу с ее тягучими стонущими думами об уходящей с земли и собственного сердца лучезарной красоте Духа и Истины и, гораздо реже, — с ее солнечными радостными переливами тех неизрядных светлых зовов, которым отдано самое лучшее и от которых самое радостное и ликующее. И вся эта средопостная неделя с кротко-грустной песней креста и робкими предзорными хвалами занимающемуся за облажающим нас облаком испытаний и смущений и рыдающими далями „страстей” грядущему нареченному Дню, как-то особенно живо родит в душе отклики на эти вечные светотени. Они, видимо, неминуемы в жизни мира и в жизни отдельного человека, и как блажен

тот, кто в этих слияниях и сгущениях света и тьмы, добра и зла не ошибется в распознавании незримой сути того, что действительно есть добро и жизнь, и что действительно есть зло и смерть. Еще более счастлив тот, кто, узнавши верно, будет верен этому в своих настроениях и жизни, у кого сердце станет светоносным престолом Вечного Слова и Света, а все его помыслы и сверхчувства будут вокруг этого престола, как многоокие херувимы и пламенные серафимы, послушные каждому велению Того, Кто есть Тайна и разгадка всех веков. Какое счастье и какая бесконечная и неизживаемая радость быть хоть отчасти участником тех язв, какими все исцелены, и хоть маленькой частицей той могучей вечной Силы, указавшей всей твари вечно древний и вечно новый путь к Воскресению через самоотречение и любовь. Многие агонию искания утеряннго рая, что обычно проявляется в жадном искании истины и все новых и новых форм жизни, вне пути Христа и Воскресения считают подлинным содержанием жизни, и мучительную влюбленность в тварь и желание познать и сделать орудием своих наслаждений и самовлюбленности — подлинным пульсом жизни. Но язычество и неоязычество достаточно ясно показало и показывает, что в этом еще более тяжкое бремя, чем в иге благом, и что это более тяжкий крест, чем святой Крест Христов. И все же, зная это, как мало живешь этим знанием, как мало верен той субботе, которая завершает все буднее и страдное, пресуществляя все в ликующую празднственность Воскресения. Но у Того, Кто является Господином этого дня, есть сила, побеждающая весь мир, и эта сила свое могущество являет в слабых. В этом

нахожу утешение и удобрение и полную уверенность, что в грядущем Дне Воскресения все мы Царствия Христова приобщимся, веселясь божественно.

Завтра от нас, кажется, последняя почта. До июня по нов/ому/ стилю, вероятно, будем отрезаны от мира. Приветствую вас посему заранее с грядущей радостью Светлого Дня. Да хранит Вас Господь. Передайте мое сердечное лобзание старцу, Ване, Кроне, Потапию, Диомиду, Кроткому* и Н. А., Вифанским, Гефсиманским и всем знаемым. Посланное заказное с акварелью, вероятно, уже получили? Вере и Ильинским тоже сердечный привет.

Христос с Вами!

28.

День муч/еников/ Адриана и Наталии,
26 авг./ 8 сент. 24 г.

Родная и дорогая Наташенька! С особой теплотой и любовью сердечно приветствую Вас в Ваш нарочитый день. Как-то особенно легко и радостно было сегодня молиться перед Престолом Солнца Правды о Вас и душе Вашей, отражающей ярко светлые блики света мира. Когда сегодня воспели хвалу мученикам, где так ярко подчеркивается, если можно так выразиться, особая религиозная активность и проникновенность в смысле воздействия на Адриана мученицы Наталии, я невольно

* Епископ Никодим (Кротков); Кроня — архимандрит Кронид — бывший настоятель Троице-Сергиевой Лавры.

думал о Вас. Как Вы знаете, я полагаю, что каждый из нас не зря носит имя определенного святого. Бог поручает нашу душу именно тому святому, который имел, развил и силой Господа усовершенствовал именно те же самые добродетели и христианские навыки, какие в своем зародыше даны и нашей душе, и я как-то особенно ярко почувствовал, что через Вас муч/еница/ Наталия продолжает на земле свою работу и распространяет свое влияние на большее, чем один Адриан, число мужчин, нужных Господу. Вы, конечно, знаете, что многие из нас встречают на своем пути многочисленные женские влияния, но очень немногие, как я в Вас, встречают в их лице глубокое освежающее и очищающее небесное, в духе муч/еницы/ Наталии, воздействие. Такая святая и светлая дружба, совсем юная даже среди уже не юных, лишней раз говорит только о правде великих слов, что есть только одна победа, побеждающая мир с его похотью, гордостью, чувственностью — вера наша, и начальник и совершитель ее — наш учитель и Господь.

На дворе сейчас снежная метель. Снег побелил и крыши, и деревья, и землю. Тем радостней и теплей на душе, когда сейчас мысленно приходишь к Вам и дышишь той атмосферой, какую вообще редко приходится мне наблюдать и среди других и даже в самом себе. Я вспоминаю сегодня и других моих знакомых, носящих имя Наталии и Адриана. В одном посаде, кроме Вас, — еще три. Есть у меня и большой мой почитатель и ходатай, когда я в 22-м и 23-м годах был болен, Адриан Вифанский, крестьянин. Словом, сегодняшней день — день дорогих именинников, и особенно светлый, потому что имянинница Наташа. Сегодня или завтра

из Т/обольска/ ждем парохода с почтой. В конце недели будет вероятно на Т/обольск/. Возможно, что идущий сейчас из Томска на Тобольск пароход еще раз сходит (кроме этого), и мы, таким образом, будем иметь почту в конце сентября. В октябре несомненно будет перерыв. Почему-то думаю, что в октябре же станет зима. Мы здоровы и благополучны. Второй месяц ничего не имею из Пскова. Беспokoюсь.

Иконочку передайте Верочке.

39.

17/30 мая 25 г.

Родная моя Наташа! На письмо Ваше, писанное на Крестопоклонной, только теперь имею возможность ответить, хотя и не знаю, когда этот ответ дойдет и попадет к Вам. Ваше письмо, полное грустных самобичеваний, говорит только и больше всего не о том, что что-то сбilo Вашу духовную энергию, а о том, что Вы физически очень переутомились. Мы же с Вами не достигли того духовного состояния, когда чисто духовное, вернее, благодатная энергия преобладает не только немощ нашей плоти и тела, но окрыляет связанный с этим бременем наш тоже не всесильный и без Бога бескрылый дух. До поры естественными, от природы и родителей нам данными физическими/ и духовными запасами, Дух Божий и Господь действует через эту нашу физическую свежесть и энергичную душевность. И сама жизнь в эту пору открывает нам еще не все лицо свое; потому в нас так

много бодрости и еще чаще хорошего идеалистического и всякого другого задора. Но эта полоса рано или поздно кончается, наступает для всякого своя Гефсимания с ее борениями и изнеможениями до кровавого пота, а потом и Голгофа. То и другое мучительно и страдно, и всегда чаще страдно именно тем, что дух наш должен отрешиться от своей праведности (как бы чиста и идеальна нам ни казалась она) и примириться с праведной волей Божией, для нашей душевности весьма стеснительной и трудной. Вы пишете, что к 1 мая должно быть „то-то” и от этого стонет Ваше сердце и Вы говорите: „Это воля Божия, в ней ничего не может быть мучительного”, а все же Вы мучаетесь. Вспомните кровавый пот Гефсимании, вспомните эти постоянные слова нашего Учителя, что идти за Ним можно только „взявши крест”, и все это должно сказать Вам, что переход нашего духа в волю Божию всегда мучителен, как и всякий вообще переход от более простой формы в более совершенную и высшую, как всякое физическое и, тем более, духовное рождение. Мы имеем здесь на земле только начало этого всецелого перерождения нашей воли в Волю Божию, нашего разума (даже верующего) в Разум Божественный, нашей маленькой и несовершенной любви в Совершенную и всеохватывающую Любовь Трипостасную. Когда человек уже более полно, положительно (т. е. любя это, считая за единую правду жизни) становится на сторону этой вечной Правды или совершенно отталкивается от нее, то он уже больше не живет и обязательно умирает. Он прошел все, что может дать эта жизнь и созрел для будущего. Смысл личной Гефсимании — внутренне страдая и трепеща,

терпеливо выполнять нам заповеданное, не нервюя себя тем: почему это так, а не иначе, потому что одинаково иногда к Богу приводят как сильные сотрясения от живого восприятия добра, так и страшные падения. Иуда все время был со Христом и Его предал; разбойник все время был без Христа и в Него уверовал. Если бы ни в жизни Господа, ни в истории нашей веры не было ясных указаний на эти смены светлого и темного, конечного торжества светлого, то тогда, конечно, было бы страшно, но мы должны обвеселять свое сердце словами апостола Павла, сказанными про иудеев и язычников, быть может, приложимых и к теперь живущим: „ибо всех заключил Бог в непослушание, чтобы всех помиловать” (Рим. 11, 32). Мы к тому же не знаем, как близки или далеки от нас скорбь /пропуск/ „которой никогда не было и /проп./ если бы ради них Господь /проп./ время, когда нужны слишком большие потрясения, чтобы не только разбудить мысль человека, но чтобы вернуть человека к средоточию всего истинно человеческого — к его сердцу. Понятна отсюда Ваша физическая и душевная усталость. Будем нести покорно Крест Его, ожидая, если не здесь, то там от Господа отдыха и полного откровения глубочайшего смысла всего, что нас теперь так больно ранит и бьет. Из писем к В/ере?/ и Р/остиславу?/ прочтете, как живем. Мы здоровы и бодры духом и светлые дни праздников провели в тесном весьма духовном и всяческом довольстве, что я даже начинаю бояться, что новые полосы ненастья будут опять тяжки или, еще хуже, что все это приуменьшит радость будущего. Слава Богу за все и особенно за юрты. У нас разлив рек в полном разгаре,

но тепла устойчивого все нет. Только около Вознесения пошла Обь. Когда я буду иметь здесь связь с миром внешним — еще не знаю. Мой сердечный привет В/ере Т/имофеевне/, старцу, Ване и иным знаемым. Помолитесь, чтобы воля Божия явила ко благу для нас в день Собора св. Апостолов. Т/аня/ здорова и обеих вас целует. Молитвенно приветствую Вас с праздником. Мир Вам.

Командировка Маса* кончается 13 июля, по церков/ному/ стилю. Петров день — последний день, а Собор 12 Апостолов — первый, но чего только?

40.

9/22 июня 25 г./?/

Ваше пасхальное письмо, дорогая Вера Тимофеевна, получено мною к Троице. Все его, сначала до конца, принимаю, как пасхальное красное яичко, „благодарю, приемлю, и ни мало вопреки глаголю”. Так как я сентиментален, то меня трогает и то, что на правах единственного корреспондента я имею возможность, выражаясь языком Наташи, к кружевам души своей подшить нечто, быть может не такое тонкое, но зато более прочное и необходимое для настоящей жизни. Я совершенно согласен с Вами, что очень много совершенно ненужных терзаний и малоспасительных страданий наших и, в частности, моих, проистекают от того, что мы все

* Речь идет о конце ссылки.

не можем забыть этого: „о, лес, о, жизнь, о солнца свет, о счастье, слезы” и т. д. и плачем над щепками от леса вместо того, чтобы заставить мысль работать над тем, как и из них строить все то, на что прежде шли целые деревья. Совершенно справедливо и то, что теперь не благоуханье роз, а крепкий аромат помойки и такие чудные произрастания как крапива, репейник, не тронь меня... и раз это так, то, конечно, вместо того, чтобы ныть и тосковать о том, „как хороши, как свежи были розы”, надо лучше подумать, как парализовать „воню” помойки и во что надо одеться, если приходится в жизни идти не по роскошному лугу с душистой и сочной травой, а сквозь цепкие кусты репейника и не менее жгучие — крапивы. Конечно, логика христиан/ской/ правды и должна каждому из нас говорить: стало меньше храмов — сам будь, и ты должен быть Храмом Бога; стал неудобен вход ко многим святыням — сам стань этой святыней и живой иконой; не стало много внешнего — много влияющего на внешних и младенцев еще в вере — дай им то, что несравненно выше этого и одинаково понятно и близко и мудрому, и младенцу; дай им теплоту искренней и нерассеянной молитвы и высшее изящество веры: простоту и глубину благоговения и смирения. Конечно только наша духовная косность мешает нам видеть в настоящем призыв к „самоуглублению, самопознанию, самообузданию”. Выражаясь языком одной великопостной молитвы, теперь именно „время делания явится”, и часто жалко бывает не себя (у меня, кажется, не так уж много этого саможаления), как жалко то, что данное время как-то больше употребляется на душевное и телесное, чем на

духовное. Потому-то так и люблю я Вас и глубоко ценю Вашу духовную дружбу, что знаю, как необходимо в жизни иметь корректора всяких своих настроений, направлений и дел, а Вы все время несете эту необходимую, часто скучную и неблагодарную, работу. Она тем для меня ценнее, что я почему-то не имею такой дружбы, кроме конечно, Феда* и Вити**, с такими, какие могли бы меня так часто и безболезненно муштровать и не обинуясь говорить не убаюкивающее, а будящее. Вы тем более отправляетесь в своей корректурной работе не только от своего „произволения и разума“, а от таких высоких авторитетов веры и благочестия, с какими Богу было угодно Вас близко свести. Поэтому мне не только хотелось бы Вас увидеть, но и подольше побыть под бодрящим дыханием Вашего /пропуск/. Нежных и мягких у меня достаточно, но они никогда не говорят почти мне, что недопустимо во мне, или говорят очень деликатно о легком насморке, когда налицо инфлюэнция со всеми возможными в ней осложнениями. Конечно, Вы поверите мне, что и не хочется не только услаждаться тем баловством, каким меня окружила неисправимая ничем Марфа-Таня, — этим каким-то сплошным дачным житием, но хотелось бы, если не кровью, то потом и слезами способствовать вместе с избранными чистке накопившейся гнили и нечисти. Только потому иногда и тоскую по своему делу, и чтоб вернуться к нему

* Пресвященный Феодор (Поздеевский).

** Брат вл. Германа, в миру Виктор Степанович Ряшенцев, архиепископ Варлаам (Ряшенцев).

сделал некоторое необходимое (с человеческой точки зрения) напоминание о том, что в июле я хотел бы получить отпуск, но я ясно сознаю, что даже дачное сидение в Чучелях полезно для моих детей, и что куда будет тяжелее подобно другим (а это неминуемо) менять Чучели на Солов/ки/, от которых так недалеко некогда был Слава, где еще меньше будет возможностей назидать не только других, но и самого себя. Мне кажется, я уже вышел из того возраста, когда тосковал, попавши из Пскова в Вифанию, и теперешнее мое уединение и особенно радость св. Трапезы, сейчас украшенной распутившимися уже у меня в домике березками (лес еще голый), так полно заполнило душу, что я начинаю думать, что я был бы теперь способен жить даже там, куда только теперь поехала жить Кроня и где уже с прошлого года о. Михей*. Относительно Деда** я с Вами согласен был и ранее, и в этом мы расходились с Федей***. Его смерть и проявленное к нему чувство глубочайшей и сердечной любви только, быть может, нашим мудрым лжебратиям, думающим, что без Бога можно делать Божье дело, она ничего не скажет. Смерть, когда св. песнь радостно взывает: „Днесь спасения нашего главизна“... это паломничество к новооткрытым мощам угодника Б/ожьего/, самые похороны, более похожие на перенесение мощей — все это такое радостное и утешительное знамение Божие,

* Монах Троице-Сергиевой Лавры.

** Так в целях конспирации называет владыка Герман Святейшего Патриарха Тихона.

*** Преосвященный Феодор (Поздеевский).

что в моем сердце нет ни тени смущения и уныния около этой смерти. Видно, сделано все, что было надо, а теперь это дело лучше продолжать другому или другим. Сам же я одного только желаю, чтобы действительно быть тем, чем должен, а все теперешнее считаю такой милостью Божией, что все более и более боюсь, уж не знак ли это того, что Господь не там, а только здесь даст мне утешение за мои добрые намерения, а там ждет меня только грозное отчуждение за то, что очень много дано мне, а очень мало на это многое накоплено спасительных процентов.

Мы, слава Богу, здоровы и бодры духом. Стало теплее. Да хранит Вас Бог. Помолитесь за нас.

58.

22 ноября/5 декабря 26 г.

Завтра, дорогая Вера Тимофеевна, любимый Ваш праздник. Наделенная обильно от Господа пылкостью сердца и решительностью характера, Вы любите все тихое, кроткое и незлобивое. Неизвестно еще, для чего требуется большее напряжение воли, для того ли, что на человеческом языке обычно называется деятельностью, или же для этих, пассивных по видимости добродетелей, какими так ярко сиял Воронежский святитель*. После разлуки с Вами я, кажется, еще не видел ни одного слова, написанного Вашей рукой. Конеч-

* 23 ноября/6 дек. день святителя Митрофана, первого епископа Воронежского.

но, и требовать это едва ли возможно, зная что Вы несете сейчас тяжкий подвиг — подвиг послушания жить, когда это стало уже и физически и духовно трудно и на Ваш взгляд даже и бесполезно. Но все же хотелось бы иногда услышать Вашу душу хоть и сквозь письма. Пока еще рука Ваша может владеть пером, не отказывайте в этом ни себе, ни, тем более, Вашим друзьям. Я уже не раз писал о своем житье. Страдает только душа оттого, что нет уверенности, что не только всякие заказные, авиа и прочие письма, но даже (подозреваю) и телеграммы мои не доходят по назначению. На этот раз какая-то стена встала между мной и моими далекими друзьями. Насколько я чувствовал /себя/ в их кругу в прошлый раз, настолько я чувствую, что или ухожу от них, черствую, холодею, хирею духовно, потому что не иду вперед, или Господь дает мне возможность полнее испытать скорби, каких я не знал, и смириться в своих немощах. Когда в первый месяц нашей жизни здесь не находилось отклика на место, ни даже из Москвы, куда я слал письма и телеграммы о своем критическом положении, то я почувствовал какую-то глубокую не то отверженность, не то отчужденность и от близких и от Того, Кто ближе всех. Были не мысли, а какие-то пустые, жалкие обрывки ничтожных и бесконечных дум, были не молитвы, а какие-то жалкие и ничтожные осколки когда-то горячих и светлых горений духовных. Не было ни спокойного мужества терпения, ни крепкого упования на то, что какие бы препятствия ни чинились к тому, чтобы хоть немного стать самим собой, но во время благоприятно Господь услышит и поможет. Во всем решительно, и в житей-

ском, хоть и внешнем, но насущном, и, тем более, в сокровенных тайниках духа, во всем чувствовался такой огромный минус, что и без всякой гордости можно было бы прийти в уныние. Потом после Скорбящей стал для всех намечаться некоторый перелом. Нашлась для меня комната. Правда, содрали и за ремонт, невозможны были и условия (сразу за 4 месяца), но когда к 6-му более или менее я уже устроился и у нас, именно у меня, стала для всех Сионская горница, то, конечно, половина скорбей отошла далеко прочь. Я говорю половина, потому что никак еще не могу соединить житейское и духовное. Фактически на заботы о питании, уборке комнаты, о дровах, воде, стирке и др/угих/ мелочах не столько уходит времени, сколько как-то протестует что-то внутри. Я утешаюсь несколько тем, что даже Златоуст в письмах из ссылки писал о физических тяготах; сам же я только вижу, что изнуряют не эти труды сами по себе, сколько сознание, что уходит время и уходит так прозаически бесполезно. Но зато блаженствую, когда не приходится возиться с посудой, когда приготовленного хватает и на два и на три дня, и есть возможность побыть в сравнительной чистоте. Только один раз брал карандаш в руки. Слава Богу, что, хоть и на самом бойком месте живу, но в комнате у меня уединенно и уж так тепло и хорошо, когда зажгу огоньки и пятеро нас: два деспота, прот/иерей/ и две сестры собираемся во имя Его. Какой бы ужас был, если бы не было этой радости.

Если Богу угодно будет, это письмо, быть может, дойдет до Вас к Праздникам. С любовью приветствую вас обеих. Передайте мой молитвенный привет

и всем старцам ближайшим и пустынным. Пусть они вздохнут о тех, кто, быть может, несет бремя некоторых невзгод не только за свои немощи, а если у них есть лишние огоньки, то не откажемся получить их, чтобы теплее была и их и наша молитвы. Передайте привет всем, кто являлся единомышленным нашим собеседником у Вас. Да хранит всех Вас Господь и Пречистая.

Казахстан, гор. Ходжейли, Каракалпакской авт. области.

73.

День св. Лонгина сотника
16/29 октября 28 г.

Не посетуйте, родная моя Наташа, что я запоздал своим ответом на Ваше письмо о надорванности, отчужденности и эгоизме. В своем письме Вы обещали „на днях продолжить” его и я ждал. Но вот уже пришло письмо от Лели; продолжения нет, а быть может, Вы отдумали писать о чем-то для Вас важном и деликатном... Мне не хотелось бы в своем письме следовать пословице „чужую беду руками разведу”, но отведу, что чувствую. Не скрою от Вас, что когда я узнал некоторые подробности, в результате коих Вы теперь не в Сергиеве то первое, что у меня вырвалось: „зачем она это сделала!?” Та мука, какую Вы мне описали, то страдание, какое парализовало ясность души Вашей отчаянием, отчасти объясняет Ваш шаг. В нем была и горячая любовь к матери, и самозабвение, и самопожертвование, но, как мне казалось тогда,

не было рассуждения. Если бы нужно было, то вместе с другими и мамой Вы были бы позваны. Вас не позвали. Вы пришли сами. Вы взяли крест, какой, быть может, и не был для Вас предназначен, и потому вместо радости исполненного долга перед Богом и близкой, духовной энергии и бодрости, Вы не можете выйти из состояния пришибленности, духовн/ой/ апатии и желания забыться. Со стороны кажется, что Вы растратили все богатые запасы любви к матери на том пути, где фактически Вы не оказали ей решительно никакой пользы, какую хотели оказать своим поступком отчаяния, и когда от Вас потребовалась и для нее и для себя и материал/ьная/ база и помощь, у Вас нет ни того, ни другого. На почве переутомления теми страшными потрясениями, какие могли и не быть, если бы во время Вас удержал кто-либо и Вы сами не набросились на подвиг, так духовно и физически Вас изнуривший, Вы болезненно почувствовали некоторые слабости Лели, они выросли в целые мрачные круги, как будто всегда загораживающие Вам свет личного счастья, а теперь буквально Вас терзающие своей холодной безжалостностью, и Вам нет никакой охоты опять подниматься на них. Вот Вам Господь дает случай как духовно сильной испытать на себе самой и понять мудрое правило Церкви: никогда не напрашиваться на мученичество, к какому тебя не зовут. Почему? Да потому, что даже и для духовного роста необходимо в свое время, а не преждевременно переходить от добродетели к добродетели, и само по себе прекрасное дело, не во время и без благословения начатое, может принести не пользу, а вред душе. Сейчас Вам не только мама, но, быть может,

многое другое может показаться не тем, что оно есть. И эгоизм, ее постоянное стремление стать поперек всем Вашим начинаниям, это просто естественное „но” старости и опытности, и было бы чудовищно думать, что здесь только мысль о себе и о своем благополучии, хотя бы даже ценой счастья родной, единственной и нежно-любимой дочери. В Вашем теперешнем состоянии Вам может показаться, что Вы сгубили свою жизнь, что Вы не взяли от жизни счастья, какое обычно берут от нее все женщины, что Вы прожили каким-то бесполом существом и все из-за эгоизма матери, из-за ее каприза и т. д. Лукавый часто пользуется подобным состоянием духовн/ой/ усталости, чтобы развернуть перед нами эфемерную картину жизни в иной плоскости и с иными, манящими наслаждениями и тихим уютom радости. Я думаю, он много постарался вообще во всей этой тяжелой истории, чтобы измотать Вас в борьбе с подсованными им препятствиями и сложными переживаниями, чтобы легче Вас склонить к жизни, какая никогда бы не дала Вам тех чувств и настроений, какие Вы пережили, идя путем бесплотных и подавляя в себе женщину. Вы бы никогда не простили себе измены тому, что делало таким дорогим для Вас и Преподобного, и Скит*, и многое другое из этой здешней и вечной области... Та отчужденность от Лели, о какой Вы пишете, это просто усталость и некоторое и здоровое раздражение на нее за то, что якобы за нее пришлось так много пережить, а она, не пони-

* Преподобный Сергей Радонежский. Скит — имеется в виду Вифанский скит в Троице-Сергиевой Лавре.

мая этого, только и ждет нового подвига и новых самопожертвований. Вы в своем настоящем положении в некотором роде напоминаете человека, какой над книгой проплакал все запасы лучших своих сил и настроений, и когда реальная жизнь и реальное горе постучалось к его сердцу, там не оказалось того, что было растрчено бесполезно. Я отнюдь, моя родная Наташенька, не хочу обвинить Вас; я просто анализирую. Но как Вы, так и я принуждены все это проделать чернилами, а они не всегда правильно отображают то, что при личном разговоре сразу без слов понимается. Я ни на минуту не сомневаюсь, что все тяжелое в теперешнем Вашем положении пройдет и скоро все опять станет для Вас ясно, а Вы сами — бодрой и неутомимой в добре, как и прежде. Да хранит Вас Христос.

78.

Открытка к Н. А. В-ой

4 сентября 31 г.

Быть может это письмо найдет Вас и успеет принести Вам мой сердечный привет ко дню 26/VIII. Я уже писал Вам из здешних краев, где я на том же положении, что в Сибири и на юге. Не знаю нашла ли Вас моя открытка? Жива ли В/ера/ Т/имофеевна/? Где она и как ее здоровье? Я, как знаете, побывал там, где жил Ларчик*. Там два с поло-

* Ларчик — епископ Илларион (Бельский). Речь идет о Соловецком лагере.

виной месяца болел тифом, как и отец Максимилиан, которого я там обрел и постаревшим, но духовно окрепшим и усовершенствовавшимся. Для братьев он был там тем же, чем в свое время Ипполит, и общение с ним много успокаивало и мои тоже немного развинтившиеся после болезни и других прелестей нервы. Я тоже постарел и поседел. Пожалуй, Вы не сразу узнали бы меня, особенно тогда, когда я ходил не в своей обычной одежде и в достаточной степени омоложенный. Но бодрость духа мне почти не изменяла и старость не коснулась свежести тех глубоких чувств, какие связали меня с моим маленьким уголком у Троицы и его обитателями.

С июля я живу в В/еликом/ Устюге, 2-ая Пролетарская, д. 6. Можно писать на Колю, брата В/иктора/ С/тепановича/ Ряшен/цева/*. Я буду несказанно рад, если Вы черкнете мне о себе и о маме или, по крайней мере, сообщите ее адрес. В здешних краях Коле пришлось повидать и пережить много тяжелого, но теперь он живет более или менее мирно. Витя недавно поехал ему на смену к Зосиме**. Привет маме. Господь с Вами.

* Виктор Степанович Ряшенцев — архиепископ Варлаам — брат владыки Германа. Николай — его мирское имя.

** В Соловецкий лагерь. Витя — архиепископ Варлаам.

Письмо к Н. А. В-ой

8 /21/ марта 32 г.

Вчера, уставши уже терпеливо ждать весточки от Вас (к празднику и после него не было) на утрен/нем/ правиле я по-детски, т/о е/сть/ так, как надо, попросил Его, чтобы Он Сам дал мне хоть какое-нибудь известие от Вас. Через два часа среди других писем, наконец-то, было и Ваше заказное письмо. Хоть оно и не особенно радостное по содержанию (неск. слов пропущ.), тем более, что это Он дал мне его. Я все время чувствовал, что Вам тяжело и строил разные догадки вплоть до изъятия Вас из среды и о смертельной болезни мамы. Слава Богу, что этого нет, но Вам все же очень нелегко. Видно, моя родная, Вы очень и духовно и физически устаете или переутомились от всего, что пришлось Вам пережить и переживать. Одной из моих любимых дочек, которая после Тани более всего заботится о ней и о ее папе, я недавно писал нечто, что кратко повторю Вам. Она очень занята; переехала с чужим добром, ей порученным, на другую квартиру и ей в наследство досталась полуживая, слепая столетняя старуха, совершенно беспомощная и беспризорная. Как ни устает она после службы, но с сердечным участием ухаживает за бабушкой. Я был чрезвычайно расстроган этой заботливостью и благодарил Еленушку за ее сострадание и за то, что она последние дни

этой совсем ей чужой старушки согревает Его любовь. Она явится, писал я ей, к нашему общему Отцу поклонится Ему низко и проникновенно возблагодарит Его за все Его милости и скажет Ему: благодарю, Тебя, Господи, что последние дни моей жизни на земле Ты согрел сердце лаской рабы Твоей. Есть еще, Господи, на земле светлые души, какие среди греха и суеты хранят веру и любовь к Тебе и с нею приходят к призывающим Тебя, отгоняя от нас ужас смерти и смрад наших собственных страстей и немощей.

Вы знаете, мой верный и чуткий друг, как в Сергиеве умирал В. В. Розанов и кто успокоил его мятущуюся душу и отогнал от него целое полчище нечистых духов и чем отогнал. Душа умирающего Вашего старца не может быть Вам чужой уж по одному тому, что он тянется к тому, что свято для Вас, и часть этой души есть и в душе Вашего мужа. Пусть раздражается, это естественно для больной и беспомощной старости и в этом Вы можете не ошибаться, и что же, как не молитва и любовь к его душе, переживающей такое борение, может в самый последний момент вернуть ему не только сознание, но и раскаяние в своей долголетней неправоте. Ведь и его душа вошла в мир запечатленной Его небесным Образом, и раз Господь Вас поставил около его смертного одра, то Вы должны напрячь всю силу сострадания, чтобы Бога приблизить к его душе и отогнать злые силы. И, конечно, не только его душе станет легче, но и Вам самой. Помогите Вам, Господь! Хотя Вы и делаете оговорку, что не себя понимаете, когда говорите об ужасе одиночества и величайшем испытании не иметь близких по духу, но мне почему-то показана

лось, что, быть может, и Вам самой немного холодно, и не только тогда, когда на дворе морозы лютые. Что-то горькое и безотрадное слышится в этих фразах: „поверженная долу, в прахе своей немощи, с сознанием своей слабости...”. У Вас еще в Сергиеве началась реакция на напряженную волну самоотречения — жизнь для других, отказ от всего, что особенно близко природе всякой женщины — и возможно, что эта обратная волна то, что в духовной жизни, как отлив на море, смиряет прилив — радость отдания себя другим, необычайную легкость подвига, так мучительно и обнажает Вас от всего, чем Вы богаты. Конечно, никогда не надо с этим мириться, но и не надо приходить от этого в уныние. Конечно, холод мертвого долга не то, что живая теплота милосердной любви, раздражительность — далеко не то, что терпение и т. д., но эти смены весны и лета духовной жизни ненастной осенью и хмурой зимой упадка духовной энергии, некоторого как бы утучнения плоти при видимом исчезновении „жирка” — все это неминуемо, и эту полосу не раз приходится, видно, всем пережить. Говоря словами Апокалипсиса: „Здесь вера и терпение святых”. Вот что здесь необходимо. Где Ты был, Господи, — некогда горестно воззвал В/еликий/ Антоний, когда после долгой и мучительной борьбы он претерпел и справился с изнурительным недугом искушения. Вы знаете, что ответил ему Бог, — что Он все время был около Антония и смотрел на его подвиг. Несомненно, и теперь близ Вас Господь, и, быть может, гораздо ближе около „поверженной” и немного как будто уставшей, чем около гордой Его силой. Уж если вы верите в Масю, то я никогда не сомневался в любви к

Вам Господа и в том, что Вы были, есть и будете Его святым Храмом. Говорю так не потому только, что Вы меня любите, а потому, что всякий раз, когда мы были с Вами вместе и когда Вы теперь приходите ко мне в неполном и несовершенном воплощении своем — в письмах — всегда я чувствую то тихое веяние мира, чистоты и нежности /благости/, что всегда и неразлучно бывает с Его Духом. Ну, а теперь давайте о пустяках. У Маси все благополучно. Когда здешняя отвратительная почва обижает ее, а ей хочется полакомиться или рыбкой (какой здесь не ловят), или молочком (какого не найти ни за что), или сладеньким, то или арх. Стефан, как это было на Р/ождество/ Хр/ис-тово/, или Татьяна муч/еница/, или добрый Харламий по воле Всевозящего приходят и дают ему все это. Я нахожу, что так баловать положительно не надо. Только разве надо подкрепить и душу и тело перед новым каким подвигом, тогда это еще можно допустить, но все же факт отстается фактом, и Мася этим страшно утешается. Три месяца прошло уже сверх нормы, но это не печалит, а радуется Масю, т/ак/ к/ак/ жить на далеком севере в настоящий момент, пожалуй, лучше, чем где-либо. Мася стала успокаиваться и я тому искренно рад. Что касается меня, то у меня тоже радость — вернулся мой сожитель, который был в гостях целых два месяца, и привез обратно мой крест с благоуханными частицами, который по великой, но, очевидно, не очень разумной ревности был у меня взят при одном визите. Я страшно ранен был этим обстоятельством тогда /перед Р. Хр./, было такое чувство, как будто ушли от меня угодники. Поэтому поймите мою радость, когда они

снова ко мне вернулись. От скуки стал пробовать рисовать портреты с натуры. Жалею, что есть только б аквар/ельных/ красок и нет масл/яных/, какими я стал рисовать в кустпроме, и представьте, как будто что-то получается порядочное. Но только все у меня по вдохновению: то ли потому, что я человек минуты и мгновенных вспышек, то ли это от моей горячки, но только у меня выходит все хорошо, когда быстро и хорошо. Гуляю. Стоят чудные дни с небольшими морозами. На улице часто встречают меня мои маленькие приятели. Это всегда меня очень освежает. Таня здорова, шьет в Кеми. Варля* на ст/анции/ Медв/ежья/ Гора около Петрозаводска. А где Иван Израил/ев/ и почему Вы о нем никогда не упоминаете? Потапий здоров. Ну, достаточно ли о пустяках? Пора спать. Скоро полночь. Все спят. Сердечный привет маме и В. Да хранит Вас Господь.

87.

Письмо к Н. А. В-ой

11/24 мая 1932 г.

Сегодня получил Ваше письмо, предваряющее будущее вдохновенное. Не знаю, получили ли Вы от Масы открыточку, где она писала Вам, что по свойственной ей неусидчивости и любознательности, она захотела заглянуть в еще более глухой уголок Зырянск/ого/ края, где и живет пока,

* Архиепископ Варлаам (Ряшенцев) – брат еп. Германа.

скоро уже два месяца. В конце Масляной она отправилась в свой район, там погостила с недельку и занималась тем, чем старец Дамаскина, которому поручил его Авва монастыря, захотел смирить придворного поэта, а потом вдохновенного творца канонов. В день памяти кн/язя/ Даниила, т. е. в день Герасима-грачевника проделали с пройденным до района 100 км по глубокому, часто по колено, снегу и в сильную метель, переходящую в буран, и 21 марта по н/овому ст/илю, дошли в с/ело Вочь. В адресе переменялось т/аким/ о/бразом/ только название. Сначала на новом месте было туговато, почти все продукты и вещи остались на прежнем месте, где и по сию пору. Квартиру отвели на очень бойком месте, куда днем и даже ночью заходили, чтобы поглазеть на невиданную доселе здесь гостью. Пришлось жить в обществе молодой, неряшливой и очень резкой хозяйки, и вообще во всех отношениях было неудобно. Вообще здесь живут грязновато, и народ грубоватый. Потом Господь послал более лучшую комнатку у одной бабушки, какая с „похвалы” уступила у себя же совершенно отдельное помещение, где уже никто не мешал заниматься тем, чем хочешь и любишь. Сион здесь был закрытый. Совершенно неожиданно, как будто в ответ на чьи-то незримые, но горячие мольбы (странников и пришельцев здесь, кроме 50 кабардинцев, до 100 чел/овек/), без предварительных даже просьб официальных лиц, прежде ведавших Сионом, позвали старичка-монаха, здешнего батюшку, отдали ключи и коротко сказали: „служи”. С чтения 12 Евангелий начались службы: услышали мы церковный звон, увидели св. огоньки, и не только слухом, но и устами своими вознесли хвалу

Его Страстям, потом и радостному Воскресению. Не знаю, как Маша, а я после 8 лет отсутствия в эти дни в храме (только первую Пасху в Сибири, да вот теперь, десятую по счету, здесь я встретил в церкви и с народом, хотя и не своими близкими), как бы по-новому переживая знакомые, а иные уже полузабытые песни и чтения. Когда мы со своим спутником и сожителем шли к светлой заутрене, то меня поразила необычайная тишина вокруг. Тихо было в храме, не погасла ни одна свеча, когда шли вокруг церкви... тихо как-то было на душе, когда в притворе, как будто сошедший со старинной иконы старец, окадил иконы и людей и ветхим голосом, но с большим внутренним подъемом запел: Христос Воскресе. Внутри как будто кто-то говорил: „Затем и позвал, чтобы прославил и утешился”. В Деревянске ничего этого не было бы. Там всех сгрудили в одно общежитие, лишенное самых примитивных удобств, и во что там превратилась бы жизнь, сами отчасти поймете. Послал Господь и все, что мы привыкли видеть на своем пасхальном столе. Это прямо уже чудо, т/ак к/ак здешние крепкосердечны, да и нет у них почти ничего. Все духовное и телесное, полученное явно из Его рук, конечно, чудо и превосходит те огорчения и физические неудобства и лишения, какие были, что о них не хочется и поминать. Маша решила так, что раз есть возможность, то пользуйся и принимай посильное участие, благо и читать умеет и голосок еще есть, в том, что составляет теперь такую редкость. Она говорит, что теперешнее положение напоминает ей Чучелинские юрты*. Там

* В Самарово, Чучелинских юртах протекала первая ссылка владыки Германа, в 1924 году.

она сначала тоже скромничала, а потом сами обстоятельства показали ей, что стесняться нет смысла, и она, как знаете, очень счастливо и вполне благополучно прожила там почти год и вернулась в Москву. То, что контракт кончился, а послушание еще не кончилось, ее мало смущает. Плохо только, что здесь очень плохо с почтой и еще хуже, чем в Дерев/янске/ с продуктами. Но теперь как будто можно рассчитывать на простоквашу или наверстывать потерянное на квасе и редьке. Почему-то уверен, что и здешний конец будет такой же, как в Сибири, а если и минус будет, то не беда и это. Да будет воля Божья, а нам да подаст Он терпеливо нести то, что ведет нас к Нему. Сердечный привет маме, В/ите/. Да хранит Вас Господь и Пречистая.

88.

30 августа 1932 г.

Вероятно, мой привет Вам, родная моя Наташа, запоздает ко дню Адриана и Наталии, но Вы, конечно, не усумнитесь, что не только в этот нарочитый день, а и всегда Ваша Маша с особой теплотой в сердце вспоминает Вас и всех около Вас и вместе с Вами пережитое. Вот уж кончится скоро и август. Невольно, несмотря на острые и повседневные заботы, думы и тревоги, отодвигающие куда-то вглубь души все прежнее, вспоминается Гефсиманский праздник, наполненный народом тихий скит, продолжительное и умиленное служение около гроба Пречистой, торжественное хождение с Ее Плащаницей по аллеям скита под красный звон колоко-

лов, обильная трапеза с цветной капустой и душистым смородиновым квасом у Ивана Израилева, и Вифания с шикарным ректором, и уютный посад с домиком, недалеко от Лавры. В этом воспоминании переплетаются и чисто духовные переживания с житейскими и земными, какие трудно отделить друг от друга, как невозможно расщепить душу от тела и изменить их таинственное сочетание. Все это затянуто какой-то нежной, щемящей сердце, голубоватой, как дали в ясный летний день, дымкой грусти, а все настоящее, при всех духовных преимуществах своих перед прошлым, кажется таким жестоким, грубым и суровым. Будет ли когда возможность сочетать это прежнее, без его греха, с настоящим, без его жестоких потрясений и невзгод, в одно светлое целое, где во всем был бы Христос, Его не вечерний свет и взаимная любовь, без которой так бесприютно и тоскливо в настоящее время. И пока Его меч разделения рассекает когда-то близких и единомысленных, и нет Его кроткого смирения и мира даже среди тех, кто одинаково называется Его Именем. Но я верю, что это будет, и душа каждого, прошедшего через муку лишений, падений, измен, малодушия и отрицания, снова, не устами только и мимолетным движением чувств, а всею жизнью своей воспоет Ему „Осанна”, как Единому Победителю смерти и зла.

Ну, что Вам сказать о Маре? Она вступила в последний месяц своей девятилетки. Говорят, что очень похудела и изменилась. Я нахожу, что это, конечно, отчасти правда, но сам лично желал бы ей более внутреннего изменения и просветления того подлинно Божьего, что не скупо дано ей Бо-

гом. Я живу все в прежних условиях, несмотря на то, что уже Федя спокойно живет в В /пропуск/ и многие вернулись домой, несмотря на то, что предполагалось, что они погостят гораздо долее Маси. В наших комических* странах стали отпускать окончивших курс, но людей со специальностью Маси (большей или меньшей квалификации) почему-то пока задерживают. Говорят, что их сократят. Остается до конца навигации месяца полтора, и после трудно будет выбраться. Хотелось бы зиму пододвинуться к своим поближе. Таня уже с мая вольная птица, но еще никуда не устроилась, что меня очень печалит. Она совсем измоталась и стала очень нервной. Если будет у Маси — то она очень хочет поселиться в Спасске Ряз/анской/ губ/ернии/. Чувствую себя не плохо. А как Вы? Вы не ответили на мое письмо, и я ничего не знаю, как Вы съездили в Посад. Да хранит Вас Господь. Сердечный привет маме и В/ите/.

90.

18 ноября /1 декабря 1932 г.

На днях получил Ваше письмецо, пересланное мне из Вочи. Как и полагается мне, я уже на новом месте (десятом за полтора года жизни в Сев/ерном/ крае). После Покрова вызвали в Усть-Кулом (мой адрес), как окончившего срок. Но из нас десяти только трое получили дальнейшие путевки, а о нас

* Коми АССР.

пока нет распоряжений. Вообще было невесело смотреть, как уходили последние пароходы, как на глазах уезжали только что окончившие срок, но не из нашей несчастной братии, как и самые обстоятельства, и все, особенно там, где нас опекают, точно сговорились, чтобы уколоть тебя и напомнить, что ты „соль обуявшая”, какую попирают. Внутри что-то протестовало, негодовало, сетовало и возмущалось, тихо подкрадывалось к сердцу, как темная мгла, давящее уныние, и радостно проходимое послушание и искупление более чем когда-либо казалось тяжелым и безотрадным бременем. Мне не столько уже хотелось уехать, как всё и все говорили, что я обязательно уеду, и крушение этой почти уверенности было довольно болезненно. Конечно, уехать поближе к родным, к русским я ничего бы не имел /против/, но самое тягостное не тяжелые условия нашей суровой, а здесь более чем когда-либо, жизни, а усмотрение, которое отменяет и те нормы, какие сами же вводят, и неопределенность положения.

Поселился я в деревушке недалеко от Кулома в полуразрушенной избушке с двумя иноками, знакомыми мне еще по Беломорью. Ее преимущество в том, что мы совершенно ничем, кроме платы, не связаны с хозяевами, ех-территориальны и автономны в своем обиходе и времени. На днях сложили добавочную печурку, т/ак к/ак наша старушка боится холодов, а мои сожителю пока что очень заботятся о тепле и на ближайший месяц запасли дров. После Вочи здесь народ кажется и сердечнее, и культурнее, и легче в других отношениях. Кое-что и картошку достаем, получаем гомеопатич/еский/ инвалидный паек, которого там тоже

не было, ближе к почте и в Сион (5 км) ходим и утешаемся там теплее. Словом, пока жить можно и понемногу мой гордый дух успокаивается и смиряется перед этим новым препятствием и удлинением и без того уже не короткого моего этапа. Слава Богу, у меня по милости Господа нет того внутреннего бремени, о каком писали Вы мне, этой не то усталости (у Вас это несомненно самое главное), не то скуки и пустоты от странничества, как у Вас от своей работы. Минутами, правда, я думаю, что удлинение его говорит о том, что оно ничему меня не научает, мне тяжело быть на богдельном положении и обременять добрых людей, мне кажется, что уходит время, когда я мог бы быть полезен по своей специальности, но это бывает недолго. Я верю, что и самое время, и обстановка, и все, с чем приходится встречаться на своем пути, постепенно выправляет то ненужное и вредное, чем заразилась душа в прежнее время, и рано или поздно с нее спадут те цепи, какие наложил на нее грех, небрежение и привязанность к земному, и она придет в тот благодатный возраст Христов, ради чего принесена некогда Богу свежесть юности и полнота физических и духовных сил. Конечно, возможно, что многие из нас предназначены, быть может, быть искупительными жертвами и надо, таким образом, думать более не о том, чтобы получить возможность жить где-либо в городе, а о граде грядущем, где все наше земное со всеми скорбями и невзгодами только путь и дверь.

Я здоров и не теряю бодрости духа. Все имеет свой конец. Думаю, что когда буду нужен я, то и теперешнее окончится, лишь бы только была от

него польза мне и тому деланию, какое заповедал нам наш Учитель.

Если отпустят, то зимой трудноато будет отсюда выбраться, но все же едва ли останусь и не воспользуюсь возможностью выбраться из этой полосы лишений, горя, болезней, и игнорирования человек/еской/ личности, ее достоинства и немощей.

Верочка моя работает за двоих у Троицы. Муж ее не то все пьянствует, не то лечится от этого в соответствующей лечебнице. Таня приехала от Зосимы* навесить меня, очень хотела остаться и обиделась, когда я не разрешил, а теперь поселилась на Клязьме, Драгомыжская ул. 4, и теперь стегает одеяла. Она очень измучена и, конечно, с ней я еще более бы развинулся. Она горячо любит Масю, но тою требовательною, командною любовью, от какой подчас так тяжело и мучительно.

Помоги Господь Вам пережить все с Вами случившееся и в нем переплавить то светлое и святое, чем богато наградил Вас Господь. Вы были и остаетесь моим светлым другом и близкой родной.

97.

Письмо к Н. А. В-ой

19 июня / 2 июля 1933 г.

Я не сразу ответил на Ваше большое письмо, писанное в Николин день, потому что незадолго писал Вам, а потом и не сразу ответишь на те иска-

* Соловецкий лагерь.

ния форм для новых переживаний, какие появились у Вас после замужества. Думаю, надо предоставить благодати Божией и времени, чтоб старое сжилось с новым, чтобы и в этой чисто духовной сфере произошел свой духовный брак, и все претворилось в новое, стройное, цельное единство и жизнь. Конечно, на этом пути будет немало недоумений, разочарований в новом и преувеличений, может быть, тоски по былому, сердце будет мучительно двоиться, но все это переборет смиренное сознание, что без Бога вообще мы только и можем, что разделяться с другими и даже в самих себе, а в Нем как-то таинственно соединятся как будто совершенно разнообразное и благодатная сущность, а не тени только прошлого, входят в настоящее, как семя той же жизни, но в новых формах. Конечно, это часто более сложный труд, и много требует от нас он сил и нервов, но еще больше напряжения веры и любви, без чего ничто Божье не может войти в нашу душу. Помогите Вам в этом Господь.

Я здоров и благополучен. По милости Господа сыт и одет и, быть может, даже избалован в этой области, хотя все еще очень мало похож на Божьего голубя, каких так глубоко люблю сам, а моей мудрости много еще мешает гордость и отсутствие той прелестной кротости и чистоты, без которых ни сам я, ни те, кто любит меня и прислушивается к моим советам, не всегда верно и неуклонно идут к небесным высям. На днях был очень обрадован, что действительно Божий голубь — Вл/адыка/ Варлаам выпущен из неволи, но еще не знаю подробностей. Это тем радостнее, что на это очень мало было надежды и говорили, что он даже умер. А много, очень много моих братьев и собратий, и

особенно там, откуда вывел меня Господь, уже переселились в вечный покой. Только вчера получил оттуда письмо и жутко, по-человечески, читать, и, больше того, чувствовать, как смерть стоит почти над каждым, с кем ты связан не только общим путем, но и единством упований; но с другой стороны, в этом умирании чувствуешь и что-то искупительное и воскресающее. Об о. Иннок/ентии/ знаю, что он уехал туда, где Мася была во второе свое путешествие, и о его смерти ничего не слышал (это едва ли верно), а о смерти Кати ничего не знаю. Хотелось бы верить, что Слава уже с Вами и что Господь его куда-нибудь устроит. Невозможное для нас и человека возможно для Господа. Мне думается, для многих из нас потому как будто и закрываются все пути, чтобы мы стали уже крепко и бесповоротно на единственный оставшийся для нас еще не закрытым путь веры, и мудрость житейскую подчинили ее безумию.

Сердечный привет маме и В/ите/, а если с Вами Слава, то и ему. Да хранит Вас Господь и М/атерь/ Б/ожия/.

100.

Письмо Н. А. В-ой

День свят/ителей/ Московских
5 / 18 октября 1933 г.

Получил Ваше письмецо от Сергиева дня. Спасибо. Масю тоже совершенно не радует, что кто-то так тщательно оберегает Ваш покой, что почти все

мои письма в ответ на Ваши боли, стоны и разъедающие воспоминания о жизни у Троицы не дошли по назначению. Испытание ли это, или Вам почему-то не полезны Масыны строки, но только факт остается фактом, а Вы со своими нездоровыми настроениями. Я много об этом говорил в письме к Андр/иану/ и Нат/алье/. Не люблю повторяться и в повторениях уже нет того наития, но все же немного поговорю, т/ак к/ак/ это крайне необходимо. Вы как древний Израиль! И Вы ли одни? Не тьма ли тем таких, как вы... И уж от одного ли этого слезы так естественны и не стыдны... Но все терзать свою душу и изнувать ее печалью явно вредной не только не стоит, но это должно быть изжито, хотя и нелегко. В этом отношении у мамы натура более счастливая, чем у Вас. Забывая задняя, она неудержимо стремится вперед, воодушевляясь тем несокрушимым и вечным, что всегда остается от всякой катастрофы, и тем более моральной. Мне кажется, происходит не только одно разрушение твердыни и того, что для многих святое святых, но происходит очищение этих святых, их освящение через огонь жестоких испытаний и проверок, разрушение форм, подавляющих своей своеобразной, но часто во многом земной красотой, действительность закованного в них смысла и содержания, образуются новые формы, облегчающие проникновение в них и заполнение именно таким духом и жизнью, какие отрицаются часто их творцами и часто во имя осознанной и преднамеренной борьбы с Ним принципиально отрицаются, чтобы как бы через Голгофу уничтожения воскреснуть в силе. Посмотрите, как жизнь фактически стала аскетична, как самоотречение, небывалое самоотречение

становится не исключением, а правилом всякого человека, как необходимо все разрозненное и почти во всех самых разнородных по содержанию областях жизни идет к единству через коллективизм и т. д. и т. д. Вы скажете, но все это не во Имя Его, а против Него. Да, это верно. Сейчас все с Его печатью в скорби, в Гефсимании и на Голгофе. Это верно. Но так же несомненно, что все усилия и творчество направлены на создание таких форм жизни, какая в своей принципиально-идейной части вся Им предугазана, без Него не может быть осуществлена и неминуемо приведет к Нему. „Все через Него, Им и к Нему”, и только или непомерная скорбь, или неглубокое продумывание этих великих слов Апостола мешает видеть, что все это совершается. Невольно припоминаются слова Златоуста: „Бог действует через тех самых людей, которые препятствуют и противодействуют, Он врагов Своих употребляет в орудие Своей славы, дабы знали вы, что Божия определения никто не расстроит и высокой десницы Его никто не отвратит”. Древнему Израилю чрез развалины своего чудного храма, чрез долгие годы лишения умиляющих душу служб и целое море слез надо было прийти к иному дому Божию, в каком, однако, они увидели Того, о Ком говорили и жертва и пророчества. Магдалина пришла к Нему чрез ужас одержимости, Мария Египет/ская/ чрез пещь разврата и неистового блуда, разбойник чрез муки креста. Вот, мне думается, те вехи, какие должны быть поставлены всякой скорби и особенно невыносимым по грусти воспоминаниям. Вы и, быть может, большинство из нас были около Него, когда Он благоухал благостыней и окружен был

величием чудес и светом благоговения: теперь не устрашите Его поруганий, Гефсимании и Голгофы, чтобы, если не вокруг себя, то в самой себе увидеть непобедимый свет Его истины и воскресения...

Помоги Вам, Господи, в наступающую зиму со всеми заботами и тревогами. У всех теперь жизнь идет через узкие врата, и тот, кто их покорно принимает как неминуемый, единственный и спасительный путь, куда счастливее тех, кто нервничает, злобится на их неудобство и как будто ждет, чтобы его затолкали и протолкнули через них. А что же у Славы его друг — женщина? Почему же она не жена? У меня все слава Богу. Хотелось бы, чтобы и внутри было так, как совне. Сердечный привет В/ере/ Т/имофеевне/ и всем Вашим. Да хранит Вас Господь.

101.

Письмо к Н. А. В-ой

Канун Саввы Звениг/ородского/
2 /15 декабря 1933 г.

Зная Ваше нежное сердце и давнюю дружбу с Масей, я, конечно, предполагал, что Вам приятно будет увидеть ее подобие. Но Ваша фантазия над карточкой так разыгралась, что Вы увидели и Ангела, и духа, и „нечто невесомое”, что вот-вот вспорхнет и улетит. Конечно, я Вас не ревную к Месе и очень хотел бы, чтобы хоть отчасти Вами в экстазе увиденное соответствовало действитель-

ности. Что внешняя оболочка изменилась, быть может, несколько истончилась — да, но есть ли это продукт внутренней уточненности и, тем более, одухотворенности, а не результат долгих путешествий — это еще очень большой вопрос. Я хотел бы, чтобы это когда-нибудь произошло. К чему тогда та высшая школа, на какую пошли две пятилетки, и неужели действительно совершенно остыла та первая, чистая и горячая любовь, какая отдала свою молодость золотой небесной мечте?!

Мне иногда кажется, что Маша только какими-то гранями своей души касается воскресий Его одежд, и то — редкое счастливое мгновение, а потом опять начинается и тянется что-то будничное, косное и холодное, едва-едва освещаемое мерцанием этих светлых мигнов. Вы верите в эти миги, как в всплески подлинной природы Машин души: верите, потому что любите. А если подлинной любви свойственно не только видеть доброе, но и вызывать это к жизни и помогать расти, то я только порадуясь за Машу. Для этого действительно всегда надо молиться, в этом смысл нашей дружбы и взаимный долг... Живу я слава Богу. Это не фраза и не уклонение от ответа на Ваш вопрос, а подлинная правда. Если хотите, то это действительно чудо Божие; исполняется то, что сказано про полевые лилии и птиц небесных. Конечно, главная доля забот выпадает на старших детей, но Саровский пустынный, приведший Машу в свои края, посылает здесь к нему тех, кто помогает ему быть свободным от всех житейских забот. Маша уже 4 месяца на новом месте. Она одна у своей хозяйки, и та с редкой заботливостью и любовью бережет ее покой и исполняет все ее прихоти. С прежнего места при-

шлось уйти, т/ак к/ак комната понадобилась приехавшей с ребенком дочери хозяйки. Там была более светская и шумная обстановка, а теперь здесь полное единство духовн/ых/ стремлений и нет раздражающей близости тех, кого Маша всегда должна беречься. Мне кажется, что мама хорошо делает, когда пробирает за излишнюю чувствительность Потапия. С Кроней я не переписываюсь. Изредка писал оттуда Максимилиан, но и тот замолчал. У Вас вместо Бориса — Онисим, какой хорошо относится к Маше и был с ним вместе у Ларчика*. Он бесхитростный и добрый. У меня все по-прежнему. 23-го и 27-го Маша наряжалась и выступила в любимых по Волоку и Вяз/никам/ номерах, с очень большим для себя утешением. К ней хотят в эти дни приехать Верочка, изнывающая от работы на двух должностях. Витя пока благополучен в Вологде. Это пока вам, остальное по получении обещанного письма. Сердечный привет маме, Вите и Славе. Господь с Вами.

106.

Открытка Н. А. В-ой

2 /15 сентября 1934 г.

Не подумайте, что я забыл 26-ое августа. Вспомнил, как всегда с сердечной любовью, но не сумел во время написать. Вся вина падает на Машю. Эта непогода неожиданно 10 августа вместе со своими

* На Соловках.

близкими друзьями по учреждению собралась к комикам*, побросала много вещей и покатила сначала по ж. д., а потом пароходом до Сыктывкара. Она, как знаете, любит всякие приключения и к великому удивлению неожиданно вздумала поселиться на кирпичном/ заводе в 6 км от города. Ее коллеги стали волей неволей учиться плинфodelанию, а Маша побежала к родителям, чтобы сказать, что ее здоровье и конституция не приспособлены для такого времяпровождения. Ей довольно грубо заявили: „иди и работай”. Работать, конечно, она не могла и не стала. Началась жизнь довольно знакомая мне по северу: грязный и холодный барак, мириады ночных искусителей, муж/еский/ и жен/ский/ род во едино сонмище совокупленный, бестолковщина и грубость и т. п. Маша, конечно, летала в город, особенно в нарочитые дни, но как ни храбрилась, а заметно от всего этого уставала. Все же при всей ее живости и бодрости сердце и силы ее с каждым новым переездом заметно сдают. Но для вечного это хорошо, т/ак к/ак все, что ясно напоминает о неминуемом конце — благо. К нашей радости опыт с плинфами скоро кончился и Маша поселилась в пригородном селе на берегу реки, в отдельной комнатке со стариком, какой оберегал и в О/парине/ ее. Ее адрес: г. Сыктывкар, Коми обл. Копчон/ская/ набережная, 4. Не знаю, долго ли посидит Маша здесь. Возможно, опять куда-нибудь захочет. А мне хотелось бы, чтобы она посидела и отдохнула. Отсюда долго ходят письма, потому пользуюсь настоящей открыткой и сердечно приветствую В/еру Т/имофеевну/ с

* Коми АССР.

17 сентября. В этот день Маше исполнится 11 лет*. Пора бы ей взяться за ум, а видно плохо еще умнеет, что не впрок хорошая школа, в какой она учится. Понемногу прихожу в себя. Да хранит Вас Матерь Божия.

108.

Письмо к Н. А. В-ой

День Анастасии Узорешит/ельницы/
22 декабря /4 января 1934 г.

Сейчас вечер. У Матушки, в уголке моей комнаты, алый огонек. Старец** трудится над отделкой теплых дредноутов, которыми он тщится защитить свои старые ноги от крепких морозов. На дворе второй уже день 35⁰ мороз. Только что вторично истоплена русская печь и около нее хлопочет такая же маленькая и кругленькая, как Таня, Поля. Осуществляются уже некоторые кулинарные планы на грядущий светлый день... Все ближе и ближе праздник. Все нарастают, ширятся вглубь веков, поднимаются к небу, обтекают землю и стучатся к сердцу волнующие душу воспоминания и свящ/енные/ церковные гимны о Христе. Где-то далеко

* 11 лет с начала новой ссылки.

** Старец – ссыльный схиигумен из Киевского Ионина монастыря, поселившийся вместе с владыкой Германом в бывшей баньке в селе между Вяткой и Котласом.

идущая мимо или против Него жизнь, а тебе дана величайшая радость жить там, где Он еще не забыт, близок и дорог, и при всей своей духовной косности и немощи ты глубже переживаешь и чувствуешь каждую деталь наступающего торжества и всю неизмеримую огромность, красоту и неизживаемость всего принесенного Им на землю. Отнимите от человека, увлеченного многообразной суетой настоящего времени, хоть часть того, чем он, с достойной подражания энергией, наполняет бездонную пустоту своей души, и ему его жизнь покажется какой-то насмешкой, ему нечем будет жить. А те, перед духовным опытом и работой которых мы преклоняемся, с избытком обладали тем, к чему так жадно стремятся наши современники, бежали не только от этого, но сознательно ставили себя в нечеловеческие (с точки зрения плотского человека) условия существования и, оставаясь только с Ним одним, делались не актерами только веселия и радости, а действительно блаженными. Самые трудные и доселе неразрешимые проблемы жизни или разрешались такими простыми и необычайными для нас методами и в плоскости таких невероятных настроений и действующих в них сил, что все это показалось бы сказкой, если бы это не было очень определенным и прекрасно обследованным фактом истории. Маре на ее пути уже пришлось /встретаться?/ с живыми подобьями этих древних. Она встречала не только таких, у которых слово и вера не расходятся с делом и жизнью, но и в Арзам/асе/ и там, где она теперь, она среди них встретила таких, какие умеют заглянуть в будущее и с поразительной точностью о нем говорить. Как это ценно в ее положении и

какая это подмога для освоения того, что она считает истиной и чем старается жить. Внешне она вполне сейчас устроена. Ее родные, как и прежде, окружают ее своей заботой и она имеет полную возможность углублять свою работу в своей родной и предназначенной для нее области. Конечно, не всегда эта возможность соответствует личному почину и энергии, но хорошо уже то, что условия жизни мало мешают ее продолжению и не отвлекают и не рассеивают ее по мелочам...

Что касается меня, то я по милости Божией здоров и благополучен. Только очередные официальные визиты напоминают, что пользуешься постоянным вниманием, какое не всем бывает приятно. Хорошо уже и то, что есть возможность сидеть на месте, что не так-то легко давалось прежде. Таня все ждет своего отца, но реальных оснований для этого нет. Варля по-прежнему живет в Вологде. Кстати, мама получила его письмо в письме к ней Масы?.. Для нее теперь самое трудное время — холода и обычные ее недомогания, и у Вас от этого еще больше забот и тревог!

Я писал, что Верочку было сняли, очевидно, в связи с какой-нибудь очередной интригой, но потом на суде восстановили с обязательством учреждению оплатить ее невольный прогул. Мне мама писала очень неясно об Иване/Израил/е/, но ни Вы, ни она мне еще ничего не ответили, где он и что с ним? Пока меня терпит около себя Матушка. В праздники особенно хорошо у нее. Маса тоже надеется, что она послужит Ей своим голоском. Это особенно меня радует... От всего сердца молитвенно приветствую Вас и маму со святыми днями.

Кажется назад тому 18-19 лет Маша проводила эти дни в Вашем теперь городе. Слава Господу за прежнее, а за настоящее еще большее благодарение. Христос с Вами.

Ответных писем на мои, посланные Вам, а потом и маме, я не получал. А мои получены?

111.

Письмо к Н. А. В-ой

29 июня /12 июля 1935 г.

Только что кончил письмо к маме и хотел его запечатать, как пришло Ваше. Спасибо за весточку. Из письма не видно, получили ли Вы мое письмо, где я писал между прочим и о насильственной смерти мужа Верочки, покончившего с собой в психиатрической больнице. Отвечаю на только что полученное. Если сравнить Ваши письма с маминными, то Вы действительно кажетесь маленькой беспомощной девочкой. У мамы такая живая, ясная, сильная мысль, такая ясность дали, а у Вас постоянно такая тревога, какая-то связанность духа и дали, затянутые мгlistой дымкой печали и тоскливой одинокости. Кто или что подменило Вас? Разве раскололась бывшая Ваша ясность, глубина и цельность? Вы так глубоко и ровно дышали Его воздухом, что и других всех и самое маму ощущали и принимали постольку, поскольку в них чувствовали Его свет и благоухание. Вы ко всем и, конечно, наипаче любимым были нежны этим чувством, потому и дружба к Вам и с Вами

была всегда такая чистая, ровная и морально поднимающая. Мне всегда казалось, что и маму и своих близких Вы любите в Нем и Им. Вы знаете это тихое колыбелящее чувство, когда дети, обнимая друг друга, крепко, крепко льнут к своей матери? Кажется, и не только кажется, а так это и есть на самом деле, что тепло матери связывает их друг с другом и с нею. Такой должна быть и Ваша любовь к маме и наша любовь друг к другу. Чем ближе и крепче любовь, тем ощутимее Его мир в нас и Его держава, всех нас охраняющая друг для друга и для торжества Его правды. Ничто не может разрушить Его о нас и любимых нами Промысла. Я всегда обращаю внимание сердца на последнее прошение всякой ектении. Кто любит Его, тот хорошо знает, что действительно можно и себя и друг друга отдать или предать в Его водительство. Уверен, что Вы знаете, какой светлый мир входит в душу когда мы и себя, и любимых чувствуем в сфере Его мудрости, благодати и долготерпения. Вы никогда не можете и не будете одиноки, пока в Вашей душе не умрет живая связь, а через Него и Его силой не только с живыми, но и с умершими Вашими близкими. Это несомненно самое глубокое, ничем не разрушимое и вечное. Не любите маму только для себя. Полюбите ее и как Божие достояние, нужное и Вам, и другим, и Богу: нужное пока для настоящего, а скоро, быть может, и для нездешнего, но, быть может, через то еще более и для настоящего. Теснее к Господу, тогда будем все ближе и ближе друг к другу и никогда (живы ли мы или умрем), никогда не разорвать этого единства.

Христос с Вами. Отдохните.

5 /18/ июля 1936 г.

Дорогая Вера Тимофеевна! Наташа говорит, что Вы не без удовольствия читаете письма Маси. Перечитывая Ваше последнее, я увидел, что на некоторые Ваши вопросы я не ответил в посланном письме. Вы спрашиваете, как может быть любовь к Богу и людям „неслиянной” и „нераздельной”, когда в некоторых случаях надо „возненавидеть”. Я не утверждаю, что любить Б/ога/ и любить ближних — одно и то же. Эта заповедь „подобна первой”, но в ней есть свои особенности и пределы. Любить человека мы должны так, как возлюбил Его Христос. Мы должны любить его во Христе, т. е. любить его по нормам, Им указанным, любить Его силой, благодатной сущностью которой является та же любовь, любить в нем все Христово и ради Христа. Бог — свет, и нет в Нем никакой тьмы. Ясно, что этого не может быть в человеке. Любя его за все Христово, как сущность Его природы, мы ко всему чуждому в нем и болезненному, как всякая страсть и грех, можем и должны относиться только отрицательно (слав. „ненавидеть”). Это темное может не только овладевать нашим ближним, но через него может стать как принцип, как нравственная препона на нашем пути к Богу. Если подчиниться ей, то это угодничество (нам заповедано человеколюбие и запрещено человекоугодие) может стать в противоречие нашей любви к Б/огу/. Делать этого нельзя. Это и есть та ненависть, которая может быть

при любви и к отцу, и к домашним, и к кому угодно. Любовь к ним принимает в этом случае характер желаний, а ненависть — противления их воле и неподчинения. В этом смысле, и только в этом, т. е. в смысле препятствия соблазна самые близкие и ... даже любимые /„домашние“/ могут стать нашими „врагами“, каких все же, по заповеди, мы должны и можем любить. В вопросе о любви к Богу и ближнему надо иметь в виду как бы три стороны одного целостного по существу процесса: психологическая природа или сторона любви, моральная или практическая и благодатная или мистическая. Вот в этих путях своего развития любовь к Богу так тесно соприкасается и переплетается с любовью к человеку /и обратно/, что та или другая „нераздельно“, но и „неслиянно“, как Божия и человеческая природа во Христе, становятся одним процессом. Относительно „бегай людей и спасешься“ — приведу буквальные слова пр/еподобного/ Никиты Стифата, пресв/ятой/ Студийской обители и ученика Симеона Н/ового/ Бог/ослова/. „Быть монахом, говорит он, не то есть, чтобы быть вне людей и мира, но, чтобы отрехшись от себя, быть вне пожеланий плоти и уйти в пустыню страстей /т. е. в бесстрастие/. Если Великому оному авве /Арсению/ и сказано: „бегай людей и спасешься“, то сказано в этом именно смысле. Ибо видим, что он и после того, как убежал из мира, жил среди людей, проходил по населенным местам и живал с учениками. Но при этом, старательно соблюдая внутреннее бегство при чувственном общении, никакому вреду не подвергался он от сопребывания с людьми“.

Хорошо, что в своей комнате Вы имеете и рай,

и пустыню, а большинству только так можно убежать от мира и людей. Убегать от страстей в пустыню бесстрастия необходимо всякому, а имея это — иметь еще и то, что у Вас, — это уже милость Божия и снисхождение Его к Вашим немощам, немощим часто понести и потерпеть немощи близких...

Жду на днях Таню. Она позавчера должна была быть у Влад/ыки/ Вар/аама/, и теперь, вероятно, уже в дороге сюда. Влад/ыка/ Филипп Вам привет передал. Он не знал, где Вы и взаимно приветствует Вас. Варля все в этом же положении; от Тани узнаю о нем подробно. Пока у Маси все слава Богу. Да хранит и Вас Христос Своей любовью. Не забывайте, когда беседуете, и Маси.

116.

2 /15 декабря 1936 г.

Письмо Ваше, родная моя Наташа, я получил. Это даже не письмо, а скорее стон от тяжкого внутреннего страдания и крик о помощи. Это я понимаю и чувствую. Что с Вами происходит нечто очень сложное и изнурительное и для физиол/огических/ и душевных Ваших сил, я давно уже чувствую, вскоре после разлуки с Вами, но как мне кажется, это одна из тех болезней духа, какие тянутся годами и исцеляются Самим Врачом душ и телес тогда, когда сделают с нашей душой все, предусмотренное Его благим Промыслом. Я не пытаюсь гадать о возбудителях этой болезни; они часто и в нас самих и в условиях нашей внешней

жизни и работы. Об одном могу только с уверенностью сказать, что здесь необходимо терпеливо понести свою душу так же, как терпеливо Вы выхаживаете иного трудного больного, не теряя никогда надежды на его выздоровление. Это своего рода духовное истощение, та нравственная Гефсимания, в какой глубже, чем когда-либо, познается свое духовное ничтожество, тяжесть своего жизненного креста, страх пред неодолимостью всевозможных препятствий и скорбей жизни, тоска от внутреннего разъединения с людьми, даже любимыми, тяжкая агония, оставленность Б/огом/ и почти физическое ощущение всей несветимой тьмы зла и греха. В состоянии уныния присутствуют почти все эти моменты, но оно не бывает (уныние) так длительно. Мне кажется, многое в Ваших переживаниях от физической и душевной усталости. Вы очень много расходуете своих сил, и Вам и дома вместо отдыха приходится перенапрягаться не менее, если не более, чем на работе. Такого постоянного напряжения, страха за маму, боязни не выполнить своего долга перед В/итей/, обычные тревоги, заботы житейские — трудно вынести, не переутомляясь. Вам, вероятно, очень мало остается времени (от дел и усталости) на пополнение запасов своего душевного тепла и бодрости, а окружающая среда так холодна, плотна и земна, что не может пополнить Вам расходуемые Вами силы и только еще сильнее дает Вам почувствовать свою усталость и даже невозможность делать свое любимое дело. В этом тяжелом душевном кризисе более, чем когда и в чем другом потребно смирение и „вера в терпение святых”. У нас не было бы той страшной муки и боли, какие, как буря, захваты-

вают нас во время душевных крушений, если бы мы не переоценивали себя, были крепки верой и всегда бы не только помнили, но и чувствовали сердцем и предощущениями надежды Его последние слова: „Я с вами во всем до конца века”. Он, как и прежде, с Вами. Быть может, теперь даже ближе, чем тогда, когда душа Ваша оберегалась собственной свежестью и благодатной стихией тех мест и людей, среди которых Вы еще не так давно жили. Я думаю, переживаемое Вами в той или иной степени испытывают сейчас весьма многие, и только шум текущей действительности и грандиозной перестройки, требующей крайнего напряжения всех душевных сил человека, приглушает эти тихие стоны души и мешает понять их вещей смысл. Ваше состояние — отражение общей болезни и отнюдь не есть что-то безнадежное, от чего надо допускать себя до психостении. Не без воли Божией мы поставлены в этот круговорот страстей, борьбы и всяческих дерзаний и падений. Он никого не искушает злом, и если отнять от окружающей нас действительности дух непомерной гордыни и чувственности, то на всем мы увидим отсветы Его Истины и Его заповедей. Его законы вложены в сердца и мысли людей. Это неискоренимо, как природа. И хотя зиждущие всячески игнорируют Его и хотят устранить Его и даже память о Нем из жизни, но Он остается краеугольным камнем и силой основных идей нового общества. В этом залог и просветления, и обращения, и духовн/ого/обновления, а для страдающих и болеющих над этим „отступлением” — обдрения, спокойствия и терпения... Судя по концу Вашего письма, Вы, видимо, немного отдохнули и уже многое воспри-

нимаете спокойнее. Не унывайте! Мы всегда без Него наги и бессильны. Он и вчера и сегодня и во век Тот же. Разве Он может быть не с нами, когда кругом и в нас самих такая буря. А с Ним все можно выдержать и мужественно встретить все испытания. Он и с Вами и с мамой. Он силен мгновенно отнять всю боль от Вашего сердца, но этого не делает, потому что этим лучше переболеть, а для этого надо просить у Него только терпения.

Теперь немного о Маше. Она не всегда знает: удобно ли писать, и потому только отвечает на письма. Она помнит друзей, особенно тех, около которых она становилась яснее и чище. Живет она мирно, но скоро думает куда-либо перебраться. 1-го марта кончается срок договора и возобновлять его едва ли придется. Но куда ехать и как и с кем жить — вопрос очень сложный. Работать по специальности едва ли придется. Хотелось бы жить ей так, чтобы „не давать повода ищущим повода“, чтобы никого не соблазнять. Таня работает курьером в Москве на телеграфе и живет в большой хорошей комнате в 27 верст/ах/ по Сав/еловской/ ж. д. Дом в саду и рядом лес. Пишет, что комнату очень удобно приспособить для отца и зовет его к себе. Но я боюсь, что она измучает его своей крайней нервозностью и ревностью, да и чрезмерным и неудержимым Марфиным рачением. Лучшей няньки для него не найти, но не для всех полезно жить с нянями, и очень часто они входят в роль опекунов и отпугивают тех, кто хочет их отца назвать и своим. Зовут и в Вязн/ики/ и в Арзамас*. Но не знаю, стоит ли ехать туда,

* В Вязниках и Арзамасе владыка Герман служил в перерывах между ссылками.

где климатические условия оказали дурное влияние на здоровье? Не лучше ли Маше подражать своему брату Вите, какой живет, как затворник, а это едва ли возможно у Тани да и в выше указанных местах. Есть у ней знакомые в Новгороде, и к этому городу лежит у нее душа, но не знаю, как благословит Господь. Словом, она в большом затруднении, и посоветовать ей что-либо не придумаешь. Что касается меня лично, то я в общем здоров, но сил стало значительно меньше. Условия жизни здесь стали значительно легче, чем прежде. На рынках и в магазинах почти все есть. Уголок наш по-прежнему функционирует, а Маша занимается вокальной частью его. Пока Господь хранит нас и милует. Да хранит Он и Вас и иже с Вами. Сердечный привет маме. Всегда помню Вас и в нарочитые дни особенно. Сердечно приветствую Вас с грядущим Новым Годом и Его Праздниками. Да поможет Вам Господь преодолеть свой кризис. Не теряю надежды увидеться, если буду в Москве.

НА НЕБЕ ИЛИ НА ЗЕМЛЕ?

Когда я бываю в Сарове, невольно мне вспоминаются все мои прежние приезды в это благодатное место.

Первый раз с необыкновенным чувством ожидания, любознательности и напряженного благоговения я ехал августовскими днями, перед Успением, длинным путем, лежавшим тогда на станцию Сасово, Московско-Казанской дороги, от которой до Сарова было что-то около полутора верст.

Ночи были темные, большак не обсажен, как в других губерниях, деревьями. Было легко сбиться с пути; и раз мне пришлось, слезши с повозки, освещать землю зажженной спичкой, нагибаясь над дорогой, чтобы проверить, есть ли на ней трава. Это бы значило, что мы сбились на проселок; отсутствие травы показало, что мы продолжаем ехать большаком.

Помню я и второй свой приезд в Саров. Это была последняя годовщина со дня блаженной кончины старца Серафима, в которой его поминали еще панихидами. Это было, как раз на рубеже между 19 июля 1902 года, день высочайшего указа о церковном его прославлении, и 19 июля 1903 года, днем торжественного открытия его мощей.

Взято из газеты „Русский паломник”, № 51, 1912.

Стояли крещенские морозы, сковывающие все вокруг меня на том же продолжительном пути из Сасова в Саров. Я ехал, почти лежа в санках, запряженных гусем в две лошади и, под ворчание слезавшегося, охваченного морозом и разрезаемого полозьями снега, тихо мечтал.

Вспоминал все то, что я слышал в рассказах, все то, что я вычитал в разных книгах необыкновенного про ту яркую звезду Сарова, на которую давно уже любовались верующие люди и которая теперь должна была засиять, как ярчайшее солнце.

Проведя одну ночь в санях без сна, я ко второй ночи, во время которой должен был приехать в Саров, был в полудремотном состоянии; и все окружавшее меня казалось мне какою-то святой сказкой, и сказка эта сияла все ярче, становилась все красивее.

Вот, мы въехали уже в Саровский лес. Как завороченные стоят с обеих сторон неоглядные, высокие сосны, временами протягивающие над дорогой, высоко над головой, свои могучие лапы. Все деревья обледенели, и в отблеске полной луны сияют серебристым светом...

Чудится: сейчас затрещат под снегом сучья, тяжелой поступью пройдет медведь, направляясь к пустыннику за куском насущного хлеба.

Старец Серафим почил в ночь на второе января, под утро. Мне отрадно было сторожить час его кончины, семь десятилетий назад, в тихой его келии, ловя признаки жизни в прекрасной картине, где он изображен во весь рост, в своей коленопреклоненной, предсмертной молитве, завершенной им уже у великого престола...

Помню я тогда и посещение знаменитого Сера-

фимова источника. Ровно год перед тем я лежал в смертельной болезни — тиф, соединенный с сильнейшим плевритом обеих сторон — провел весну в теплом климате, а за лето нервы от одной тяжелой потери совершенно расстроились.

Было двенадцать градусов мороза. Я имел глубокую веру в чудотворный источник старца Серафима. Но, по человеческим соображениям, приступал к купанию не без некоторых колебаний. Тогда не было, как теперь, теплой раздевальни. Вокруг источника был лишь деревянный сруб без крыши. И раздеваться на двенадцати-градусном морозе, окачиваться водой, в которой и летом-то бывает всего четыре-пять градусов, одеваться затем в обледеневшее белье и одежду — по-человечески все это казалось безумием. Но я испробовал все это на себе. А так как очень спешил в монастырь к игумену, то, одевшись, даже не пошел пешком, чтобы согреться, а поехал на поджидавшей меня лошади.

Да, по-человечески такое купание было безумием и самоубийством, но оно принесло мне величайшую пользу, и давно в жизни я не чувствовал себя так бодро и хорошо, как после этого события.

Помню я свой приезд в Саров в мае того же года, за какие-нибудь полтора месяца до великого торжества. Теперь я ехал уже через Арзамас, до которого только что открылось железнодорожное движение от Нижнего. Спешно чинили большую дорогу, в монастыре доканчивали последние приготовления. Все было полно какого-то великого ожидания.

А вот, наконец, и они, эти июльские дни 1903 года. Волны со всей России сошедшегося народа,

говор о постоянно совершающихся чудесах, величии церковной службы, и те захватывающие минуты, когда из собора духовенство пошло в Зосимо-Савватиевскую церковь, чтобы принести гроб с мощами, и выход на полиелей, та минута, когда в замершем в тишине храме раздалось щелканье ключа, отпирающего раку, и вслед за тем — грома церковного величания: „Величаем, величаем тя, преподобне отче Серафиме, и чтим святую память твою, наставниче монахов и собеседниче ангелов”.

И все существо охватывала волна непроходимой радости, сознание того, что заветное желание сбылось, что в сонме русской церкви водворился этот дивно, открыто теперь прославляемый, вместо прежнего робкого почитания, чудотворец, и что все это совершилось на твоих глазах, и что ты слышишь первые звуки воспетой, перед гробом его, всецерковной, радостной хвалы.

И как все надежнее стало с тех пор в жизни, и часто, часто среди „шума мирского” мелькнет, в лучезарном сиянии, образ неизгладимого старца, и что-то шепнет, отдастся внутри души: „В Саров, в Саров!”

В Саров, в Саров!

Тот, кто бывал в Сарове до церковного прославления старца Серафима, с некоторою грустью смотрит на происшедшие с тех пор перемены.

Как-то тогда было интимнее, теплее... Казалось, старец Серафим принадлежал тогда немногим, знавшим его.

Вот, прислоненная к южной стене Успенского собора, низкая, стеклянная часовня, по стенам которой развешены картины из жизни старца. Эта часовня стоит на его могиле. Тут прежде совершались

панихиды, оканчивать которые шли в расположенный напротив корпус, где была келия старца.

Тяжелый памятник над каменной могилою, воздвигнутый усердием одного купца, стоит там же, и около него сделан спуск к тому месту, где находился гроб с мощами преподобного. Место это облицовано мрамором, и в нем стоит тот самый гроб, а сокровище мощей перенесено в Успенский собор.

Вот он, один из великолепнейших русских соборов, с дивным иконостасом из золотых ветвей, возносящийся высоко вверх, кажется вам, в самое небо. По правой стороне, между двумя могучими ступенями, поддерживающими своды, стоит беломраморная рака с сенью, устроенная усердием ныне царствующего Государя и Государыни Императрицы Александры Федоровны. Подход к раке — с обеих сторон.

И если вы почувствовали всю необыкновенность, всю святыню этой жизни, испытывали на себе ясное для вас вмешательство этого близкого к земле небожителя в ваши дела, если вас, временами, с какой-то неудержимой силой и тоской тянуло к нему, и вы тосковали, если не могли тотчас собраться, и ехали к нему, как к родному, понимающему вас человеку, которому открыта вся ваша душа, от которого вы привыкли требовать помощи, зная, что требование не может быть не услышано: то как жарка, искренняя и правдива будет никому не слышная беседа вашей души с его духом, видимым звеном которой будут лежащие тут, перед вами, в раке, его чудодейственные мощи.

Я вспоминаю две сцены, происшедшие перед моими глазами тут 20 июля 1903 года, на другой день по торжестве открытия его мощей.

Это было перед поздней обедней. С правой стороны беспрестанно подходила прикладываться вереница ожидавшего народа. Середина церкви была свободна, охраняемая полицией. Больных подносили именно с этой стороны. С большим трудом подносили к раке бесноватого. Я никогда не видал такого ужасного лица. Обросший густой бородой, с нависшими бровями и густыми усами, человек лет сорока вырывался из рук ведших его. Невыразимый ужас был на его лице, и он страшно кричал, что не хочет идти, что Серафим его жжет. Нечеловеческие усилия употребили вожатые, чтобы дотащить его до раки и приложить к мощам, и в это мгновение он исцелился.

Мне кажется, что тот, кто видал бесноватых, убедится в том, что в них сидит какая-то посторонняя сила, потому что человек исцелившийся становится, разом, совершенно другим. Так было и с этим. Лицо его сделалось кротким, озарено каким-то счастливым миром. Много уже лет, оказалось, он не был у Причастия, а тут его немедленно отисповедал собравшийся служить архимандрит Владимир (Путята), нынешний епископ Омский, и в конце литургии он приобщился.

Вслед за этим чудом совершилось другое. Несколько человек принесли к раке расслабленного мужчину лет под сорок. Запомнил его имя. Федор Годунков, крестьянин, служивший раньше солдатом в одном из гвардейских кирасирских полков. Руки и ноги у него висели как плети. Его было тяжело перегнуть, и пришлось прикладывать к раке, держа все тело на весу. И, когда он приложился, и его опустили на помост, где стоит рака, на ноги, он отстранил от себя вожатых и тут же легко пошел...

И сколько было таких исцелений и других, ожидающих исцеления. Не забуду, как на матрасе принесли женщину поразительной красоты, лет тридцати, с виду богатую мещанку, одетую в хорошее платье с богатым платком. Откинув навзничь голову, она со слезами повторяла: „Преподобный, подыми меня”.

И, стоя тут, у этой раки, — вы стараетесь почувствовать те токи благодати, которые расходятся отсюда по русской земле и те молитвы, стоны и слезы, которые обратно стремятся к этому месту.

Место это — свято...

Из собора пойдем в бывшую келию старца.

Когда-то стоял, на высоком фундаменте, белый корпус, и через сенцы вы входили в эту небольшую келию с окном на луга. Перед прославлением старца корпус этот был разобран и вокруг воздвигнут обширный теплый храм, вместивший в себя эту келию, с ее дверью и окном.

Московские иконописцы изукрасили наружные стены келии прекрасными картинами из жизни старца: тут и явление ему Богоматери с двенадцатью девами, в день Благовещения, и избиение его в лесу разбойниками, искавшими у него денег, и блаженная кончина его, и оба ангела его: мирской — апостол Прохор и монашеский — шестикрылый Серафим.

Старый монах, тот самый, который до прославления о. Серафима был в этой келии, стоит перед ней и сейчас.

Маленькая келийка, с окном налево, с углом, в котором помещался находящийся теперь в Дивееве образ Богоматери „Умиление”, с кафельной печкой направо, на лежанке которой, бывало, стоя-

ли бутылки с водой и с маслом, которое он теплил за своих духовных детей, лежали пуками свечи и мешки с сухарями, которые он раздавал, на благословение, богомольцам.

Сколько молитв заключено в этом тесном пространстве, сколько тут совершилось чудес, сколько возродилось жизней, сколько раздалось слов необыкновенных, пророческих, неизъяснимых.

Это — одна из священнейших пядей земли по всему русскому простору. И как далеко, и как невидимо раздвинулись теперь стены этой келии во всю ширь русской земли, всю ее в себя вместив.

А потом поездка по берегу узкой Саровки. И там обливание себя этой холодной водой с гораздо большими, чем прежде, удобствами, потому что теперь сделана отапливаемая зимой деревянная с крышей раздевальня.

Вы спускаетесь в сруб, врытый в землю, и на высоте полуроста человека сделаны краны, из которых хлещет на вас вода. Вы нагибаетесь и становитесь на колени, и вас сразу обдает живительная студеная струя.

А там, дальше по лесу — место, где был тот камень, на котором промолился старец Серафим, во время столпничества своего, тысячу ночей, и еще далее — его лесная келия, где протекла главнейшая и труднейшая часть его подвижнической жизни, где бился он лицом к лицу с врагом спасения, где питались из рук его дикие звери, где особенно велика и глубока была тайна между Саровским отшельником и взиравшим на подвиг его Богом...

И, уезжая из этих мест, вы чувствуете, что отрываетесь от чего-то, стоящего выше земли и уже мечтаете: „я сюда вернусь”...

Е. Трояновская

ДОБРО И ЗЛО*

Глава седьмая

ЧЕЛОВЕК – ОБРАЗ БОЖИЙ

*„И сотворил Бог человека по образу
Своему, по образу Божию сотворил его”.
Бытие 1, 27*

*„Образ есть неизреченная Твоя славы
и язвы ношу прегрешений”.
Ирмос канона, читаемого на отпевании*

В прошлый раз мы говорили о том, что душа божественна. Своей душой человек похож на Самого Бога. Господь Бог сотворил человека по Своему образу и подобию. Это значит, что душа не может умереть и что она свободна. Когда человек умирает, тело его разрушается, потому что оно часть природы, но то, что есть в человеке божественного, умереть не может, оно бессмертно, как бессмертен Бог. Не подумай, однако, что душа наша, такая,

* Главы из самиздатской рукописи „Добро и зло. Материалы для бесед с детьми о Боге”. В трех частях. Часть вторая: „Человек”. 1976.

какая она есть, со всем, что в ней есть плохого, похожа на Господа Бога. Она только может приблизиться к Богу, уподобиться Ему, если мы станем чистыми от грехов, прекрасными, светлыми, как Ангелы. Слова, что Бог создал человека по Своему образу и подобию означают, что у каждого человека, кто бы он ни был, есть в душе божественная частица и что она может бесконечно расти, расширяться, так что человек может достичь святости и чистоты и будет тогда уподобляться Богу, как капля воды уподобляется океану, или как ничтожная песчинка похожа на гору из того же камня. То божественное, вечное, что есть в душе человека — самое высшее и неумиряющее, называется духом.

Душевная жизнь — это чувства, мысли, желания; они есть у всех людей; духовной же жизнью называется нечто более высокое, это жизнь по закону божественной правды; такой жизнью живут не все люди, хотя каждый человек может и должен ее в себе развить. Духовная жизнь, — это такая жизнь, в которой человек старается уничтожить в себе все злое, греховное, дурное и сделаться достойным этого великого дара — быть образом Божиим.

Подумай, как много Бог дал человеку, когда сотворил его по Своему образу и подобию! Выше, святее, совершеннее Бога нет ничего. И Он дал человеку возможность стать подобным Ему, божественно прекрасным, а значит и беспредельно счастливым! Даже само слово „Бог” происходит от древнего (санскритского) слова „Бхагас”, что значит „счастье” или „дающий счастье”. Вот что значит быть человеком!

Один святой кланялся в ноги каждому, кого ви-

дел. Он кланялся, конечно, не самим людям, а образу Божию, который был в них и есть во всех людях. Оттого, что он был святым, он ясно видел в каждой душе, пусть даже и в душе очень грешного человека, образ Божий.

В старину даже незнакомые при встрече кланялись друг другу. Тогда был и такой обычай: в церкви прихожане подходили прикладываться к иконе по-двое, не выбирая друг друга, а просто по очереди, как стояли. Приложившись к иконе и поклонившись ей, эти двое кланялись друг другу. Иногда случалось, что подходили к иконе старик и мальчик. И вот старик с седой бородой делал низкий поклон ребенку. Ты понимаешь, что старик кланялся образу Божию, который есть даже во младенце. Он есть во всех. Вот почему нельзя никого обижать, ненавидеть, оскорблять. Это очень большой грех. Это значит оскорблять Бога. Образ Божий невидим в тех, кто живет в грехах, но и самый большой грешник — тоже человек. Можно и нужно осуждать плохие поступки, но нельзя за них ненавидеть того, кто их делает; надо ненавидеть грех, а не грешника. Каждый может исправиться. Если обращаться со всеми с любовью и ласково, то можно устыдить самого грубого человека.

В одном монастыре жил старец, великий подвижник. Он исполнял там такую работу, что должен был управлять несколькими другими монахами. Однажды этот старец послал своего подчиненного за каким-то делом. Тот не хотел идти и стал спорить. Старец опять повторил, что надо идти. Тогда этот монах так рассердился, что назвал старца собакой хотя старец был святой человек, но сам себя считал большим грешником. Это понятно. Чем лучше че-

ловек, тем больше он видит в себе недостатков. Так бывает во всяком деле. Плохой музыкант, который только начал учиться играть, думает, слушая себя самого, что игра его очень хороша; а знаток музыки, первоклассный скрипач или пианист всегда недоволен собой: он понимает, что можно играть еще лучше. Старец считал себя недостойным грешником, а всех других любил и не осуждал. Поэтому на злые слова монаха он не обиделся, а ласково ответил: „Пожалуйста, называй меня всегда собакой — это мне будет очень полезно”. Монаху стало так стыдно, что он заплакал. С тех пор, он больше никогда не говорил грубо ни с кем. Старец этот был святой: в нем был всем виден образ Божий. Мало кто может иметь такую великую кротость. Но каждый может и должен делаться лучше, чем есть.

Дополнительный текст к главе седьмой

Вот описание истинно прекрасного человека, сделанное тем, кто имел счастье постоянно его видеть. Этот человек и есть тот старец, который предложил называть его всегда собакой. Имя его — схимник Силуан. Он жил в русском монастыре* на Афонской горе и скончался там в 1938 году. Жизнь его, бедная внешними событиями, прошла в духовном подвиге и молитве.

Один высокообразованный монах этого же монастыря, по имени Софроний, проживший вместе со старцем четырнадцать лет, составил его жизнеописание.

* Св. великомученика Пантелеимона. — Р е д.

сание. Он называет старца „мужем гигантской силы духа” и пишет о нем так:

„Он долго молился с неудержимым плачем „Помилуй меня”; но не слушал его Бог. Прошло много месяцев такой молитвы и силы души его истощились; он дошел до отчаяния и воскликнул: „Ты неумолим!” И когда с этими словами в его изнеможенной до отчаяния душе еще что-то надорвалось, он вдруг на мгновение увидел Христа! Огонь исполнил сердце его и все тело с такой силой, что если бы видение продлилось еще мгновенье, он умер бы. После он уже никогда не мог забыть невыразимо кроткий, беспредельно любящий, радостный, непостижимого мира исполненный взгляд Христа, и последующие годы долгие своей жизни неустанно свидетельствовал, что Бог есть любовь, любовь безмерная, непостижимая. В течение всей своей жизни он совершал великий духовный труд и достиг „стяжания Духа Святого”, Который наполнил его, осветился в нем.

„Старец Силуан был малограмотный, по происхождению крестьянин, с простой, скромной внешностью, ростом выше среднего, крупный, но не великан, очень сильный физически человек, с небольшими темными глазами. Взгляд спокойный, мягкий, по временам пронизательно пристальный, часто усталый от многобдения и слез. Обычно лицо его было бледным, мягким, совсем не суровым, едва улыбающимся, спокойным, во всем умеренным.

„Так бывало обычно, но иногда он преображался до неузнаваемости. Бледное, чистое лицо с каким-то особым просветленным выражением бывало настолько поразительным, что смотреть на него не было сил. Глаза, при взгляде на его лицо, опу-

кались. Невольно вспоминалось Священное Писание, где говорится о славе лица Моисея, на которую не мог взирать народ...

„От природы у него был живой, сообразительный ум, а долгий опыт духовной борьбы, внутренней умной молитвы, опыт исключительных страданий и исключительных Божественных посещений сделал его нечеловечески мудрым и проницательным.

„Старец Силуан был человеком чрезвычайно нежного сердца, исключительной чуткости и отзывчивости на всякую скорбь, на всякое страдание, при полном отсутствии болезненной женственной чувствительности...

„Неусыпная внутренняя напряженность не имела и тени нервозности.

„Достоинство немалого удивления великое целомудрие этого мужа при его столь могучем и сильном теле. Он крепко хранил себя от всякого даже помысла, неугодного Богу, и несмотря на это, он совершенно свободно, непринужденно, с любовью и приветливостью обращался со всеми людьми, не обращая внимания на их нечистоты: он искренно и глубоко скорбел, зная об их падениях, как любящий отец или мать скорбит о преткновении своих нежно любимых детей.

„Искушения он встречал и переносил с великим мужеством.

„Он был человек удивительно свободный и вполне бесстрашный, но вместе с тем в нем не было и намека на дерзость. Бесстрашный, он ничего не боялся, но перед Богом он жил в страхе: оскорбить Бога хотя бы дурным помыслом он действительно боялся. Большого мужества, он в то же время был

исключительной кротости. Мужество и кротость — редкое и необычайной красоты сочетание.

„Старец был человек глубокого подлинного смирения, смирения и перед Богом и перед людьми. Он любил отдавать другим предпочтение, любил быть меньшим, первым приветствовать, взять благословение от носителей духовного сана, особенно епископов и игумена и делал это без всякого человекоугодия и заискивания. Он искренне почитал людей с саном и положением или образованных, но никогда в нем не было зависти или унижения, быть может потому, что он глубоко сознавал тленность всякого мирского положения или власти, или богатства, или даже научных познаний...

„ ... Внешнее поведение сего мужа было подлинно свободным и простым, и в то же время его несомненным качеством было внутреннее благородство, аристократизм, если хотите, в высшем смысле этого слова. При общении с ним в самых разнообразных условиях, человек даже самой тонкой интуиции не мог бы заметить грубых движений сердца: отталкивания, неуважения, невнимания, позы и т. п. Это был воистину благородный муж, как может быть благородным только христианин...

„В нем не было гнева как страсти; он был исключительной мягкости, уступчивости, послушания, но при этом у него была великая твердость сопротивления всему ложному, лукавому, гнусному: не прилеплялось к нему осуждение, пошлость, мелочность и подобное. Здесь проявлялась его упорная неподатливость, но так, чтобы не оскорбить принесшего что-либо подобное, не оскорбить не только внешне, но, что главное, внутренним движением

своего сердца, так как чуткий уловит и его, и почувствует скорбь...

„По существу это был человек нежной умиленной любви, но никогда он не проявлялся сентиментально, а пребывал прост и ровен.

„Редкой силы воли — без упрямства; свобода, бесстрашие и мужество — с кротостью и мягкостью; смирение и послушание — без униженности и человекоугодия. Это был подлинно человек — образ и подобие Бога.

„Общение со старцем носило особый, исключительный характер: совершенная простота и непринужденность, полная свобода от какого-бы то ни было стеснения, боязни в чем-либо ошибаться, глубокая уверенность, что ничто, никакое действие твое или слово неловкое, или даже нелепое не встретят в ответ жесткого толчка; в его присутствии к сердцу не прикоснется боязнь ни за что. И в то же время какая-то самая внутренняя струна души напрягалась последним молитвенным напряжением, чтобы удостоиться дышать тем духом, какого он был исполнен.

„Когда вы входите в место, исполненное благоухания, то грудь ваша невольно раскрывается, чтобы глубоким дыханием воспринять это благоухание всем своим нутром. Такое же движение души наблюдалось при общении со старцем. Спокойное, не болезненное, мирное, но вместе с тем очень сильное, глубокое желание овладевало душой — воспринять благоухание той сферы духа Христова, в которой дано было жить старцу”.

Глава четырнадцатая

ЧТО ЖЕ ДЕЛАТЬ, ЧТОБЫ НЕ БЫЛО ЗЛА?

„Странно, человек возмущается злом, исходящим извне, от других, тем, чего устранить не может, а не борется со своим собственным злом, хотя это в его власти”.

Марк Аврелий

„Стяжи дух мирен и тысячи около тебя спасутся”.

Преп. Серафим Саровский

Что же делать, чтобы не было на земле зла, чтобы не мучали люди друг друга, чтобы всем было хорошо? Может быть надо собрать всех, кто делает зло, и посадить их в тюрьму или убить? чтобы остались на земле одни добрые люди. Ты сам, конечно, уже понимаешь, что это было бы плохим и глупым решением. Во-первых, этого нельзя сделать потому, что если бы добрые решили извести злых, то они сами перестали бы быть добрыми, потому что они сделали бы этим страшный грех, сделали бы зло. Во-вторых, как можно отделить злых от добрых? Каждый человек может стать и добрым и злым. Каждый человек может исправиться; некоторые святые раньше были большими грешниками. Что же надо делать? Конечно, надо стараться, чтобы все люди стали лучше. А как этого достичь?

Жили были две женщины, две хозяйки. Обе они очень любили чистоту и порядок и хотели бы, чтобы у них в доме всегда все блестело, все было при-

брано, все на своих местах. На несчастье ни у той, ни у другой не было своего дома. Одна жила в общежитии, а другая в общей квартире, где было очень много других жильцов. Все соседи этих хозяек были неаккуратные, неряшливые люди; все у них было разбросано. Сор они не выметали. Если разливали воду, когда мылись, то не вытирали за собой пол. Везде была грязь и беспорядок. Одна хозяйка все время сердилась за это на соседей и кричала им: „Бесовестные, как вам не стыдно! Что я одна за всех должна убирать? Свиньи вы, а не люди! Но погодите вы, я заставлю вас жить, как следует!” И она бегала жаловаться в домоуправление. За это все соседи ее терпеть не могли и даже нарочно старались сделать ей назло. В квартире этой, после того, как туда переехала эта женщина, не только никто не стал вести себя лучше, а наоборот, жить стало прямо невыносимо.

Другая женщина, та, что жила в общежитии, тоже очень огорчалась, когда видела, что по чистому полу, который она только что вымыла, идут в грязных сапогах. Но она никого не ругала, не сердилась, а брала тряпку и убирала грязь молча. Она не осуждала тех, кто делал беспорядок, а когда они уходили на работу, прибирала как свой уголок, так и чужие углы, ставила цветы в баночке, повесила в общей комнате чистые занавески. Все ее любили, а любив, не могли больше делать то, что было ей неприятно; поневоле, чтобы не заставлять понапрасну работать эту добрую, кроткую женщину, стали тоже заботиться о чистоте. К тому же в общежитии после того, как она туда переехала, сделалось так светло и красиво, что и сами жильцы поняли, насколько это лучше. И вот как-то эта женщина, кото-

рая совсем не думала никого исправлять, мало-помалу исправила своих соседей.

Почему же так получилось? Конечно, потому, что вторая хозяйка была добра сама и любила, а не осуждала других. Так бывает всегда. Запомни это на всю твою жизнь. Если ты хочешь уничтожить зло в других, старайся быть лучше сам. А уничтожить зло злом то же, что заливать огонь бензином.

Глава пятнадцатая

ВСЕ ПРАВИЛА В ОДНОМ

Вот ты слышал в прошлый раз о том, что от греха происходят все виды зла на земле. Грехов очень много. Есть среди них очень важные и есть менее важные. Есть такие, которые бывают у одних и почти не бывают у других людей. Но есть один такой недостаток, который непременно существует во всех людях. И он-то как раз и есть самый главный. Он-то и есть начало всех остальных грехов. Знаешь, что это такое? Это любовь к самому себе. Чем в человеке ее меньше, тем он лучше.

Посмотри, что делается, когда бросают корм курам. Все они слетаются к нему и стараются схватить побольше, оттолкнуть других: каждая думает только о себе. Такой же эгоизм есть и в людях. Один хочет из жадности все взять себе, другой хочет, чтобы все ему служили, третий старается, чтобы его хвалили, а других унизили. Но ведь это и значит быть похожим на животных. Разве это достойно человека? Разве так повелел Господь Бог?

Есть одно правило, одно единственное. Если его исполнять, никогда не будешь похож на живот-

ных, всегда будешь поступать хорошо, кем бы ты ни был, в какой бы стране ты ни жил, с какими бы людьми ни встречался.

У одного короля был сын. Звали его принц Фредерик. Принцу уже было десять лет, а он до сих пор совсем не умел себя вести. Его очень избаловали потому, что других детей у короля не было, а королева умерла. От природы у Фредерика было доброе сердце; поэтому ничего особенно плохого он не делал, но он просто не думал о других, никому не помогал, да и держать себя не умел; сидел развалясь, перебивал речь старших, брал горстями со стола, что ему хотелось, надменно говорил с придворными, а если приставленный к его особе камер-лакей чем-нибудь ему не угождал, то он мог его и ударить.

Вдруг король получил известие, что другой король, его сосед, владевший огромной страной, созывает к себе молодых королевичей на смотр. У него нет наследников и он хочет, пока жив, выбрать жениха для своей внучки, принцессы Ильзы. Когда он выберет того, кто ему понравится своим характером, поведением и воспитанностью, то он обручит его с принцессой, а через несколько лет, после того, как молодые люди поженятся, все королевство перейдет к мужу принцессы, и он сам станет королем.

„Боже мой! — вскричал король, отец Фредерика. — Что нам теперь делать? До смотра осталось всего десять дней. Я сам понимаю, что принц, мой сын, так дурно воспитан, что его сразу забракуют. А как бы мне хотелось присоединить эту страну к своей! Скорей созовите лучших учителей хороших манер и пусть принц Фредерик учится с утра до вечера!”

Главный церемонимейстер двора призвал лучших

учителей и под его наблюдением они начали один за другим говорить принцу: „Нельзя так сидеть, нельзя так ходить, нельзя так кланяться, нельзя класть локти на стол. Нельзя громко есть. Нельзя свистеть в комнате. Нельзя, нельзя, нельзя, нельзя, нельзя...”

У принца была плохая память. Ему и самому хотелось понравиться королю, дедушке Ильзы. Но он не мог запомнить всего, что ему говорили. Ведь ему надо было выучить в десять дней то, что другие дети выучивали за десять лет. Только он запомнит, что надо спросить „можно?“, входя в чужую комнату, как забудет, что нельзя сидеть, когда старшие стоят. Только он это запомнит и встанет, как забудет, что надо предложить вошедшему стул. Только он запомнит и это, как ему говорят: „Нельзя так стучать ногами. Нельзя так разглядывать костюм того, с кем разговариваешь... Все это неуважительно. Нельзя молчать, когда тебя спрашивают. Нельзя держать руки в карманах...” И опять нельзя, нельзя и нельзя.

„Сколько же правил я должен запомнить?” — спросил принц.

„Мы не считали их, ваше высочество, — сказали учителя. — Но наверное их несколько тысяч”.

Тогда принц страшно рассердился, затопал ногами и закричал, что больше он учиться не будет. Все равно он не может запомнить столько правил.

Король был вне себя. До отъезда оставалось уже только три дня, а поведение и манеры принца по-прежнему никуда не годились.

Тогда король созвал совет своих министров. На этом совете было решено обратиться к одному старому-старому мудрецу и спросить его нельзя ли

сократить число правил поведения, хотя бы до пятидесяти самых главных.

Мудрец на это ответил так: „Можно сократить число этих правил до одного. Кто знает только это одно правило, знает все остальные, хотя бы их число было сто тысяч. Я научу принца Фредерика за один час”.

Все были поражены. Мудреца пригласили во дворец и он сказал принцу: „Для того, чтобы быть не только хорошим, но и даже хорошо воспитанным, как полагается принцу, ты должен только считать, что все другие лучше тебя и потому всех любить и уважать. Если будешь думать прежде всего о других, а потом о себе, ты ничего не сможешь сделать плохого или неприятного, а это и будет хорошим поведением. Все правила, которые ты не смог запомнить, будут тогда исполняться сами собой”.

„Это все-таки очень трудно, — сказал принц. — Как же я смогу думать, что наш шут, горбатый карлик, лучше меня? Как я могу его полюбить, когда он мне так противен? Даже моего камерлакея с его длинным носом, который гораздо лучше карлика, я никогда не смогу полюбить”.

„А ты делай вот как, — сказал мудрец. — Ты помни, что карлик в действительности вовсе не карлик, а прекрасный принц, только его заколдовала злая волшебница; когда ты будешь говорить с ним, ты не обращай внимания на горб и говори не с карликом, а с принцем, который в нем заключен. Тогда ты увидишь, что карлик и в самом деле заколдован”.

„А лакей тоже заколдован?” — спросил Фредерик.

„Да и лакей и все другие”, — отвечал мудрец.

Принц очень удивился, но обещал попробовать.

„Только смотри, — прибавил мудрец, — никогда не отступай от этого правила. Оно действует не сразу. Если будешь его твердо помнить и ничем не смущаться, то, в конце концов, ты сможешь снимать колдовство этой волшебницы и с тобой всегда будут разговаривать только принцы и принцессы вместо шутов и лакеев”.

Тогда принц побежал искать карлика. По дороге он открыл дверь и дал пройти вперед министру, который шел к королю с докладом, потом поднял платок придворной даме, заметив, что она его уронила. Проходя по зале, полной придворных, он было громко запел по своему обыкновению, но быстро спохватился, подумав, что это наверно будет неприятно другим, таким серьезным и важным людям, которые все, как сказал мудрец, лучше его. Он улыбнулся виновато и сказал: „Простите пожалуйста, я забыл, что я не один”.

„Что за чудеса! — зашептали придворные, когда за Фредериком закрылась дверь. Сколько новых правил вежливости успел выучить его высочество за какие-нибудь полчаса. Интересно, что за способ обучения у этого мудреца!? Ведь когда принца обучали мы сами, он не мог запомнить больше одного правила за урок”.

А Фредерик между тем, пройдя двадцать пять зал дворца, встретил, наконец, в двадцать шестой зале горбатого карлика и сказал ему: „Здравствуйте!” с приветливым видом. Раньше он никогда с ним не здоровался и часто его дразнил. Шут подумал, что Фредерик и сейчас смеется над ним. Он тряхнул бубенчиками своего колпака и стал кривляться и болтать по обыкновению всякий вздор.

Он нарочно делал гримасы, прыгал и катался по полу, чтобы рассмешить Фредерика. Но Фредерику совсем не было смешно, наоборот, ему было грустно. Он старался не смотреть на тупое, противное лицо шута и приказал ему встать. Шут продолжал кричаться. „Если правда, что это заколдованный принц, то как, наверное, ему тяжело ходить в дурацком колпаке и сносить насмешки” — думал Фредерик и как, наверное, ему больно делать все эти фокусы с его горбатой спиной! Попробую заговорить с этим принцем”. „Встаньте, пожалуйста, прошу вас, — сказал Фредерик, — ведь я знаю, что в действительности вы такой же принц, как и я. Как это ужасно, что вам приходится быть шутком. Мне очень, очень стыдно, что я тоже мучил вас. Простите меня. Я тогда ничего не понимал!”

Карлик вскочил и бросил на него быстрый и умный взгляд. Он все еще не знал, не шутка ли это. Но Фредерик подошел, положил ему руки на плечи и ласково посмотрел ему в лицо. И тогда лицо карлика вдруг изменилось и его глаза наполнились слезами. И глаза эти были так прекрасны, так непохожи на те, которые раньше знал Фредерик, что он увидел в них совсем другого человека. Это были глаза заколдованного принца. Потом свет в глазах шута потух, но Фредерик уже знал, что он может загореться. Он разговорился с карликом и с тех пор навсегда его полюбил. Больше он не позволял никому обращаться с ним жестоко. А карлик сделался самым преданным из его подданных и просто жить не мог без него. „Как я раньше не видел, какой он милый, добрый и умный”, — думал Фредерик.

Через день после встречи с карликом, Фредерик с пышной свитой отправился на смотр. Он уже по-

нимал, что мудрец сказал правду. Поэтому он совсем переменял свое обращение с людьми. Все заметили, что он стал скромным, ласковым, внимательным, не говорил того, что могло бы обидеть, а наоборот, старался каждому сделать что-нибудь приятное.

„Как хорошо воспитан принц Фредерик!“ — сказала принцесса Ильза, когда познакомилась с ним. Впрочем другие королевичи тоже были хорошо воспитаны. Они кланялись, танцевали, подносили букеты принцессе, читали ей стихи и отвечали на вопросы короля по всем правилам вежливости. Они были любезны и приятны. Друг друга, однако, они не любили, а с низшими обращались свысока. Принц же Фредерик верил, что другие принцы лучше его. Поэтому он почти не надеялся, что будет выбран. „Принцесса слишком хороша для меня!“ — думал он. Он от души хвалил других, а когда раздавали подарки, не спешил получить самые лучшие.

Старый король все это заметил. Когда он спросил внучку, кто лучше всех, она воскликнула: „Конечно, принц Фредерик! Он такой добрый и милый! Его нельзя не полюбить!“

Вскоре состоялось торжественное обручение. Гремела музыка, стреляли из пушек и был задан невиданный пир, а счастливец принц Фредерик получил не только прекрасную Ильзу вместе с ее королевством, но и умение привлекать к себе сердца.

Наверное ты уже догадался, что думал мудрец, когда говорил, что каждый человек, даже самый невзрачный на вид и как будто неприятный, в действительности заколдованный принц?

Конечно он думал о душе человеческой, о светлой душе, данной Богом всем людям.

А. Волков

ВСКРЫТИЕ МОЩЕЙ
ПРЕПОДОБНОГО СЕРГИЯ РАДОНЕЖСКОГО

11 апреля 1919 года неожиданно было произведено вскрытие мощей.

Часа в три дня я зашел в о. Варфоломею. У него уже был в гостях о. Евгений Воронцов. Мы мирно разговаривали о чем-то. Время шло.

Вдруг о. Варфоломея вызвали. Он скоро вернулся и сообщил нам, что им получено из Лавры известие, что сегодня в 6 часов вечера начнется вскрытие мощей Преподобного. Уже собираются представители власти и общественных организаций.

Тут к Варфоломею пришли Вассиан, Иоасаф и брат Иллариона архим. Даниил, живший в его квартире (в это время они все еще жили в Академии, в инспекторском корпусе).

Иоасаф узнал, что монахов всех беспрепятственно будут пропускать в Собор, в котором к этому времени закончилась вечерня. Варфоломей сказал,

Отрывок из воспоминаний о Московской Духовной Академии. — Самиздат.

что всех богомольцев, бывших в Троицком Соборе, удаляют из Лавры через ворота в южной стене, которые в обычном разговоре назывались „девческими“, так как они были рядом с башней, в которой помещались монастырские певчие.

Святые и Успенские ворота уже закрыты и охраняются военными курсантами. Колокольня тоже окружена ими, а ключи от нее у монахов отобраны. Потом я узнал, что то же было сделано со всеми колокольнями приходских церквей в Посаде. Около каждой запертой колокольни стоял вооруженный часовой. Это было сделано, чтобы избежать тревожного колокольного звона.

О. Иоасаф сказал, что он немедленно пойдет в Собор, т. к. хочет лично все увидеть. Варфоломей, Вассиан и Даниил категорически заявили, что они ни в коем случае не пойдут.

— А сколько времени будет продолжаться вся эта процедура? — спросил я о. Евгения.

— Да думаю, что к полуночи кончат, — сказал Варфоломей. Видите, как бегают коммунисты по академическому саду? У них состоится сначала какое-то совещание в нашем актовом зале. Говорят, что и наместника пригласят туда.

Мы подошли к окнам. Действительно, было видно, как вереница людей приходила по дорожке к левому входу „чертогов“. Около наших окон бегали и сутились курсанты, среди них комиссар Шатагин, которого мы все знали в лицо, т. к. он был женат на дочери посадского протоиерея благочинного К. ... к великому соблазну как верующих, так и коммунистов. Он давал курсантам какие-то указания.

О. Даниил ужасно разволновался и рассердился:

— Ах, он такой-сякой, а еще попов зять! В какое дело ввязался к стыду своего тестя! Я сейчас крикну ему в форточку: „Попов зять!” И он уже лез на стул перед форточкой. Насилу мы его оттащили.

— Что вы, отец Даниил, да они нам все окна перебьют со злости, а то еще и хуже что-нибудь сделают...

Насилу он успокоился и ушел наверх в квартиру брата. О. Евгений тоже страшно разволновался: — Мне надо непременно идти домой! — Он пригласил меня ему сопутствовать. Я подумал, что если до полуночи не вернусь домой, то моя мама будет беспокоиться обо мне, а особенно, когда до нее дойдут слухи о том, что творится в Лавре.

Мы отправились. Некоторых случайно запоздавших богомольцев выпускали через калитку в Успенских воротах, которые изнутри и снаружи охранялись вооруженными курсантами. Увидев нас, они категорически отказались нас выпустить. О. Евгений был в рясе, а меня они все хорошо знали, я довольно помозолил им глаза в Лавре и вряд ли вызывал в них добрые чувства.

— Нет, вас мы не выпустим. Вы пойдете народ бунтовать. Сидите у себя в Академии.

Пришлось воротиться. О. Евгений никак не мог успокоиться. Варфоломей говорил ему, что он может ночевать у него в кабинете, он устроит его со всеми удобствами на большом турецком диване: — Ну, а без своих книг вы как-нибудь уж проведете один вечер, — добродушно шутил он. Но Воронцов не переставал волноваться и вздыхать.

— Пошли, пошли, пошли! — воскликнул Иоасаф.

— Сергей Александрович, пошли со мной!

Я заметил, что ведь он сам сказал, что беспре-

пятственно будут пропускать только монахов.

— А вы надевайте мою рясу и клобук или скуфью!

Но я не согласился на такой маскарад, да еще в такую минуту.

Иоасаф ушел. Мы стали разговаривать. О чем говорилось в такие минуты, не помню. Если бы говорили о чем-либо важном или интересном, то наверное запомнилось бы. Мы говорили только для того, чтобы хоть сколько-нибудь утишить то волнение, которое было вызвано совершившимся событием, которое трудно было осмыслить сразу.

Всех глубоко волновал вопрос: что представляют собою мощи. Вассиан рассказал мне, что незадолго до революции в раке начался пожар. „Дело было так, — сказал он. — На ночь Собор запирали. В притворе Николая Угодника оставался дежурный монах. Дверь из притвора в Собор тоже запирали, так что монах не мог войти в Собор, но в железной двери сделано было небольшое окошечко, через которое можно было видеть раку, так как она была прямо напротив двери и над ней горели три неугасимые лампы всю ночь. Крышка раки на ночь опускалась и закрывала раку.

И вот однажды дежурный монах заметил, что в щелку из-под крышки выбивается струйка дыма. Он тотчас же разбудил Наместника (о. Кронида) и сообщил ему о виденном. Наместник тотчас же вызвал к себе Ректора Академии епископа Феодора и проживавшего в Лавре на покое архиепископа Никона. Втроем, без участия кого-либо из других монахов, они освидетельствовали Раку.

Горела вата, которую клали по краям раки для раздачи богомольцам. По-видимому, в раку при

каждени во время вечернего богослужения из кадилаицы незаметно упала истра, она еле тлеа в вате и только к нои загорелись некоторые покровы и пелены, положенные на мощах. Их было довольно много. Частью эти покровы сгорели в тлеющем огне. А под ними были совершенно целые мощи в полной сохранности и от огня не пострадали. То же сообщил Наместник Лавры монахам”.

Слух об этом пожаре дошел и до нашей гимназии, где я тогда учился в 8-м классе. По поручению директора, который получил, по-видимому сведения из Лавры, нам наш законоучитель о. Смирнов сообщил то же, что ректор Академии студентам. Потом все позабылось. А теперь все вспомнилось, и мы невольно ждали, что будет.

Решили ждать прихода о. Иоасафа, который сообщит все. Иоасаф пришел около 12 часов и сказал, что мощи целы, но сохранились в виде древних костей. Частично руки и ступни ног превратились в прах. Никаких подделок, о чем много писали в газетах и журналах Наркомюста „Революция и Церковь” по поводу вскрытия мощей в других городах и монастырях, не было. На мощах лежало много пелен и покровов, и они-то и придавали им вид как бы мумифицированного тела. Все мы несканно обрадовались такому известию. На душе стало спокойнее.

Иоасаф сказал также о самом порядке вскрытия: не было никаких грубых выходов, никакого бесчинства. Все производилось тихо, спокойно, можно сказать, деловито. Все время велся протокол, который всех присутствующих заставили подписать.

— А ты подписал? — спросили его Варфоломей,

Вассиан и подошедший к этому времени Даниил.

— Нет, мне удалось увернуться от этой неприятной обязанности, — сказал Иоасаф.

— Ну и слава Богу! — сказали они. — Молодец, что сумел избежать этого неприятного рукописания.

Не помню, когда и как исчез о. Евгений. Но при рассказе о. Иоасафа его уже не было. Вскоре и я решил двинуться домой. Было уже далеко за 12 часов ночи. Кое-как мне удалось выбраться через калитку в Успенских воротах, и я сразу очутился среди конных и пеших военных, которые удерживали толпу, пытавшуюся прорваться в Лавру. Пробравшись между ними с трудом, и оборвав при этом несколько пуговиц с пальто, я очутился в кипящей толпе.

Под темным небом происходило что-то невероятное. Грухой говор, споры, иногда резкие вскрики, доносившиеся со стороны Св. Ворот, отрывки молитвенного пения, ржание коней, истерические женские голоса, визг, брань — все смешалось в сплошной гул.

Видя, что я вышел из ворот, ко мне бросилась кучка женщин. Они узнали меня, что я из Академии (наверное, не раз видели в академическом храме, где я уже несколько месяцев был церковным старостой).

— Вы были в Соборе? Что там? Что нашли? Какие мощи? — засыпали они меня вопросами.

— Я в Соборе не был, но мне сказал о. Иоасаф, который был там во все время вскрытия, что мощи Преподобного целы, но они сохранились только в виде ветхих костей...

— Врет он, — резко перебил меня какой-то муж-

чина в солдатской шинели, — вместо мощей, доску нашли!

Что тут началось! Крики, брань, вопли:

— Молчи уж, окаянный! Конечно, мы не тебе поверим, а словам батюшки о Иоасафа!..

Он пытался сказать еще что-то, но одна из женщин, интеллигентная особа, судя по одежде, закричала:

— Что вы его слушаете? Бейте его! — И бросилась на солдата, размахивая небольшой палочкой. Остальные, совсем простые женщины, в тулупах и кацавейках, бросились на него с кулаками... Солдат пустился наутек.

Мне даже смешно немножко стало от такой сцены. Но я вспомнил о маме, которая ждет меня и беспокоится, и поспешил домой на Штатную Всехсвятскую улицу, ведущую к Кукуевскому кладбищу, где я тогда жил. Действительно, мама не спала и ждала меня. Но она мне сказала, что она не очень беспокоилась, т. к. надеялась на мое благоразумие, а главным образом на то, что я был перед этими событиями в Академии.

— Твои отцы — такие умницы, они не пустили бы тебя в опасную кутерьму, — заметила она.

Надо сказать, что она, хотя никого из наших академических монахов не видела, т. к. из-за болезни ноги не выходила далеко от своего дома и не бывала в Лавре, но великолепно знала их всех по моим рассказам и составила о них самое хорошее впечатление. Я сообщил ей обо всем, что было, что я видел и слышал.

На другой день я узнал, что когда ворота в Лавре заперли, то на площадь тотчас побежали люди со всех концов города. Хотя власти и приняли меры

к тому, чтобы не было тревоги через звон на колокольнях, известие о том, что в Лавре будут вскрывать мощи, молнией пробежало по городу, и к шести часам вся площадь перед Лаврой была запружена народом. Люди, особенно женщины, старались прорваться так или иначе в Лавру. Говорили, что некоторые предлагали выломать кольями и бревнами Успенские ворота, которые не были чугунными, как Святые ворота, а деревянными, только обшитыми листовым железом. Конные и пешие красноармейцы и курсанты охраняли ворота.

Их пришлось на миг открыть, когда прибыли грузовики с электрооборудованием и киноаппаратами для киносъемки. Этим моментом хотели воспользоваться те, кто рвались в Лавру. Они бросились на отряды в надежде смять их, разъединить бойцов. Некоторые из военных выстрелили несколько раз в воздух (холостыми патронами, как мне потом кто-то рассказывал). Слава Богу! Жертвы ни одной не было. Лошади ржали, поднимались на дыбы, женщины пронзительно кричали, точно их резали на куски, но не отступали. Однако прорваться им не удалось. Ворота опять захлопнулись.

Потом рассказывали, что военный комиссар Посада Рейнвальд, которого впоследствии сергиевские жители знали как страстного любителя футбола и участника всех состязаний, чуть ли не почтенных лет, пытался уговорить народ, успокоить, но „какие-то остервенелые бабы” (мне так именно это и рассказывали уже несколько лет спустя) стащили его с лошади и порядком поколотили. Не знаю, насколько это верно. Мне впоследствии это рассказывали те люди, которые подтрунивали над его страстью к футболу и, видя его в трусиках на поле,

чуть ли не вдвое старше своих товарищей по команде, кричали: — Рейнвальд! Пора на свалку! — Он был благодушный человек и не обижался. Возможно, эти шутники придумали и вышеприведенное мною его злоключение в ночь 11 апреля на площади перед Лаврой...

Надо сказать, что организованные верующие, главным образом певчие церковных хоров, поспешили сообщить о происходящем посадским приходским священникам. Первым из них поспешил на площадь благочинный протоиерей Александр Петрович Константиновский, настоятель Рождественской церкви, которая была недалеко от Лавры. Возможно, что это произошло не только по случаю близости его квартиры, а и потому, что он был сильно скомпрометирован браком своей дочери в глазах верующих, и теперь спешил себя реабилитировать в их мнении. Откуда-то принесли аналой. О. Александр начал служить молебен преп. Сергию с акафистом. Певчие, среди которых было больше всего из академического хора, почти все — девушки и женщины (после отъезда студентов такой хор был организован в нашем академическом приходе иеромонахом Иоасафом, ставшим его регентом), подхватили пение, народ присоединился и, таким образом, острота положения сгладилась. На смену о. Александру прибыли другие священники, и так в течение всего времени вскрытия перед Святыми Воротами Лавры непрерывно служились молебны с акафистами, один священник сменял другого.

Монахи, запертые в Лавре, конечно, не могли принять в этом участия. Я слышал, что на другой день Наместник Лавры сердечно поблагодарил священство посадское за их молитвенную помощь в

трудную минуту: „Мы в Соборе должны были молчать, а вас Господь вразумил и сподобил помолиться в такие часы!” — говорил он.

Когда я вырвался из ворот, заканчивался последний молебен, уже становились в очередь люди, желавшие, как только откроются ворота Лавры, войти и поклониться мощам Преподобного, ставшего в эту ночь „Великомученником”, как тогда говорилось. Эту идею потом, на молебне в Соборе на следующий день, выразил в своей проповеди о. Вассиан. Действительно, на другой день, едва я только проснулся, как услышал громовый голос лаврских колоколов. Звонили полиелейным звоном, как в самые большие праздники.

Наспех одевшись и ничего не евши, (правда, в те дни и есть-то было нечего!) я поспешил в Лавру. От небольшой часовни, стоявшей на площади около красных торговых рядов (теперь в ней помещается охотничий магазин), до самого Собора тянулась большая очередь стоявших по четыре в ряд людей, желавших приложиться к мощам. Очередь двигалась крайне медленно.

Когда я подошел к Собору, то в него пройти, казалось, было невозможно. Даже около Собора стояла довольно плотная толпа людей. Два лаврских монаха, кажется, отец Диомид и еще кто-то, смогли меня провести через южный ход, возле „Серапионовской палаты”, и я смог в Соборе устроиться на хорошее место, недалеко от раки с мощами, возле места, где обычно стоял дежурный иеромонах, служивший молебны по просьбам богомольцев. Мне было почти все видно.

Собор был освещен всеми паникадилами, на огромном подсвечнике перед ракой пылало неуга-

савшее пламя огней; сгоревшие свечи непрерывно заменялись другими. Отец Вассиан сказал краткое, но непередаваемо сильное слово, во время которого раздавались плач и даже рыдания в толпе народа. Потом начался молебен с акафистом Преподобному. На клиросах вместе с монахами пели и хоры мальчиков. „Радования” в акафисте, тропарь Преподобному, некоторые молитвы — пел весь народ. Общенародное пение вообще началось после посещения Лавры Собором и происходило и на литургиях, всенощных, молебнах.

Тут я вспомнил сетования некоторых церковных писателей, даже духовных лиц, на то, что славянский язык непонятен и чужд народу, что следует в богослужение ввести русский язык, если не полностью, то по крайней мере частично. Об этом тогда немало говорилось на разных церковно-общественных собраниях и в религиозных журналах. Какая ошибка! Какое незнание души русского народа! Его разумения в области церковного богослужения!

Русский простой народ, все эти „бабы и мужики”, „парни и девки”, особенно старики и старухи, — они все прекрасно понимают славянский язык богослужения, разве только за исключением особенно древних и трудных слов, они знакомились с ним в школах, а еще больше и лучше изучили его во время своих постоянных, частых и прилежных посещений церкви и в будничные, а особенно в праздничные дни, во время своих паломничеств ко святым местам, и они с жаром, с любовью поют эти священные слова, звучащие столь возвышенно и проникновенно по-славянски, мало того, вполголоса повторяют эти святые слова, когда их про-

износит священник или дьякон, когда в храме читается Евангелие или Апостол...

Для них эти слова — священные глаголы, они сроднились с их звучанием по-славянски, столь величественным и прекрасным, рождающим самые благоговейные чувствования и отклики в их христианской душе. Для них странно, пожалуй, и дико зазвучат эти святые слова, будучи произнесены в хоаме во время богослужения по-русски. Я знаю силу и величие русского языка. Но не прибегает ли и он к славянизмам, когда надо говорить о самом возвышенном в жизни человека?! И люди, желающие заменить в богослужении славянский язык Святых просветителей Кирилла и Мефодия современной русской речью, глубоко заблуждаются, думая, что этим они радеют о простом народе. Они этим хотят угодить не ему, а русским „образованным“, рационалистически воспитанным и мыслящим людям, оторванным от исконного народного мироощущения и жизнепонимания.

Им-то, для которых понятны и близки разные кантианства, гегельянства и шеллингянства, материализмы, позитивизмы и прочие „-анства“ и „-измы“, и кажется чужим славянский язык, материнская основа и отеческое благословение, переданные нам нашими великими предками, тружениками, страдальцами, добродетелями, премудрыми творцами всего прекрасного и благородного на нашей земле, создавшими и наш великий русский язык, произросший из великолепных и мощных славянских корней и сохранивший свою прародительскую основу, несмотря на все заимствования из иностранных речений, а лишь обогативший ими свое незыблемое, священное основание — язык славных славян!

Я сделал большое отступление. Это свойственная мне стилистическая манера, вытекающая из стиля самого моего мышления. Я воспринял ее от моих учителей — архимандрита Иллариона, профессоров С. С. Глаголева и П. А. Флоренского, навсегда дорогих и незабвенных для меня. И написал это потому, что и в наши дни то и дело возникает вопрос об „устарелости” славянского языка в богослужении, как аналогичный вопрос об устарелости латинского языка возникает сейчас на 2-м Ватиканском Соборе у католиков. И в последнем случае я готов стать на сторону католических традиционалистов, а не „обновленцев”, как именуется направление их противников. Но о значении латинского языка я уже говорил, когда рассказывал об о. Евгении Воронцове.

Да будет прощено мне столь большое отступление. Думается, что оно не будет лишним в моих воспоминаниях. Возвращусь к прерванному повествованию.

По окончании молебна, прерванного время прикладывания к открытым мощам Преподобного Сергия, приложился и я. Помню свое первое впечатление. Открытая рака ярко освещена множеством горящих свечей на подсвечнике. Все покровы и пелены убраны. К стенкам раки отодвинуты ветхие ткани, частично пожелтевшие, по-видимому составлявшие одеяние Преподобного при погребении и обвивавшие его тело. Они напоминают грубую мешковину.

Известно, что Преподобный, по великому смирению своему, завещал предать тело свое земле-матери самым скромным, самым смиренным образом. Среди этих ветхих обрывков лежат честные кости

Святого. Отчетливо выделяется череп, коричневатого, шоколадного цвета, и небольшое количество волос, рыжеватых, слегка с проседью.

Долго рассматривать было нельзя.

Потом, работая в Загорском музее-заповеднике, я имел возможность рассмотреть все подробно. Но результат такого внимательного рассматривания мало что добавил к первому впечатлению. Разве только сероватый оттенок остальных костей и прах, тоже сероватый от рассыпавшегося тела и части костей. Я приложился к черепу Преподобного. От него исходило очень слабое, но все же осязаемое благоухание розового масла. Это, наверно, — от опрыскивания розовым маслом покровов, лежавших на мощах.

Хочу сделать еще одно отступление, необходимое, по моему мнению, в данном случае, т. к. я описываю ощущения, испытанные мною почти тотчас после открытия мощей, после многовекового пребывания их укрытыми, почти „затворенными”.

Мне приходилось в Музее изящных искусств в Москве видеть в Голенищевском собрании мумии египетских фараонов. Они на меня произвели тяжелое впечатление. Они были для меня — только разрушением человеческого естества. „Вот они, — думал я, — владыки, почти земные боги, как много значили они в дни своей жизни! Как жалки и беспомощны они сейчас, лежащие на удивление и праздное посмотрение, даже просто — глазение людей, из которых мало кто знает о них все прошлое, а просто смотрят, уходят и забывают. Их тела искусственно сохранены и дошли до нас через тысячелетия. Но нам чужды эти останки, мы равнодушны к ним как к таковым, нас интересует разве

лишь одна седая древность, гласящая этими мумиями. Мне не только не хотелось прикоснуться к этим мумиям, но даже было неприятно такое физическое прикосновение к *праху, персти земной*. Достаточно поглядеть — и все. Ибо это были только люди, а теперь прах этих людей.

Думалось о том, что они когда-то жили, думали, чувствовали, действовали, а теперь они — *только прах*. Чувствовалось величие древности, тягота веков, но о них, как людях, почти не думалось. Я тогда, осматривая музей, погладил слегка по спине древнего сфинкса, которому было три или четыре тысячелетия. Мне захотелось физически почувствовать древность. Но если бы кто мне предложил прикоснуться к самой мумии, то я ни за что на это не согласился бы. И совершенно невысказанным и сумасшедшим показалось бы мне предложение поцеловать мумию.

А вот видя мощи Преподобного Сергия, я почти ни минуты не думал о его эпохе, о древности этих останков, а только глубоко чувствовал их *святость*, которая делала их для меня — невыразимо словами, но понятно душою — *родными, близкими, милыми*, какою-то частью и моего малого существа. Я с благоговением приложился к ним, поцеловал этот смиренный череп, *и было это целование для меня как бы прикосновением к деснице Преподобного, словно я видел его живым перед собою*.

Сколько людей позавидовало бы мне, смиренному, что я дерзаю прикоснуться к останкам *такого* человека, как Преподобный Сергей! Сколько людей невесть что отдали бы, лишь бы иметь возможность сделать то же самое! И *каких* людей! Благодарение Господу, даровавшему мне такое счастье!

Почему я думал так? Ведь с точки зрения науки и мумия фараона, и мощи Преподобного — только ветхие останки древних людей для нас. Первая сохранилась благодаря искусству мумификации, вторые — естественно сохранились, благодаря милости Божией, без вмешательства усердия человеческого. И все же между ними огромная разница. Мумия вызывает удивление, интерес, размышление о бренности людской плоти и всего земного — и только! А мощи рождают в нас чувство благоговения перед тем, кто ими был содеян милостию Божией. Мощи — это не экспонат, а святыня, родная, близкая, ближе и роднее тел наших самых дорогих покойников, которые все же — *только прах*. Мощи — свидетельство от Бога, славном во святых Своих. Мощи — свидетельство потому, что они — останки человека, взысканного еще при жизни милостью и благодатью Божественной, и прикасаясь к ним, мы как бы физически и вместе с тем духовно прикасаемся к Божественному и преисполняемся Божественной силой и благодатью. Вот почему мы с благоговением целуем мощи и испытываем умиление.

Многие верующие наклонялись к раке и, прикладываясь, закрывали глаза, „чтобы не оскорбить своими грешными взглядами наготу Преподобного”. Прикладывались до позднего вечера. На другой день богомольцев в Лавре было не меньше. Приехали из Москвы и Александрова, пришли из окрестных сел и деревень.

Самой процедуры вскрытия мошей я не описываю, т. к. в Троицком Соборе я не был и знаю о ней по рассказу иеромонаха Иоасафа. Эта процедура описана подробно в статье присутствовавшего на

ней представителя Наркомюса М. М. Горева-Галкина (бывшего священника), приложенной к его брошюре „Троицкая Лавра и Сергей Радонежский”. Эта процедура была заснята кинематографически, но неудачно. Потом соответствующий фильм демонстрировали в Сергиевском кино, но он был очень короток, заснять удалось только моменты, предшествовавшие вскрытию, а само вскрытие не было показано, „из-за недоброкачества лент”, как было тогда сказано.

Я хотел кратко рассказать об этом моменте, но получилось несколько страниц, т. к. мне, как свидетелю тогдашних событий, важных и интересных для истории Лавры и Академии, стоит сохранить свои о нем воспоминания, равно как и о мыслях и чувствах моих в связи с этими событиями.

Жизнь была напряженная. Политические события, разные социальные мероприятия центральных и местных властей, непрерывное, скачкообразное возрастание цен на продукты питания, надвинувшийся голод, полная неопределенность при попытках так или иначе осмыслить будущее, различные мелкие, но больно бьющие затруднения, — все создавало какую-то хаотичность в восприятии бытия. Поэтому неудивительно, что сейчас, при воспоминании о днях тогдашней жизни, я не могу спокойно повествовать и рассказывать все по порядку. неизбежно приходится делать отступления, перескакивать с темы на тему (невольно вспомнишь манеру говорить о Варфоломея!) и повторяться.

Тотчас же по окончании вскрытия около раки был поставлен часовой красноармеец с винтовкой. Власти беспокоились, что монахи захотят, может быть, скрыть мощи и распространить слухи, что

они сами чудесно исчезли после „поругания”.

Верующие заставили часового снять буденовку и стоять с непокрытой головой. Часовые регулярно сменялись и дежурили без перерыва и днем и ночью. Немало пришлось этим часовым выслушать злых и оскорбительных слов по своему адресу от некоторых возмущенных и несдержанных богомольцев. Красноармейцы всячески старались уклониться от этого наряда, и на дежурстве в Соборе, как мне потом приходилось слышать, военные части стали посылать провинившихся красноармейцев в наказание за их проступки.

Этот пост сохранялся долгое время.

Когда в 1921 году мне пришлось, будучи преподавателем Сергиевской средней школы имени М. Горького (бывшей мужской гимназии) посещать Лаврский музей вместе с учениками, выпускниками 9-го класса, в числе которых был сын профессора Академии Павел Голубцов (ныне архиепископ Новгородский Сергей), то войдя в отпертый для нашей экскурсии Собор, мы увидели стоящего около раки часового с винтовкой. Когда было ликвидировано это дежурство — не знаю.

Вскоре после вскрытия над мощами, по распоряжению гражданских властей, была сделана крышка из стекла. Ее прикрепили к краям раки сургучными печатями Наркомюста. Эти печати сохранялись до 1941 года.

Когда, в начале Отечественной войны, ценности Музея-заповедника были эвакуированы в Сибирь, то запечатанная рака вместе с мощами Преподобного тоже совершила это путешествие. Печати были сняты лишь по возвращении раки в Лавру и после передачи ее в ведение Патриархии.

ГОТОВО СЕРДЦЕ МОЕ

Свидетельства об обращении ко Христу

*Боже, готово сердце мое:
буду петь и славить.*

(Пс. 56, 8)

*

Требуется в сущности, немного.
Так... Вздремнуть на чьем-нибудь плече.
Человек не может жить без Бога —
Это верно сказано вообще...
Дело не в легендах, не в завете,
Просто легче помнить день и ночь:
Был когда-то кто-то прав на свете!
Пусть сейчас не в силах он помочь,
Не услышит, если помолиться,
Не спасет, коль попадешь в беду...
Я прошу немного — пусть приснится,
Вторгнется в событий череду.
И поможет оставаться гордой,
Думать, не бояться рта раскрыть,
В жизнь входя, быть в этой жизни твердой
И не плакать, если будут бить.
Мы богов изготовляли в храме,
Сотворяем в песнях и стихах,

Из рукописного самиздатского журнала „Призыв”
11-13, 1977.

Бог велик, пока стоит над нами,
Но дотронься — под руками прах!
Часто вводят в грех глаза и уши...
Может лучше ничего не знать
И, храня под нафталином душу,
О сомненьях меньше вспоминать?
Знание кумир лишает силы,
В полутемный храм впуская свет.
Все молчат — и люди и могилы...
Значит это правда, Бога нет?

Написала я эти стихи лет в 15. И еще 10 лет потребовалось мне, чтобы понять: распадаются под руками рукотворные идолы, но жив Бог Живой.

Первое, что я узнала о Боге — это, что Его нет. Семья наша была (да и осталась, за исключением меня) абсолютно атеистической. Ни традиций, ни смутных предчувствий, ни черных кошек. Правда, и ненависть к религии не культивировалась. Если человек становится добрее, чище от веры — лучше не отнимать у него это утешение: и ему радостно, и другим спокойнее. На самом-то деле ничего, конечно, там нет, вроде нарисованного очага в каморке у папы Карло — хоть и понарошку, а греет. Значит с верующими надо обращаться осторожно, бережно, как с больными, а то ненароком сорвешь раскрашенный холст, и обнажится серая сырая стена, и исчезнет из несчастной его жизни последнее тепло. А этого делать нельзя. Нельзя обижать человека, творить зло и несправедливость, нельзя лгать, нельзя доносить...

Не сразу, очень не сразу встал передо мной простой и странный вопрос: а почему нельзя? Почему нельзя доносить, если в школе за это глядят

по головке?.. Почему нельзя брать чужое, если другие берут, и, пока не попались, их все уважают? Почему нельзя лгать, если люди не хотят слушать правду? Почему не сделать ближнему, чего себе не желаешь, если он-то именно так с тобою поступает?

Мне было 12 лет, когда я спросила с отчаянием: „Мамочка, неужели же большинство людей обыватели?“ Каково было открыть это ребенку, свято верующему в непогрешимость коллектива... Идолы рушились, оставались обломки и грязь — цинизм и злоба. И еще презрение ко всему миру за то, что не таков, каким хочет себя считать, и боится посмотреть правде в глаза.

А внешне все выглядело вполне благопристойно: на родительских собраниях отец мой слышал только комплименты: примерная девочка, учится отлично, участвует в общественной работе... Учителя были довольны, а товарищи нет. Гроб был окрашен, даже, можно сказать, расписан, только запах ведь не замалюешь: гордость, высокомерие, злоба выпирали наружу...

Время шло. Продолжался бесконечный, безрезультатный диалог с родителями: зачем вы воспитали меня такой? Зачем приучили делать бесполезное, глупое, зачем навязали мне совесть, от которой одни заботы? Ты говоришь, мама, что веришь в людей? Ну, не лги же себе, ты же их знаешь... Ты говоришь, отец, что веришь в будущее? Да кто сказал тебе, что, став богаче, люди станут от этого добрее? Родители отмалчивались, отшучивались, пугались...

А внешне все по-прежнему шло прекрасно: школа окончена с медалью, институт — с отличием. Передо мной открывалась дорога в жизнь, полную интеллектуальных усилий, самолюбования и скры-

той ненависти. Я не пью водку, не курю и чрезвычайно нравственна с точки зрения соседей по квартире. В 25 лет все идолы были порушены, и все открытые истины свелись к двум четверостишиям из И. Бродского:

Мир останется лживым,
Мир останется вечным,
Может быть, постижимым,
И все-таки — бесконечным.

А значит, не будет толка
От веры в себя и в Бога,
И значит, останется только
Иллюзии и дорога...

Я еще надеялась на интересную работу, чтобы нырнуть в нее с головой, никого не видеть и ничего не слышать, кроме друзей (они у меня, слава Богу, были и есть хорошие. Их я любила всегда, но слишком их было мало, чтобы эта любовь пересилила накопившуюся ненависть). Но интересной работы мне не дали. И наступила пустота...

А потом была вечеринка в милом, знакомом доме: Новый год? А может быть чей-нибудь день рождения? И бессмысленный, бессвязный разговор в 4 часа утра — просто говорить, говорить, чтобы не заснуть... И я сказала тогда, чтобы что-нибудь сказать, что слышала я, будто некоторые весьма известные и талантливые писатели заделались нынче верующими. Интересно, к чему бы это?

Честное слово, я вовсе ничего такого не имела в виду, но вдруг за спиной своей почувствовала: „Если интересно, можем встретиться, поговорить”.

Обернувшись, я увидела полужнакомую девушку: — кажется встречала ее до того раз или два (потом, когда мы стали друзьями, она сказала мне, что попала туда чисто случайно. А может быть, на самом деле наоборот?..), — набрала в грудь побольше воздуха и со всей осторожностью и тактом, на какой была способна в 4 часа утра, осведомилась: „А вы что, верующая?“ — „Да“, — просто ответила она. И добавила, видимо тоже под влиянием необычного времени суток, а может, просто у меня был очень глупый вид...: „Атеизм — заблуждение!“

Мы договорились о встрече. А накануне я крепко подумала — о времени и о себе. И осознала, что жизнь у меня плохая. Что, может быть, будут в ней еще удобства, и слава, и деньги, но никогда не будет ни одного праздника. Что я могу открыть галактику, закрыть Америку, выйти замуж за принца Уэльского, но ничего в мире не принесет мне настоящей радости. Что интеллект, игра которого так мне приятна, давным давно отчаялся найти истинную Истину, хотя, бесспорно, заслуживает уважения, хотя бы потому, что не боится заявить об этом открыто. И поняла я тогда, что это мой последний шанс. Если я не приложу усилий, не постараюсь понять, проникнуть в этот незнакомый мир, со мной уже больше никогда ничего не случится...

Одним словом, собиралась я на ознакомительную беседу, а пришла на первую в жизни исповедь. Поразил меня тогда в ней интерес ко мне ради меня самой. Не ради обмена информацией, не ради поиска в душе сходных струнок, а просто так — как не встречала я прежде. Далеко не на все мои вопросы она знала ответ, но — странное дело, я не боялась задавать их. Я чувствовала с изумлением, что они не

пугают, не оскорбляют ее. Слетела тряпка с нарисованным очагом, а за ней... вместо скользкой серой стены, с тихой музыкой открывалась предо мной та, единственная на свете, Дверь, к которой подходит золотой ключик...

Через год с небольшим я крестилась.

Л.

*

В нашей большой семье, все были неверующими, все — если не считать моей прабабушки. К ее вере относились снисходительно, как к причуде, свойственной 70-летним. По ее настоянию в возрасте нескольких месяцев я и был крещен.

Бабушка не была богословом. В голодные послевоенные годы она целыми днями хлопотала, стараясь прокормить ненасытные молодые рты. Не помню, чтобы она часто читала, хотя была вполне грамотной и имела какие-то религиозные книги. Она не могла водить меня в церковь, никогда не учила меня молиться, не читала мне Евангелия и не рассказывала ничего специфически религиозного. Все это ей делать запрещалось. Тем не менее, я считаю, что получил от нее христианское воспитание.

Первые шесть лет моей жизни мы жили с ней вместе. Все семейство работало, училось — мы оставались вдвоем целыми днями. Эти годы навсегда останутся для меня потерянным раем. Любовь прабабушки и сильно притягивала меня и в то же время оставляла свободным. Ее чистота и крепость на всю жизнь задали мне меру, которой я измерял

людей и человеческие отношения. Во всей семье она одна казалась мне настоящей, полностью взрослой — остальные, даже родители, были рядом с ней детьми, и я не мог относиться к ним всерьез. Когда она возвращалась из церкви или вставала с колен после молитвы, из нее изливался такой поток света и любви, что мое детское сердце расплавлялось от непонятной радости. До слез ее доводили только семейные раздоры среди молодежи. Она начинала умолять всех помириться, простить, а в ответ ей раздраженно говорили: не суйтесь со своими проповедями! Для меня это были живые уроки Евангелия: оскорбляемый и плачущий был выше и привлекательней, чем раздраженные и сильные оскорбители.

Но Бог говорил со мной не только так. Мы жили в небольшом деревянном домике с садом. Этот сад стал моим Синаем, где я проводил весну, лето и осень. Отсутствие сверстников, тишина, общество цветов, бабочек и птиц — все это было обращенным ко мне словом, смысл которого я понял гораздо позднее. Красота цветка или животного, молчание и тишина до сих пор дают мне гораздо больше, чем икона или богословская книга.

Моя детская религиозность не могла найти языка. Христианство считалось в семье безнадежно устаревшим и бесполезным. Поэтому мои первые сакральные символы были языческими: Сталин, Кремль, Москва. Я думаю, даже фарисеи не испытывали к стенам Храма такого благоговения, которое охватывало меня на Красной площади у стен Кремля. „Там живет Сталин”, — говорили мне родители, и в мои 4-5 лет это было для меня: „Там живет Бог”. Я не относился к Сталину, как к че-

ловеку, и когда он умер, не испытал никакого потрясения — остались ведь его памятники, Кремль, портреты и другие атрибуты его присутствия.

Так прошли первые шесть лет моей жизни.

Следующие шесть лет были сравнительно бедны событиями и ощущениями. Мы жили уже вдвоем — я и мои родители. Родители в своем кругу считались людьми „принципиальными” — это значило, что они поступают иногда вопреки своей выгоде, исходя из загадочных слов „дружба” или „честность”. Как правило, так поведение вызывало неудовольствие. Собственно „принципиальным” считался отец — думаю, что в нем проявлялся архитип еврейского праведника, стремление — в наше время, увы, анонимное — жить по Закону. Хотя этику отца следовало назвать прагматической, он своим примером научил меня (причем вполне сознательно) стараться никогда не затруднять других людей своими поступками, короче — не делать другим того, чего не хочешь себе. Другой его чертой, которую я впитывал в то время, была его способность что-то постоянно делать для других, испытывая при этом прямо-таки необыкновенную ответственность. Он пренебрегал даже семейными интересами ради каких-то друзей, которые ему потом часто изменяли. Хотя отец меньше всего хотел воспитывать меня религиозно, он дал мне очень много — ощущение того, что люди должны быть соединены дружбой, причем такой, которая уважает их свободу, дружбой, которая есть активное служение друг другу.

Влияние матери измерить трудно. Ее любовь ко мне — разве не дар Божий? Разве не Бог любит меня в ее любви? Я смог довериться Богу только потому,

что не испытывал в детстве недостатка в любви.

В эти годы сложились две оси моих религиозных исканий — стремление к вере в запредельное и стремление к подлинному. Время от времени меня охватывала непонятная жажда к изменению, к преодолению той жизни, которая была вокруг. У ребенка это проявлялось в смене всей системы игр. Жажда подлинного, настоящего сказывалась в характере моих моделей (самолетов, автомобилей) — они всегда стремились к сходству, в то время как другие дети стремились их сделать красивыми или интересными для игры, не заботясь о степени подлинности. Оба этих осевых стремления соединялись в страстном стремлении стать поскорее взрослым, достичь предела, конца детства и одновременно стать настоящим.

Годы с 12 до 18 были для меня очень трудными. Я и в самом деле становился взрослым язычником. Было бы неверным думать, что влияние семьи на меня было только положительным. Образ жизни родителей был обычным, отчасти советским, язычеством — забота о деньгах, о знаках благополучия, о комфорте при полном неумении обрести мир и покой. Стихийная внутренняя жизнь, подавленная однообразным трудом, прорывалась в моменты полуэкстатических трапез с обильным возлиянием и очень бурной музыкой и танцами. Меня очень притягивал этот экстаз совместного веселья, хотя теперь я вижу, что там было гораздо больше возбуждения, чем радости. Экстаз отвечал моей тяге к запредельному — он разрушал привычное, будничное, повседневное. Я стал участвовать в собраниях гостей, брэнча на пианино что-нибудь джазовое и быстро прославился. Сначала экстаз вызывала у меня

музыка, которую я или слушал или сам исполнял. В стихах того времени запомнились такие строчки

Я в экстазе, весь мир поет
Песня джаза меня зовет и т. д. и т. п.

В музыке слышались то ноющие, рыдающие мотивы, то бездушная ритмика — людям хотелось покаяться, пожаловаться, хотелось радости общения — но получали они рукотворные суррогаты, после которых ходили опустошенные, вялые, безразличные. Радость — небесный плод, и когда пытаются получить его земными, собственными средствами, то лишь обкрадывают будущее, исчерпывая те силы, которые предназначены на завтра. Но тогда я этого не понимал. Вскоре, через стихию музыкальную в мою душу стала вползать стихия эротическая.

Я был совершенно незащищен. Я не отдавал себе отчета в том, что происходило. Женственность вызывала во мне благоговение, часто переходящее в экстаз. Меня можно было бы назвать поклонником Венеры. Неизжитый эдипов комплекс толкая меня к более старшим девушкам, которые едва могли меня замечать. С одной из них вскоре установилась хорошая дружба. В те годы среди моих сверстников появились и несовершеннолетние преступники — меня Господь охранил. Я думаю, что главным здесь оказались все те же детские впечатления — глубокая и взаимная любовь с прабабушкой не позволяла мне удовлетворяться поверхностными отношениями — мне все время хотелось достичь в них какой-то глубины. Поэтому из-за этой своей требовательности я часто оставался один.

Другой притягивающей стихией был для меня

алкоголь. По-настоящему полюбить его я не смог из-за физической хрупкости. Я очень быстро напивался до потери сознания и после этого сильно болел. Несколько таких случаев охладили мой пыл. Алкогольный экстаз стал казаться мне таким же ненастоящим, как фанерные декорации — это был просто временный обман.

Стихии бушевали во мне. Стремление к запредельному выражалось в тяге к экстатическому: музыка, эротика (не обязательно секс), вино. Стремление к настоящему в том, что я жил как взрослый, общался со „взрослыми” (18-ти летними!) женщинами, читал журналы мод и выводил родителей из терпения постоянными клянчаниями пиджаков, галстуков и ботинок. В моей психике не было ни одной твердой точки. Я отдавался любому увлечению, если оно сулило мне упоение. Я достиг уровня взрослых. Самое страшное, что многие мои тогдашние товарищи так и остались в кругу этих интересов — магнитофон, пиджак, бутылка, экстатические вечеринки. Я стараюсь ощущать свою ответственность, встречаясь с такими людьми — ведь Господь отвел меня от этого без всякой моей заслуги, думаю, для примера остальным. В разгар моих самых романтических переживаний наша семья неожиданно переехала в другой город. Помню, как разрывалось мое сердце, когда я оглядывался на наш домик, возле которого стояла бабушка. Она не сумела вынести и вскоре из-за разрыва сосуда в мозгу перестала понимать окружающее.

На некоторое время я был предоставлен сам себе. Привычные связи болезненно разорвались, новые пока не возникли. Надо было готовиться поступать в институт, и эта задача неожиданно стала

для меня первой, вытеснив остальное. День и ночь я сидел, изучая физику и химию, с восторгом открывая для себя красоту науки. Хаотичный буднич­ный мир, который окружал меня, в глазах науки оказывался стройным и красивым. Мир, который я знал раньше, оказался ненастоящим! С другой стороны, сам процесс интеллектуального творчества, поиски красивого решения, мучительность неопи­санного, невысказанного — давали пищу моей тяге к за­предельному. Само решение задачи возникало среди банальных мыслей, как посланец иного мира. Наука стала моей новой религией.

Все это складывалось постепенно. Вначале я не оставлял и прежних интересов. Но потом я заметил, что вино и табак лишают меня остроты мысли, а девушки не хотят говорить о физике. К этому времени относится один любопытный эпизод. Будучи слегка навеселе, мы вдвоем с одной девушкой решили зайти в храм. Шла служба. Немногочислен­ная толпа древних старух, атмосфера подозритель­но-злой напряженности, которой они нас окружили, непонятное бубнение „служителей культа“, безвкусица интерьеря, — с молодой категоричностью христианство было немедленно объявлено мной умершей и разложившейся религией.

Поступив в институт, я пополнил студенческую и научную элиту. Нас так и называли: элита. Это было хорошо, потому что у меня не осталось чувства, что я куда-то не дошел. Я прикоснулся к самой настоящей науке, к ее „переднему краю“. Стихи этого времени посвящены физике:

и многомерный мир твой без трагедий,
без кошмаров...

Вскоре из многоголосного мира интересов выделился один пленительный голос. Я „заболел” математикой. Теперь я вижу, что это требовал пищи мой религиозный импульс. Математика очень мистична, таинственна. Сами ее объекты, как правило, неосуществимы в мире, тем не менее для математика они не менее реальны, чем для домохозяйки ее кастрюли. Процесс математического творчества — непрерывная самоуглубленность, психологически похожая на непрерывную молитву. Вместо памяти о Боге — память о задаче, которую решаешь. Мышление работает на пределе возможностей. Банальные, обычные приемы мысли — не годятся, человек ощущает, что самые необыкновенные решения всплывают из какой-то таинственной глубины его Я. Мне снова повезло — я попал в элиту математическую. Хорошим тоном считалось походить на сумасшедшего — бормотать про себя, ходить нечесанным, распушенным, говорить только о математике и слушать серьезную музыку.

Некоторое время я был вполне счастлив. Целые дни я проводил в размышлении, стремясь к экстаическому озарению, которое обычно сопровождало решение. Меня окружали люди, готовые ради математики на все — они оставляли семьи, отказывались от денег, от всех привычных радостей жизни. Если науку считать одним из видов религии, можно сказать, что я попал в монастырь этой религии. Женщины, вино — все это я объявил ненастоящим и низменным. Презрение к комфорту появилось на этой стадии, так же как и способность сосредоточиваться.

Вскоре на моем безоблачном небе стали появляться тучки. Первые радости сменились сухостью, бесплодием, унынием. Задачи „не шли”. У меня нет сил, чтобы описать все свои усилия по приручению вдохновения. Я был уверен, что талант — мой, принадлежит мне одному, и я могу всегда заставить его фонтанировать свежими идеями. Эта немыслимая, страстная схватка с собой длилась долго. Я заставлял себя самыми разными способами — жевал кофейные зерна, не спал ночью, занимался физкультурой, делал какие-то необыкновенные усилия воли — все было напрасно. Озарение приходило и уходило. В один из дней я случайно напал на литературу по хатха-йоге и решил — это то, что мне нужно.

Йога не была мне трудна. Я уже умел сосредотачиваться, тело было от природы гибким. Довольно быстро я заметил, что как-то преображаюсь. Йога успокаивала меня, устанавливая в душе какой-то ровный безразличный покой. Я гораздо спокойнее стал относиться к своим успехам и неудачам, да и занятия пошли лучше. Я стал углубляться во всю систему йоги, стал читать книги по религии и философии Индии. Философия всегда интересовала меня, а здесь открылось такое богатство по сравнению с убожеством официоза. Я стал осмысливать жизнь, как-то определяться в мире. Все же общий знак тех лет — болезненный. И ощущение принадлежности к никому не нужной элите, и чувство холодной безгласности столь любимой мной науки. Получалось, что я строю жизнь на основе полумистической радости математического открытия, нужного мне одному. Чем больше я погружался в матема-

тику, тем дальше уходил от людей, от мира. Недаром в эти годы у меня почти не появилось новых друзей.

Что меня травмировало более всего — это то, что сама математика не объясняла мне меня, в каком-то смысле не имела ко мне отношения. Я занимался математикой и любил ее, но она мной заниматься не могла, как не могла и любить. Как Пигмалион, я пытался оживить идола своей любовью. Но все было напрасно. Я видел, что из-за нее я остался один, что у нас нет будущего, что сама она холодна и безразлична. В один из таких дней, когда это ощущалось особенно остро (обычно при мысли о будущем), я подумал о самоубийстве. В моей тогдашней среде самоубийство не было редким, ибо многие испытывали то же, что и я. Я даже думаю, что „заразился” от кого-то этой идеей. Каждую весну какая-то истосковавшаяся молодая душа заставляла свое тело прыгнуть вниз с шестнадцатого этажа. Я быстро заметил, что чем больше я углубляюсь в мотив самоубийства, тем ближе подхожу к какому-то сладостному ощущению победного покоя. Стихи о Ван Гогге, написанные тогда, на самом деле обо мне. Видно, какой восторг, какая любовь к миру были для меня связаны с самоубийством:

Ван Гог поднялся на плато
В последний раз увидеть все,
Что заклинал он кобальтом и хромом.
На кончике ствола живое сердце
Трепещет, словно рыба на крючке.
Оливы, камни, горы, кипарисы,

Как свет через разрушенную крышу,
Мне проникают в душу ваши голоса.
В куске свинца, как в действенной пилюле,
Заклочена оставшаяся жизнь.
Глотками воздуха запить скорей,
Лекарство старое,
О как ты лечишь больно!
И солнце втягивает небо, как воронка.

Богослов сказал бы, что это умиление было для меня призывающей благодатью. Но я с обычным авантюризмом желал все глубже и глубже погрузиться в трепет смертного часа, чтобы испытать эту ласку Бога, чтобы спровоцировать ее. Долго так продолжаться не могло, и однажды с этим было покончено: на моих глазах в каких-то четырех-пяти метрах от меня мгновенно погиб человек — попал под колеса автобуса. Это сразу охладило мой пыл и направило его в более конструктивное русло. Математика формально осталась главным божеством, но наряду с ней возникли „вспомогательные” кумиры — я стал рисовать и писать стихи, заниматься йогой и философией. В это же время я встретил свою будущую жену.

Все это было весьма своевременно. Ибо безмятежность студенчества кончилась, кончились дни, когда я с утра до вечера делал, что захочу. Впервые в жизни я попал на службу. Когда я подъехал на трамвае к километровому квадрату, обнесенному желтым забором с колючей проволокой, увидел унылые ряды окон, трубы и трубки из которых вырывался разноцветный дым, еще более унылые лица людей, понуро бредущих к проходной — я понял, что наступило мое „следующее рождение”.

Старая жизнь должна была умереть, а мне предстояло научиться жить по-новому. Страсть к математике агонизировала медленно, болезненно. Заниматься ею было невозможно. Все мое время уходило теперь на сидение на работе, в кругу бесконечно чужих мне людей, в кругу бессмысленных примитивных занятий. Мысль о смерти не оставляла меня. Поддерживали и укрепляли меня в это время буддийская Дхаммапада и индуистская Бхагавад-Гита. Они говорили о страдании, о том, что оно есть, о том, что его можно избежать. Это примирило меня с людьми — я видел, что и они страдают, хотя и меньше, из-за привычки. Ежедневное метро стало для меня поводом для медитации:

Что за смех, что за радость,
Когда мир постоянно горит?
Покрытые тьмой —
Отчего вы не ищете света?

Но долго я не мог дышать скептической атмосферой буддизма. Он был для меня холодноват, хотя весьма убедителен. Неожиданно „моей” книгой стала Гита:

Кто Меня во всем и все во Мне видит,
Того Я не оставлю и он Меня не оставит.

Я упивался Гитой, я не мог без нее жить. Она освещала мир, давала перспективу спасения, утешала и радовала. Европейская мысль, культура были объявлены мной ненавистными, плоскими, бездуховными. На пол пустой комнаты были поставлены противосолнечные деревянные шторы и

положены матрацы. Мы с женой проводили вечера, так и эдак толкуя строчки Гиты, любуясь цветами или рисуя. Все это удерживало меня в жизни.

На освоение индийской духовности ушло несколько лет. Я старался ежедневно медитировать по утрам и что-то читать вдвоем с женой по вечерам. Во время утренних медитаций я несколько раз испытывал необыкновенные мистические ощущения. Вечернее чтение давало пищу для ума. Я учился употреблять слова „Бог”, „душа”, „дух”, „творение”. Из всех ветвей развесистого дерева индийской духовности я выбрал адвайтаведанту Шанкары. Адвайта учила, что видимый мир неподлинен, он ненастоящий, неживой. Бог „кажется” этим миром в результате какого-то таинственного извращения. Только Бог обладает жизнью, в полном смысле слова. Люди могут создавать образы Бога, но все они неполны, ибо Бог во всей его полноте постижим лишь в мистическом озарении, в особом интуитивном видении. „Те, кто видят Бога не могут ничего о Нем сказать, те, кто говорят о Нем, не видят Его”. Хороший поступок тот, который приближает нас к Богу.

Легко представить себе, насколько я это воспринял. Тут была и с детства знакомая мне тяга к подлинному — единственно подлинным и беспредельным оказывался только Бог. Для окружающих меня людей духовная жизнь была каким-то явлением вроде летающих тарелок — само ее существование было сомнительно. Для Индии сомнительной оказывалась, напротив, бездуховная жизнь. Мало-помалу я окреп, и мы стали собирать у себя воскресные семинары, где я проповедовал адвайту.

В адвайте мне еще чрезвычайно близка оказа-

лась идея — в общем буддистская — ответственности человека. Всеми поступками человек оказывался связан в одно целое с жившим, живущим и будущим человечеством. В эти же годы я познакомился с Китаем, и идея „порядочности”, „благородства” также давала пищу этому неутоленному стремлению — как-то соединиться с людьми. Несмотря на все возрастающую духовность моей жизни, она как-то отъединяла меня от людей. Я прикасался к Богу в одиночестве, вынесенный оттуда опыт делал для меня соседство бездуховности все более болезненным. С другой стороны, у меня не было ни условий, ни сил, чтобы посвятить мистике всю жизнь. Я был обречен топтаться где-то у подножия Гималаев. Назревал какой-то кризис, которым окончилось поклонение математике.

Однажды мне попалась книга о Рамакришне. Он тоже был адвайтистом, но, что меня потрясло при этом, — он поклонялся богине Кали, исполнял храмовые ритуалы, молился и, главное, непрерывно служил людям, помогая им советом и просветленностью. „Я хочу подносить моему Господу цветы и плоды, шептать Его дорогое имя, молиться Ему в тишине, плясать и петь, радуясь моему Господу”. От зависти я чуть не умер. Я тоже хотел так! Я тоже хотел подносить цветы и плоды, хотел рассказывать всем и каждому о своем Господе, но кто Он — этот Господь — я не знал. В адвайте, кроме непостижимого Бога, были еще постижимые относительно реальные образы. „Кому поклоняться?” думал я. Некоторое время я пытался поклоняться Шиве, но из этого ничего не вышло. Книга о Рамакришне действовала на меня, как огонь на чайник — я закипал от неутоленного желания вы-

сказаться и быть услышанным. Как-то в отчаянии я упал на постель и молился — кому? — чтобы у меня был мой Бог.

На следующий день к нам зашла соседка. Мы и не знали раньше, что она бывает в церкви. Она пригласила нас на проповеди какого-то „хорошего” священника. Мне не понравились эти проповеди — в них было что-то агрессивное, царапающее меня. Но я увидел в церкви много молодых одухотворенных лиц. Это были потенциальные единомышленники, возможные братья. И тут же — новая встреча. С женой в институте учился некогда студент-биолог. Потом он стал хорошим ученым, и вот в эти дни жена случайно узнает, что он поступил в семинарию в Загорске. Я забросал его вопросами. „Церковь серьезно страдает, — сказал он — там нужны люди”. Это было для меня очень сильно сказано — я где-то нужен! Я могу чем-то быть полезным! Он был моим акушером — с его помощью я родился как христианин.

Помню в это же время Пасху — первую в моей жизни. Радость, которой я раньше никогда не видал, невыразимая гармония некоторых икон, музыка — все это выражало мое чувство, мое отношение. Когда все закончилось, я подошел к алтарю — царские врата были открыты — я молился: Господи, я — Твоя маленькая тварь, возьми меня, увидь меня, обрати на меня внимание”. В эти дни произошла встреча, о которой невозможно рассказать — нет слов. Христос был всюду, он ни на минуту не оставлял меня, все, что я просил в молитве, немедленно исполнялось. А христиане! Они казались мне необыкновенными небожителями. Раскрыв рот, я готов был слушать их без конца.

Но в это время я испытывал и большие затруднения. Мне хотелось пересказать христианство на языке адвайты, чтобы не потерять то, что я накопил за эти годы. Частично это удалось — восточное богословие тоже было апофатическим — учило о не постижимости Бога, о спасении, о поведении, приближающем к Богу. Храм, обряды, молитва — все это тоже падало как влага на иссохшую почву. Однако загробная жизнь, воскресение плоти — были мне трудны. Я донимал моего нового друга вопросами. „Я уже ничего не могу ответить тебе, — сказал он, — я познакомлю тебя с более ученым человеком”. Помню эту первую встречу с моим новым отцом. Черноглазый плотный человек — меня поразило, что он одновременно и умный и ласковый. Я видел много умных людей, но все они были холодноваты, а здесь какая-то необыкновенная теплота. На мой вопрос о загробной жизни он ответил: в Церкви много нерешенных вопросов. Подумайте сами — я дам вам книги — и он протянул мне десяток томов. Я все прочитал. Интеллектуальной ясности не возникло, но я прочитал об опыте общения с умершими в молитве, стал молиться о своей прабабушке — к тому времени давно уже умершей — и я ясно ощутил ее присутствие.

„В духовной жизни, — поучал меня отец, — важны непрерывность и постепенность”. Я понемногу рос, осваивал для себя Евхаристию, читал книги, общался с христианами. Когда прошли первые восторги, я снова ощутил неутоленную тягу к служению. Меня очень огорчало, что мои новые друзья-христиане живут вразброд, что они часто не могут сойтись, соединиться. Мне хотелось что-то делать для единения, ибо в нем я ощущал Церковь физически. Но

мне представлялось, что я должен лишь исполнять послушание — быть маленьким винтиком в иерархии Церкви учащей. Перед Пасхой, в Великую Пятницу, мне вдруг открылось, что я ответствен лично, что никакой такой иерархии, заботящейся о спасении моих собратьев-язычников, нет, что мы живем на пепелище и не должны оглядываться и ждать приказа. В эти же годы я познакомился с другими формами христианства — ездил в Литву к католикам, ходил к баптистам в Москве. Католики вызвали у меня детский энтузиазм. Лишь впоследствии я узнал их проблемы и понял, что полноты нет ни в одной конфессии, а лишь в Церкви в целом. Баптисты травмировали меня — чужая духовность действовала как чужеродный белок на человека — вызывала реакцию болезненного отторжения. Но, присмотревшись, я понял, что это просто христиане другого темперамента, другого социального и культурного круга. Красоту протестантизма, его пророческий дух я понял гораздо позднее, когда стал думать не о том, как охранять Церковь, а о том, как ее строить. Этот переход из сторожей в строители был для меня очень болезненным. В восточной духовности идеал жизни, общественной и личной, всегда лежал в прошлом. То, что Церковь — недостроенный храм, я понял, когда сталкивался с моими друзьями нехристианами. Я увидел, что для их вхождения в Церковь она должна быть перестроена, ибо хорошему человеку из тех, кого зовут „анонимные христиане”, — входить в существующую церковную практику часто бывает бесполезно.

Один Бог знает, что мне еще предстоит в жизни. Люди моего астрологического знака вообще прово-

дят жизнь весьма разнообразно. Я написал здесь о том, что возникло в памяти за день. „Благослови, душа моя, Господа, и не забывай всех воздаяний Его”. Я пытался показать, что Господь всю жизнь был рядом со мной, хотя большую часть жизни я оскорблял Его и поклонялся твари вместо Творца. О многом я не написал. Например, как я впервые прочел Евангелие. Это было в годы студенчества. Мой друг добыл эту редкостную в наши дни книгу. Мы зажгли свечу, налили по стакану вина. На всю жизнь я запомнил Евангелие от Марка, моление о чаше, распятие. Но быстро ушло первое впечатление, и я вернулся на круги свои.

И еще я хотел показать, что всю жизнь искал Бога. Так же Его ищут вот в данный момент — тысячи? миллионы? миллиарды? — людей. Я хотел показать, как трудно человеку обратиться, как много на его пути соблазнов. Может быть, мой рассказ поможет тем, кто идет и ищет.

В.

Предлагаемые страницы являются отрывками из духовного дневника. Он состоит из двух частей. В первой автор, начинавший духовные искания с атеизма, рассказывает о шести годах мучительного пути к Богу после обращения. Вторая, главная часть книги, написана после нового „обращения внутри обращения”. Этот опыт выражен в основном в форме молитвенных размышлений, снабженных подзаголовками, в отличие от первой, датированной части.

В. Александрова

ДОЖДЬ НА СВЕТЛОЙ НЕДЕЛЕ

Апрель, 1969 год

Пасха. Светлое Воскресенье

Происходящее со мною так ново для меня и удивительно, и кажется таким значительным, что мне хочется запомнить и удержать даруемое мне.

Как я теперь понимаю, к вере меня несло и относил от нее, вероятно, всю жизнь. Общепринятой системой образования и семейным воспитанием во мне были заложены основы материалистического и атеистического мировоззрения. В студенческие годы я изучала диалектический материализм с увлечением, тщательнее, чем большинство сокурсников, законспектировала для собственного удовольствия многие „первоисточники”, не входившие в программу, и на государственном экзамене особенно отличилась. Позднее я была одной из самых

активных участниц весьма основательного двухгодичного семинара по марксистской философии для редакторов крупнейшего органа печати, где я тогда работала.

И хотя здание диалектического материализма и атеизма все это время стояло в моей душе незыблемо, круги, которые я описывала вокруг Бога, становились все уже.

В моих стихах последних десяти лет я с изумлением, недавно перечитав их, обнаружила чувство одухотворенности мира, выхода смысла событий и судеб за их временные, земные пределы, смутные предчувствия, предвестие и ожидание встречи с Богом, необъяснимое знание о Его существовании, и даже молитвы. Видимо, в них находила выражение тайная работа души, на которую сознание не давало еще согласия.

Теперь эти стихи, непонятно как рождавшиеся при, казалось бы, полном равнодушии к Богу, представляются мне свидетельством того, что Он может приходить даже в неверующую душу и готовить ее для Себя.

КОНСЕРВАТИВНЫЕ СТИХИ

Пусть назовут меня отступницей,
но я не полетела б в космос.
Не там мой полюс недоступности,
хоть вешайте меня за косность.

Я жажду чуда вас не менее,
но для меня, для горожанки,
открытия и откровения
таятся на лесной полянке.

Я вглядываюсь в формы листика,
слежу за буднями березы
и чувствую, что это мистика,
и нет ответов на вопросы.

Сентябрь 1960

МОЛИТВА

О, Господи, о, Господи, умерь же
раскаты волн, крушащие меня,
размахи волн, кружащие меня,
как если бы была уже умершей.

Зачем ты эту осень сотворил,
ликующую, ясную, святую?
А я в ней непричастно существую
во власти темных, одичалых сил.

Не по летам уже мне, не по сану
такие шквалы бешеной тоски,
удары в ребра, лоно и виски.
Смири, и я спою тебе Осанну.

Я в рабство не прошу чужой души!
Но одиночество снести дай силы.
Ведь я тебя ни разу не просила,
так облегчи, спаси и разреши!

Скрути и плавно выбрось на песок
в стране, где нет дверей и телефонов,
где небо смотрит в душу просветленно
и пребывает милосердный Бог.

Октябрь 1967

ПЕРЕМЕНЫ

Настало время, и давно пора,
пока еще на улице светло,
преодолеть усилием добра
заложенное в мире зло.

Я светлый храм сложу по кирпичу
и жизнь свою, как службу, отстою.
Бог даст, я обуздаю и скручу
бесплодную безудержность мою.

Пускай холодный дождик моросит
по местностям раздетым и босым.
Я выучусь давать, а не просить
и вверюсь беззаботно небесам.

Пускай земля убога и нага,
она уже растенья зачала,
которые улягутся в стога
во времена цветенья и тепла.

О, укрепи мой дух, благослови
меня на новом избранном пути,
позволь мне на земле еще войти
в страну обетованную любви.

В страну, где нет обиды и измен,
где ни за что одаривают всех.
Настало время вешних перемен,
надежд апрельских и весенних вех.

Апрель 1968

/ ... / Летом 1967 года я случайно познакомилась на теплоходе с человеком, оказавшимся архиепископом. Мы беседовали несколько часов кряду, расстались, когда теплоход уже подошел к Москве. Он обещал приехать в гости, и действительно, вскоре провел у меня полдня, обедал, подарил Евангелие и церковный календарь, взял книги и пластинки, но дальнейшее знакомство оборвала его скоропостижная смерть.

Общение с умным, образованным духовным лицом произвело на меня впечатление.

Вскоре я познакомилась с Н. Н. Она вызвала живой интерес к себе. Это была первая моя знакомая, которую можно назвать церковно-верующей. В стандартном черемушкинском доме, в профессорской квартире оказалась комната, увешанная иконами, горела лампада, на комодe стояло распятие, в шкафах было много духовных книг. На письменном столе она нарочно положила фотографию. Меня сразу привлекло лицо изображенного на ней человека. Я стала расспрашивать о нем и узнала, что это священник.

Н. Н. пригласила меня поехать с ней в церковь, где я смогу его увидеть. Через несколько дней, декабрьским вечером я оказалась в подмосковном храме. Не берусь восстановить мои ощущения. Я понимала, что совершается нечто большее, чем обряд. Священник служил сосредоточенно, видимо, не сознавая, какое впечатляющее зрелище он собою являет. Я испытывала неловкость, как затесавшийся самозванец, и очень смутилась, когда Н. Н., разговаривавшая с ним после службы, позвала меня и познакомила нас.

Но о. К. заговорил просто и дружески, сказал,

что знает обо мне от общих знакомых. Обменявшись несколькими фразами, мы расстались. Это было в самом конце 1967 года.

А 10 января 1968 года скоропостижно скончалась мама.

Мама была, по крайней мере какой-то период жизни, верующей, может быть, даже и всегда. Она со мной никогда не говорила об этом. Уже будучи взрослой, я случайно узнала, что она бывает в церкви. Поэтому я хотела ее отпеть. Но папа, поколебавшись, отказался от мысли заехать с гробом в церковь: ему, партийцу, было неловко перед партийными же знакомыми.

В первые дни я была нужна отцу непрерывно, но, наконец, через неделю выбралась в тот самый храм. Отец К. был предупрежден и встретил меня с такой добротой, что, когда отошел, я впервые после маминой смерти заплакала, и слезы эти принесли первое облегчение.

Когда отпевание кончилось и священник ушел в алтарь, я отправилась домой. Издали кого-то окликали, но я не обращала внимания: в тех местах я никого не знала, и зовы не могли ко мне относиться. Но меня догнали женщины и сказали, что бабушка просит вернуться. Навстречу шли выходявшие из церкви люди, и некоторые говорили, что бабушка меня зовет. Он стоял перед храмом на морозе раздетый, с непокрытой головой. „Простите, что я вас вернул. Вы торопитесь? Вам надо поскорее домой?“ Я не спешила. Он повел меня на хоры, и в пустой церкви у нас состоялся долгий разговор. Я ему рассказала о препятствиях между мной и Богом. Мы о многом говорили.

И вот в течение года, одно время часто, потом с

перерывами продолжалось это общение. Я прочитала ряд духовных книг. Теперь я вплотную соприкасалась с манящим меня миром, но входа в него мне не было. Главным препятствием, как я сознавала, были некие отношения с неким человеком. Наконец произошел в первых числах января 1969 года окончательный разрыв.

РЫВОК

Смотри, я уйду надменно
на очень четких каблуках.
Я рву за подлые подмены,
за способ жить кривоколенно
и поселяюсь в облаках.

Пусть тот, в крови засохшей, бурой,
в грехи по шею влипший сдуру,
тот пес в парше — зовется „Я”.
Презрю оставленную шкуру
ползучего полузверья!

Обжив высокую пещеру,
устрою белоснежный быт.
По монастырскому примеру
хочу, в тиши взлелеяв веру,
творящий подвиг возлюбить.

Январь 1969

/ ... / В последней декаде января 1969 года стояли солнечные, очень морозные дни. Утром 23 января мне вдруг написалось странное стихотворение о какой-то оборванной попытке души подняться ввысь.

Хрустящий воздух колется, как лед.
На гранях солнце ломкое дробится.
День превращен в хрустальную гробницу
и ждет, чтобы замерзнувшая птица
упала камнем, оборвав полет.

Застыл одним кристаллом небосвод,
и ангелам сегодня нету дела,
что жалоба моя оледенела
и, обратившись в неживое тело,
упала камнем, оборвав полет.

/ ... / На следующий день неожиданно для себя я стала на колени и начала горячо молиться о ниспослании мне веры. Был голубой морозный день. Где-то в чистом небе, пронизанном солнечными искрами, я ощутила средоточие всего этого света. Между мной и этим сияющим Средоточием установилась двухсторонняя связь, которая мне представилась в виде светлого полупрозрачного луча. У меня начался вдох, который не имел пределов, ребра раздвигались, пока не объяли мир, и больше, чем мир. Радость была невероятная, не могу вспомнить, когда я испытывала что-либо подобное. Меня услышали и я обрела веру.

... Через день или два потянуло в храм. После службы о. К. усадил меня на солее за большими образами, спросил, как живу, и я ему поведала о главном событии в моей жизни. Радостно было глядеть, как он обрадовался.

Вскоре я получила от него письмо. По его совету я стала каждую неделю ходить в церковь и ежедневно читать сначала утреннее, а потом и вечернее молитвенное правило.

Первое время не давалась сосредоточенность, по десять раз отвлекалась мыслями во время одной молитвы. Каждый день я молилась прежде всего об укреплении веры, о даровании ее как любви.

Я ужасалась состоянию своей души. Мне нечем было верить, нечем любить Бога и ближних. Последние годы главным владевшим мною чувством было отчаяние. Мне казалось, что в мире есть смысл, но моя жизнь безнадежно идет мимо него и все до одного мои устремления, предприятия и труды обречены на поражение и неудачу, немалые силы мои растрочены попусту до тла, и не осталось их, чтобы переносить само существование. Всегда размышления о себе и своей судьбе приводили меня к мысли о самоубийстве. Иногда я ощущала свои обязанности перед дочерью как обузу, мешающую мне разделаться со всем раз и навсегда. Не было смысла делать различие между добром и злом, так как у моей судьбы не было свидетеля.

Ах, какая печаль на улицах!
Но не я ее разлила,
потому не надо сутулиться.
У души ни двора, ни кола.

И листвы сквозное вязание,
обреченное с мая на крах,
то же самое невезение,
заключенное в небесах.

Ах, какая печаль весенняя
в отчужденном взоре звезды.
Заколдованность невезения
с одобрения высоты.

Окна в сумерках загораются.
Почему-то одно темно.
А печали не утоляются
вместе с жаждою заодно,

иногда лишь в мае сменяются
с наступленьем бессонной зари.
Но печали не утоляются,
что Всевышнему ни говори.

Май 1966

/ ... / Это ощущение полного моего личного провала, полной безнадежности, как я теперь понимала, переродило весь состав моей души. Каждая ее часть была органом греха. Я дурно думала о людях, ощущала в них, за редчайшими исключениями, только плохое. А ведь когда-то мне были свойственны совсем иные качества. Теперь же в мироздании, в судьбах, в устроении жизни, в событиях и их смысле я воспринимала лишь злое, жестокое, разрушительное начало. Во мне самой заглохли почти все добрые побуждения. Эта губительная, тлетворная стихия рушила все, к чему я ни прикасалась. Все теплые, живые связи бытия оборвались. Я забросила почти все свои немногочисленные дружбы, мне скучно, тягостно было на природе. Редко читала и писала стихи, не слушала больше музыку. Работа казалась мне совершенно бессмысленной и никому не нужной. Я принимала как должное неудачи: они вытекали из общего порядка вещей. Все было закономерно плохо, и это мироощущение омертвило мало-помалу мою душу.

И вот я тянулась к Богу, но любить Его мне было нечем.

В конце января, в Прощеное Воскресенье я слушала литургию в церкви Иоанна Воина. Где-то в середине службы передо мной возник образ Христа. Мне казалось, что Он смотрит мне в душу. Мои ребра были как бы раздвинуты, и мне представилось состояние моего сердца. Оно было покрыто черной пузырьчатой металлической накипью. В каком-то месте блестел уголок отполированной стали. Так Он стоял передо мной в печали, и мне нечего было показать Ему, кроме этого черного железного куска.

Я твердо знаю, что не была в состоянии экстаза. Никаким галлюцинациям я не подвержена. Я не забыла, где я, что со мной, я видела весь храм таким, как всегда. Сердце мое в этом виде представлялось / мне / и раньше.

Несколько дней спустя, в пятницу на первой неделе Великого поста, я впервые причащалась. Перед тем я написала „исповедь за жизнь” и отдала ее о. К.

Было морозное раннее утро, когда я шла к церкви. На поле перед ней стоял молочный низкостелющийся туман. Он был пронизан смугло-розовыми лучами восходящего солнца. По дороге через поле к церкви брели люди. Фигуры их были скрыты туманом, только черные силуэты плеч и голов плыли в воздухе.

/ ... / На исповеди я рассказала, что главная моя мука состоит в ощущении греховности всего моего состава и в том, что я не могу надеяться на милосердие Бога ко мне. Отец К. отвечал мне, что в силах Божиих обращать вспять даже химические процессы, как было сделано с Лазарем. Все, что он

говорил, было мудро и прекрасно, но мне в тот миг не помогло. Горе мое нарастало, и после причастия я почувствовала себя отверженной. Не было места для меня и в храме, я и здесь была чужой.

Отец К. просил меня дождаться его после службы. Я пошла с ним к какой-то старушке, которую ему надо было причастить дома. Мы не говорили о моем состоянии. Мне страшно было остаться одной и хотелось побыть рядом с этим светлым и сильным духом человеком. Он рассказывал о своих трудностях, о Боге, о состоянии человечества в наши дни, и о том, что нет никакого иного выхода из тупика, куда они зашли, кроме веры.

Первая острота горя прошла, и я уехала домой...

/ ... / В Великую Пятницу я присутствовала при выносе Плащаницы в той же церкви Ивана Воина. Храм был переполнен. Когда стали подходить к Плащанице меня зажало в толпе как раз напротив того места, где прикладывались. Это были настоящие похороны. Женщины плакали, сдерживая всеми силами горе, некоторые пытались целовать лик, и их силой отрывали. Две тысячи лет неподдельные слезы по усопшему. И знают, что через три дня Воскресение! Значит, этим простым женщинам открыто несравненно больше, чем мне? Как трудно будет дорасти до них!

Троица, июнь 1969 года

Я впервые была в церкви на Троицу. Священники по очереди молились с цветами в руках, на коленях, лицом к коленопреклоненной толпе. Лицо мое за-

ливали слезы, и я молилась: „Господи, возьми меня в Свои работники!”

12 августа 1969 года

Сегодня приступила к утренним молитвам в момент, когда в храмах обычно призывается Святой Дух на Святые Дары. Молилась с полнотой чувства, скоро ощутила, что в мое тело вступил Христос и целиком его заполнил. Я колебалась, продолжать ли молиться, главное свершилось. Чего желать, чего просить? Но помолилась о том, чтобы продолжение молитвы было принято как мое смирение, и как-то странно молилась Христу, обладая Христом, обращаясь почти Им Самим к Нему Самому.

Когда кончила положенные молитвы, стала благодарить от себя, и тут выступили благодарственные слезы.

12 мая 1970 года

Действительно, тропа веры узка, и я непрерывно оступаю. Мне, в делах и быту не такой уж ленивой, вдруг пришлось бороться с душевной вялостью, апатией, механичностью. Центр тяжести незаметно переместился с небесного на земное. Любовь ко Христу, от Которого я отодвинулась по инертности сама, подменяется иным, более легким притяжением к целям наглядным. Прямой разговор с Богом в молитве заменился деятельностью, лишь косвенно относящейся к Нему.

И вот сегодня опять невещественным ветром колышется завеса, и я урывками заглядываю в иной меркой меряемый мир.

Господи, сохрани Твою благодать. Дай сил не уставать, не позволять грубой наглядности реального застилать Твой облик.

8 июня 1970 года

/ ... / Непонятно почему, я испытываю все эти дни блаженную радость, тихое ликование, беспричинно улыбаюсь все время и только часто благодарю Бога и повторяю много раз на день Иисусову молитву.

За что мне это? Я написала вчера „утреннюю молитву”. Вот она.

Господи, благослови молитву мою. Помоги мне всей душой и телом предстать без рассеяния пред Тобою. Утверди меня в вере и живой любви к Тебе, пусть они не иссякнут во мне. Даруй мне, Христе Боже, память о Тебе во весь день сей. Дух Святой, соделай меня сосудом Своим. Освяти, Господи, все побуждения, чувства и мысли и дела мои. Дай мне сегодня не преступить ни единой заповеди Твоей и творить одно угодное Тебе. Научи меня в каждом событии распознавать Твою волю и подай силы исполнить ее. Пошли моего ангела-хранителя замкнуть уста мои для слова злого или пустого и удержать мою руку от дурного дела. Если случится беда, дай мне принять ее со смирением и претворить в жертву Тебе.

Источником добра соделай меня, Господи. исполни меня миром и радостью, и пусть коснутся они и всех, с кем я встречу сегодня. Прими мою молитву за тех, кто лишен счастья знать Тебя. Избавь их от неверия. Пусть каждому послужит день сей ко спасению его.

Благодарю Тебя, Господи, за душу мою и за тело, за силы мои и за жизнь, за близких и дальних, за землю и небо, превыше всего за животворную любовь Твою.

Пусть день сей будет благодарением Тебе, Господи. Аминь.

9 июля 1970 года

Записываю, прервав утренние молитвы (после псалма 50), такой важной показалась мне эта мысль в ее представшей отчетливости.

Христианин должен *одновременно* пребывать в сокрушении и радости. В сокрушении о своей греховной природе и радости предстояния пред Богом. Это состояние возможно, и оно, видимо, единственно нужное. Оно удивительно расширяет дух, гармонизирует его и придает ему устойчивость. Дух становится на две ноги, утверждается и перестает метаться, упершись в оба полюса одновременно.

Господи Иисусе Христе, утверди меня в этом состоянии! / ... /

25 марта 1971 года

Сегодня во время литургии и особенно во время Пресуществления я молилась, прося Христа принять мою жизнь в жертву ради того, чтобы хоть что-нибудь где-нибудь на земле, пусть самую малость, но изменилось в сторону добра. Я хотела соучастия в Его жертве, в Его мучениях и готова была в тот момент исполнить любую Его волю. Я причастилась и продолжала думать и молиться о том же.

26 марта 1973 года

В Царстве Небесном, видимо, у разных душ разный удел — „рай” не для всех одинаков. Поэтому, в частности, я не хочу никакой посмертной участи для себя, кроме окончательного уничтожения. Ведь нет там полноты ни для „малейших”, ни для „великих”, ибо как может быть великому хорошо, когда он знает, что есть „малейшие” и множество вовсе осужденных на вечные муки. Нет, нет, единственная точка, в которой я могла бы истинно встретиться с Богом, это полнота взаимной любви. Но что Ему во мне любить, если и для меня нет ничего в себе привлекательного?

А только вчера я причащалась. Незнакомый священник, который приобщал Св. Таин, вдруг поздравил меня, когда я подошла ко кресту. Была уйма народа, он запомнил и сказал всего три слова. Уже подходя к дому, я вдруг заплакала от благодарности к нему. И тут поняла, как я одинока в этом многолюдстве — мое „я” никому не нужно. Так и будет всегда. Ибо я не в силах соблюдать заповеди, а если б и смогла, что за радость быть в числе „великих”? Как у Лемма: „Человеку нужен человек”, и именно так мы истинно встречаемся с Богом, живущим в любимом нами существе. Я сознаю, как все это нецерковно. Но таков мой личный опыт, а все остальные пути к Богу для меня суррогат, „за неимением лучшего”.

Конечно, если бы я *чувствовала*, что нужна Ему не как стек в работе (стеки так легко взаимозаменяются), а сама по себе, я была бы сильнее, не впадала в уныние, ощущала бы себя счастливой и, быть может, даже очистилась бы до праведности.

Но чего нет, того нет, и трезвый взгляд на себя, на свои возможности в сочетании с этим стихом — „Кто нарушит одну из заповедей сих малейших”, — отнимает у меня всякую личную надежду. Я знаю, что Ты что-то другое хотел этим сказать, и я понимаю не по Твоему намерению. Но так вот скрестились Твои слова с моим несчастьем и дали горький, отравленный плод. Что же делать? Помогите, если хочешь.

27 марта 1973 года

„Ибо говорю вам, если праведность ваша не превзойдет праведности книжников и фарисеев, то вы не войдете в Царство Небесное”.

Мне жутко! Зачем Ты ввел меня в эту игру, если итогом ее будут вечные муки? Да ведь праведность книжников и фарисеев для меня недостижимая высота! Они соблюдали закон, а Богу и этого мало. Соблюдали, насколько умели, примешивая свое человеческое к его пониманию, но старались, как могли, угодить Богу — и не угодили. Хотя бы Он принял их послушание и доверие! Превзойти их мне праведностью? Да я вчера только разгневалась до умопомрачения. Господи, выведи меня из этой страшной игры, ее условия мне не по силам, хотя я так хотела бы быть Тебе угодной! Но это невозможно для меня. И для кого возможно? Умилосердись, Господи! Спаси меня от непосильных мук земных, а главное — от мук вечных!

29 марта 1973 года

Вчера корчилась от душевной боли. Свет застило черное облако от невыносимости. Я не могу даже

помыслить о ситуации, в которой мне было бы хорошо. Это для меня невозможно. Нужно мне — позор для моей веры — постоянное глубокое человеческое участие. А его нигде нет. Все должен заместить, заполнить Господь. А так — невыносимо! Почему же Ты медлишь, Господи? Почему мне холодно в жизни, как в космической пустоте? Почему я так дурацки устроена, что не удовлетворяюсь ролью стека в Твоей руке, а хочу теплого дыхания Твоей любви, нуждаюсь в этом, хотя совершенно не заслуживаю.

Вчера я молилась в слезах: рассыпь меня невозстановимо, не надо мне воскресения, прекрати! Вот Церковь славит 40 мучеников. Их было 40. Страдали они неделю. Это были сильные, здоровые телом и духом люди. Да я бы с радостью оказалась на их месте, мне кажется! Разве может любое физическое страдание сравниться с этой мукой душевной отверженности? Я с Господом Самим в распре, упрекаю Его в том, что Он дал мне жизнь, нахожу мир местом непригодным для житья, свое душевное устройство — бракованным, неприспособленным не только для христианских требований, но просто для жизни. Думаю, что мучилась бы в самом прекрасном варианте, ибо мука не вовне, а внутри меня. Я поглощена своей мукой, мне не до чего. Что же я должна со всем этим делать? Научи, Господи, Сам направь, Сам уладь — я же могу одно: отчаиваться. Геенна огненная мне обеспечена по основаниям.

30 марта 1973 года

Господи, скорее, на помощь, погибаю!

Что же случилось в прошлое воскресенье за

Причащением, что я так стремительно иду все глубже ко дну после него? С каждым днем все хуже.

Кому я все это пишу? Ты и так все знаешь, Господи, и предаешь меня чьим-то беспощадным когтям. Но пусть это будет вместо исповеди, Тебе одному.

Господи, рассыпь, рассыпь меня поскорее и раздуй по ветру все атомы так, чтобы никогда не собрались. Не хочу, не могу продолжать!

И еще вот о чем мне думалось: наша свобода — миф. Или покоряйся Господу, или будешь предан вечным мукам. Другого выбора нет. И это ужасно! Должно быть дано это право людям — вовсе выйти из игры, если они сознают в себе отсутствие истинной любви к Богу, но и зла не любят. И к себе я не чувствую любви — проверяю себя, ну какая же это любовь, если я себя не хочу, жизни себе ни этой, ни будущей не хочу — хочу только не быть, не страдать больше, потому что *непереносимо!* Помоги!

31 марта 1973 года

/ ... / В Церкви, в момент Пресуществления я подумала: ведь моя земная жизнь прожита, сколько бы она еще ни продолжалась. Не осталось никаких надежд, мечтаний, желаний. Быть может, Бог освободил меня от всего, чтобы я не отвлекалась на пустяки, а только готовилась к встрече с Ним? Ведь мою безумную мольбу „рассыпь меня невозвратно” Он, наверно, не исполнит. И продиктована она отчаянием. А что если мне отрешиться, отделиться до конца от себя, взять свой крест и последовать за Ним — и сделать это *единственным* и безу-

словным делом своей жизни. Конечно, жить придется среди тех же людей, но дело не в них, а в моем к ним отношении. Надо стать прежде всего и даже исключительно Божией и следовать за Ним, служа Ему в них. Ведь что-то ненормальное есть в моей уязвимости людьми, в моей ненасытимой потребности в добром участии, дружбе, интересе. Что люди? Самые лучшие из них — предадут. Ты Один не предаешь, ведь так, Господи?

/ ... / „Истинно говорю тебе: ты не выйдешь отсюда, пока не отдашь до последнего кодранта”.

Так, значит, из темницы есть выход? Неужели ад не вечен? Ничего не понимаю. Это ведь страшно важно. А может быть, то, что я испытываю, это благодетельная расплата за мои грехи при жизни? И радоваться надо, что я хоть отчасти расквитаюсь здесь за все, что причинила родным, близким и всем другим своим жертвам. Есть ли человек в моей жизни, перед кем бы я не была виновата? Да ни одного! Даже если они об этом не знают, знает Бог, что я о них думала и — думаю. „Тебе Единому согреших”. А что если эти мои муки — чистилище для меня, чтобы избежать худшего? Ведь если правильно понимать происходящее, не отверженность надо ощущать перед Богом, а Его заботу? Вот и первый плод нашего союза. Ведь как сказано: все терпеть и за все благодарить.

Кого я умела любить? Только тех, кому это было не нужно. Те же, кто был рядом и нуждался во мне, получали ошметки и объедки или просто издевательства. Разве вправе я говорить об искупительных муках? В тысячу раз больше надо было бы перенести. Поддай силы, Господи, и помоги терпеть. / ... /

19 апреля 1973 года

Немилосердно, Боже! Невыносимо. Но чем же я виновата? Что не вырвала себе оба глаза, что не отрубила себе руки? Но помогло ли бы это? Почему же тогда нельзя убить себя? Что Ты молчишь?

Где же выход? Ведь терпеть этого нельзя — я непоправимо разрушаюсь от сокрушающих меня волн страдания. / ... /

Великий Пост, март 1974

До чего нехорошо, не могу писать. Господи, да что так тяжело? Страшно даже подумать о предстоящих годах. Чего я боюсь? Зачем мне тяжело? Господь со мною, я Отчая, попрошу — и даст!

/ ... / Или это так тяжело идет Крестопоклонная неделя? Стихия беды, болезни, смерти мне сейчас кажется роднее так называемой „нормальной жизни”. От нее я в ужасе. Читаю книгу монаха Митрофана о посмертной судьбе души, и она доставляет мне наслаждение. Это, конечно, от невыносимости моей, от неумения терпеть страдание.

Молитва почти не идет. Но я и это постараюсь перетерпеть. Так долго продолжаться не может, по счастью, нет сил. Как-нибудь да кончится, если Ты захочешь. Но мне хочется верить, что все это не вовсе бессмысленно, что Ты и здесь присутствуешь, бдишь надо мной, что сирость эта мнимая, а я была и есть Отчая.

Мой духовник сказал, что я прохожу огненное испытание. Дай мне сил хотя бы на одно: не повредить непоправимо нашим с Тобой отношениям. Прости мне срывы, ропот, уныние. Разве это уны-

ние, Господи? Это — тоска, мука, боль до распада-
ния, до гибели.

Великий Пост, март 1974

Кончилась страшная Крестопоклонная неделя. Не катастрофой ли? У меня состояние, какое приходит после похорон. В голове непрерывно звучит: „плачу и рыдаю” из чина отпевания. Что делать? Сломить себя и принять то, что неприемлемо, что воспринимаешь как подлость и предательство? Так больно, Господи!

Великий Пост, март 1974

Со вчерашнего утра муки прекратились. Я уже не в аду, и хотя грядущее темно, нет боли, нет безнадежности.

Все идет по расписанию: кончилась Крестопоклонная, и отпустило. Хотя события продолжали разворачиваться мучительно и страшно, это не задевало меня. Через слишком глубокую печаль и страдание я прошла накануне и была как бы под действием анестезии.

Я ли не созрела для жизни по Слову? Есть главное условие: меня не пленяет „молох” (то есть то чудовище, каким является жизнь, не ориентированная на одного Бога). Никаких надежд на нее я больше не возлагаю, смерть для меня давно приемлема, страдание — знакомая стихия, и кроме Тебя у меня, наконец, никого нет, я одна. Ничто не может отвлекать меня больше от Тебя, Боже. Ты бил меня, как кузнец — кусок железа. Я готова. Я в Твоем распо-

ряжении, Господи. Веди. Возьми в Свои руки мою жизнь. Ведь все, что со мной происходило, было неслучайно. Зачем-то Ты подвел меня к этому рубежу?

Если Ты захочешь, начну, ничего не страшась, действовать по Слову Твоему. Да будет между нами так. Аминь. Решимость моя от Тебя. Не отбирай, но укрепи ее. Я этого хочу, а смогу осуществить, если Ты того захочешь. Да будет воля Твоя.

/ ... / Уже который пост подряд Господь творит одно дело: отрывает меня от моих уз. Прошлым Великим Постом то же происходило, но я не поняла, мне было слишком больно. Господь хочет моей безраздельной любви. Я тоже хочу. Как может у нас не получиться? Это кризис. Большими кусками отваливаются корки. Держи меня, Боже, я буду норовить в старую удобную шкуру привязанностей, сожги ее поскорей, чтобы мне некуда было отступить. Помоги. Рождаюсь, Боже. Боже, я люблю Тебя. Помоги моей слабой, новорожденной любви, она хочет жить и расти. Пребудь со мной и во мне.

Из части второй

ЗЕЛЕНЬКИЙ СТВОЛ

В самолете

Вчера я летела на самолете, смотрела в иллюминатор и думала о Тебе и о нас, Боже. С очень небольшого расстояния до земли в 8-9 км уже едва различимы города и селения прямо под крылом и совсем неразличимы, если смотреть чуть вдаль. Сколько же их на земле! И в каждом из них множество домов, а в каждом доме — квартир, а в них — людей! Мы даже с этой небольшой высоты невидимы, как микробы. И Ты о всех нас знаешь. Тыходишь в сумятицу наших желаний, надежд, стремлений, порывов. Я не говорю уже о всем мироздании, где сама земля неразличима, не говорю об отошедших поколениях. Ведь у любого из нас есть еще и ангел-хранитель, и дух-противник. И бесчисленным множеством духов наполнено какое-то особое „пространство” близ нас.

Ты всевидящий разум мира. Ты один придумал и осуществил его во всем его неисчерпаемом многообразии, создал множество форм жизни, множество миров. Ты связал все в единый мир и ведешь его. И дал ему еще волю не подчиняться Твоим законам,

и все же держишь его в руках! И следишь за судьбой каждого муравья, наверно, и каждого вируса. В одной капле из любой лужи можно увидеть под микроскопом неисчислимое множество биологических форм — и все они Тебе видны, в каждую Ты вкладываешь жизнь и включаешь ее судьбу в свой замысел. В любое мгновение Ты, бдительное Око, видишь все, от отдельных атомов, существующих во Вселенной, до макромиров, о которых мы даже еще и не знаем ничего.

А кроме того, что Ты промышляешь обо всем в этот самый миг, — все мгновения, складывающие вечность, ведомы и видны Тебе сразу. Совершенно непостижимо, как безмолвное устремление наших сердец воспринимаешь Ты Сам, Боже! И оказываешься тут, рядом, в теснейшем соединении с нами. Когда думаешь об этом на земле, в привычных очеловеченных масштабах, это одно, но в измененных мерках полета — совсем другое.

При всем этом Ты — не безликая творящая сила, а человечески нам близок. Ты видишь, слышишь, чувствуешь, любишь, страдаешь, радуешься. Ты — заботливый друг мне, хотя даже с высоты девяти километров это кажется уже невозможным, неместимым. И Ты, Ты достаиваешь каждого из нас такой любви, что умалился до облика человека, воспринял все наши муки, пошел на позорную смерть ради нас! Тебе ведома каждая моя мысль, малейшее желание, побуждение, и Ты ничего не упускаешь, ничего не забываешь — и сквозь это любишь! Но если так, если Ты любишь нас такими, каковы мы сейчас, значит, Ты уготовал нам иную судьбу, иной облик, иное состояние. Уже на одном Твоем всеведении воздвигается здание нашего

упования, смирения, понимания полной незаслуженности Твоих даров и чуда Твоей любви! Даже робкая мысль об этой тайне, входя в меня, может разорвать мое сознание своей огромностью.

Возможно, вот в чем тут дело. Наше сознание — тоненький лучик, блуждающий по окружающему нас миру. Оно переходит с одного объекта на другой, одновременно отключаясь от всего остального. Живя в современном громадном городе, мы совсем и не воспринимаем его, а знаем несколько десятков людей, несколько десятков улиц, бываем в немногих домах — и это-то и есть для нас жилой обжитой город.

А Твое сознание — не лучик, а всепроникающий, все заливающий свет. Но и это ничего не объясняет. Ты — тайна. Какое счастье для нас, что есть Иисус Христос и тайна приобретает уловимые очертания, приближается к нам в доступности, хотя и остается непостижимой.

Первый снег

Первый снег. Тишина. Чистота. Мир. Все это — Твои обличья. Кажется, нажми пальцем и почувствуешь под ними Тебя. То, что мы принимаем за вещи, за природу, как бы отдельные и независимые от Тебя, и обычно тщимся соединить мыслью с Тобой — в том не нуждается, ибо оно порождено, наполнено и живет Тобой.

Я сейчас приобщена к этой тихой таинственной жизни. Я чем-то похожа на снег за окном, удивительный куб тишины, так совершенно наполняющий мою комнату, на неподвижно живущий кактус на

письменном столе. И это сходство, эта общая наполненность вещей и меня Тобой, роднит меня с ними. Мне кажется, я смутно постигаю их доверчивую, кроткую жизнь, их неотделенность от Твоей воли — в это тихое утро, в которое Ты так отчетливо и плотно водворен в мире, а мир — в Тебе.

В обычной суете мы проскакиваем мимо самого ценного, вечно гонимся за тем, что тут. Стоит лишь остановиться, замереть и включиться, ну хотя бы в безмолвное падение снежных хлопьев за окном, и окажется, что жизнь, ее суть — вовсе не в непрерывной лихорадке событий и перемен. Мне думается, что ощущать жизнь невозможно без этой причастности миру и Богу.

Снег, тишина, космические пространства, скрывающиеся за привычным земным пейзажем, Ты и я — едины. Ты связал меня не только с Собой, но и со всем Твоим творением. Ну, конечно же, ведь я — его часть, и как его часть воспринимаю направленную на творение и зиждущую его Твою любовь.

...Посмотрела внимательно и благоговейно на иконы и увидела, что у них, особенно у Матери Божией, такое же состояние, как у этого дня. Значит, этот день снова — Твое изображение? Сейчас любой предмет в комнате, облитой этим белым зимним светом, я вижу и как отдельную икону, и вместе с тем как деталь огромной иконы — мира. Как благоговеет он, как молится и почитает Бога сегодня! И я с ним, как его часть. Я вот — тоже икона, тоже божественна сейчас как стул, стол, книга, облака в окне... Вот прорвалось солнце. Его лучи — Твои лучи. Твоя любовь стоит во мне неподвижно, как вино в налитом до краев бокале. Уже не менее часа длится это мгновение. Говорят,

когда так тихо, пролетает ангел. Ангелы тоже включены в эту безмолвную жизнь. Эта благодарная тишина мира более всех молитв и славословий выражает его любовь к Богу. Я ее ощущаю как звучание. Ты слышишь, как я — тело, вещь, безмолвно молюсь Тебе со всеми вещами, составляющими мир?

Ботинки и крылья

Проснулась ни свет ни заря невыспавшаяся и взялась за книгу. Наконец внимание утомилось, стала одолевать дрема, и тут в полусне отчетливо представился некто босой, стоящий на промерзшей земле. Более всего он желал обуви — и вот я вижу, как он надевает новые, крепкие, дорогие ботинки — ему ведь надо ходить по земле, думает он, — и он получил желаемое. С удовольствием ступает он обутыми ногами по обледенелой дороге. Но тут возникает другой босой человек (а может быть, это тот же самый снова, т. е. возникает та же картина), у него та же нужда в обуви, но он более земных даров жаждет даров небесных, тянется к Богу — и даются ему прекрасные светлые ангельские крылья. Он обретает способность летать, и оказывается, что обувь ему теперь не нужна — духовный дар как бы вобрал в себя потребность и разрешил ее по-своему.

Избираю крылья, Господи!

Дождь на Светлой неделе

Светлая Среда. Идет дождь. Запотевшие стекла окна усеяны каплями. И в каждой дождинке дейст-

вует Твоя сила. Капля может упасть или прилепиться к окну, замерзнуть и превратиться в снежинку или льдинку, может, напротив испариться и подняться вверх, войдя в состав воздуха, или же разложиться на два газа, сделаться частью живой клетки, напоить, влиться в ручей, лужу, реку, море, океан, осесть надолго на ледяной вершине горы или уйти под землю. И все эти неисчислимые возможности заложены в ней как частице материи, наделенной Твоей животворной энергией, той самой, которая движет моей пишущей рукой, соединяет с Тобой, наполняет сердце любовью, тело — силой, ум — мыслью. Видов энергии множество, но источник один, это Ты и Твоя любовь. Я очень очерченно ощущаю себя, свое отдельное, четкое „я”. И в этой своей обособленности и замкнутости чувствую свое единение со всем сущим в Тебе. Это свойство творчества: выделять, выявлять, замыкать в форму, предельно индивидуализируя характеристику, и помещать на точное место в общей картине мира. В своей нынешней оформленности я — Твоя капля со всеми ее неисчислимыми возможностями метаморфоз и соединений. Тем, что я дышу, смотрю, слушаю, действую — я отзываюсь на Твою потребность творить. Я благодарю Тебя тем, что стремлюсь жить в Твоей воле. Сама жизнь, ее процессы уже соединяют меня с Тобой, и это соединение вместе с тем обеспечивает мне жизнь. Ибо есть и смерть, и смерть вечная. Она вполне естественна, поскольку порождается отсечением себя от Источника жизни, от Жизнодавца.

Мое „я” столь же самостоятельно и бесценно, как любой цветок, кристалл, озеро — все равно, что назвать. Я — Твое драгоценное творение, Твой

подарок мне самой. Сейчас я люблю себя как частицу Тебя, я бескорыстно восхищаюсь заложенными Тобой возможностями, их красотой, удивительной глубиной смысла моего существования. И вместе с тем меня еще более восторгает все созданное, каждый человек особенно. Восхищение это соединяет с Тобой и Твоими творениями как-то удивительно разумно. У меня такое чувство, будто мною самой создано прекрасное произведение, настолько щедро Ты даруешь ощущение соучастия в Твоем творчестве.

Этим весенним дождем Ты возвращаешь землю к жизни и вместе с ней — меня. Это могучее и таинственное пробуждение природы стало для нас давно привычным, но вот сейчас я как бы впервые припала к ней и наливаюсь живительными соками. Однако природное пробуждение лишь часть дела. Ты творишь мою душу, вливаешь в нее могучую духовную энергию.

Ах, ведь это вот что: это сила воскресения. Ты вовлекаешь весь мир, и меня в том числе, в процесс Своего пробуждения от смерти. Ты воскресаешь и животворишь все сущее. То, что я испытываю, это следствие Твоего Воскресения, участия в нем. Но воскресение — труд, не только праздник, а и усилие, напряжение, временами — черная работа. Преодоление смерти и распада это не магический фокус, а гигантское усилие Духа, победа, покупаемая дорогой ценой. И как в природе весну предваряет зимний сон, так и в Твоей земной судьбе Воскресению предшествовали страшные муки, агония, смерть. Итак, Ты являешь образ нашего воскресения в жизнь, как труд, требующий напряжения всех сил, как преодоление смерти и тлена, как побеждающее

в борьбе усилии. И к этому усилию Воскресения Ты зовешь Своих верных вместе с природой, включающейся этим дождем в весеннюю страду. Можно сидеть дома, выходя раз в несколько дней, и наблюдать: вот первые мать-и-мачехи, вот трава пробилась — то есть приходите на готовенькое. А можно участвовать, каждый по-своему, в работах в Твоем саду.

Поставь меня на рабочее место в страде Воскресения, Господи. Дай потрудиться Тебе, Животворче.

Зеленой краскою мазнули спящий склон,
впади и ты, усталый мой читатель,
в такой же беспробудно крепкий сон,
чтобы налиться той же вешней стати.

Я о лазури вас оповещу,
когда она восторжествует прочно.
Я знак подам и камню, и хвощу —
желать любви земной и непорочной.

Тебе ж скажу — не ввязывайся, спи,
зачнешь и так от этих майских соков
и расцветешь, как расцветут репы,
во исполнение судеб и сроков.

В недвижимой сопричастности весне
негаданно придет к тебе решенье,
так подобающее сну и тишине:
стать телом, подлежащим воскресенью.

Свечи

На Преображение в церкви передавали великое множество свечей „к празднику”, то есть к иконе

Преображения. За время Литургии никак не могло сгореть в этих двух подсвечниках столько свечей. Я смотрела на горящие свечи, поскольку стояла неподалеку, и думала об оставшихся лежать в ящике. И вообще о свечах, которых по каким-либо причинам никто не купит или купит про запас и никогда не использует.

Если бы такие свечи обладали самосознанием, то они ощущали бы себя восковыми или стеариновыми цилиндриками со шнурочком внутри, непонятное предназначение которых — очень долго лежать в темном ящике и наконец быть съеденными мышами или как-нибудь испортиться или распасться от времени. Главными событиями их жизни были рождение на фабрике, упаковка, транспортировка на склад и лежание в ящике. Им и в голову не пришло бы до смерти их истинное предназначение — гореть, светить, разгонять мрак ради людей, ради того, чтобы читались и писались книги, велись беседы, играла музыка, то есть совершались события жизни, неизмеримой с лежанием на складе. Они бы даже и не догадались, что есть свечи-избранницы, своим горением участвующие в молитве, выражающие слезы раскаяния или скорби, благодарность, радость, надежду, что свеча может быть посредницей между человеческой душой и Богом в решающие моменты крещения, венчания, смерти, прощания с близкими, что она может быть мольбой и взыванием.

Правда, для этого она должна сгореть очень быстро.

Но вот представим, что свечам, привыкшим к „жизни” в ящике, показывается иная судьба заж-

женных сестер и предлагается выбор: вернуться на склад, послужить экономно и не враз людям, сгорая по частям из вечера в вечер, или же сразу сгореть перед иконой или на престоле.

Многие ли предпочтут сгореть? Не захотят ли вернуться на склад? Так и люди. Многие не догадываются о своем предназначении „свечей на подсвечнике” о том, что смысл их существования — разгонять мрак зла, в котором лежит мир, горя любовью к Богу и ближнему. Живут, мучаются, умирают неизвестно зачем, ради чего! Думают, что что-то берегут для себя, избегая жертвенного горения. Но ответственность за выбор есть нечто, что избежать человеку невозможно.

Если уж жить, так не прозябать на складе, а гореть любовью к Тебе, которая одна и есть истинная жизнь.

Времена года

Почему мы считаем осень каким-то приготовлением к концу, к зиме?

Осень приходит с плодами и одновременно принимается за подготовку к весне, к новому цветению. Она производит грандиозную уборку, расчищая место для новых почек и ростков. Разбрасывает семена и прикрывает их сделавшими свое дело листьями.

А зима — это необходимый сон и отдых перед новыми работами.

Почему мы воспринимаем трагически старость и смерть? Старость подобна осени, смерть — зиме. Но

это вовсе не конец, а приготовление к новому этапу.

Я шла в саду по сбитым недавним дождем желтым листьям, среди которых валялись крупные, спелые яблоки, и понимала, что весна — ничто без этих дней. Как печальна юность которой не дожить до зрелости и старости! Все связано, закономерно, и все продолжается, ибо вечна Твоя любовь, Всемогущий, к Своему творению!

Единственная истина

Центральная мысль, занимающая меня, заключается в том, что христианская религия дает основу для понимания всего сущего и потому в ее свете *необходимо пересмотреть все наше знание о мире*. Это некий аппарат, позволяющий проникнуть в тайны происходящего. Любую науку, и философию, и искусство, и всю нашу жизнь и деятельность надо переосмыслить в свете веры Христовой. Это принесет познанию неоценимые плоды. Все потому, что есть одна истина на свете и имя ей — Христос. Все остальное не имеет смысла, ибо лишь нагромождает хаос разобщенной информации, готовый поглотить и разорвать сознание современного человека.

Наука занимается анализом отдельных явлений, философия — их синтезом, а религиозная мысль проникает в глубины сущего с божественной точки зрения, утвержденной в вечности, и потому ее озаренное постижение бытия ничем не может быть заменено. В таком познании участвует Бог, помогающий нашему разуму.

Причастница

За окнами в морозных разводах — снега, голубые в тени и розово-желтые на ярком солнце, сад в снегу фантастически праздничен, чист торжествен. Я догадываюсь, что земля и деревья в снегу безмолвно и сосредоточенно молятся, что зима, когда они свободны от работ и плодоношения — для них время уединенного созерцания.

Небо и земля связаны воедино морозом, солнцем, молитвой, они без слов понимают друг друга и делают все, что друг для друга нужно, как рука служит телу — естественно и без раздумья.

Это совершают молитвы земли, поднимающиеся вверх, и благодать Духа, сходящая вниз, а я в центре этих встречных движений благословляю и небо и землю, которым равно сейчас причастна.

Небо сходит на землю и воцаряется на ней, ибо земля чиста в этих снегах и молитве, как светлая причастница.

Д а

Я испытываю какую-то особую потребность в слове „да”. У меня им выражается огромное, всеобъемлющее согласие с Богом. „Да” — это животворящее слово, несущее в себе колоссальный творческий потенциал. „Да” — это широко распахнутые навстречу Богу врата человеческой воли. Примечательно, что по-русски оно еще имеет значение „пусть”, то есть некоего разрешения, пропуска и вместе с тем призыва.

Да будет воля Твоя, — говорим мы.

Да будет Свет, — говорит Господь.

Я снова всем сердцем, всем существом моим, согласным с Тобой, говорю Тебе: Да, Господи. Да совершится все, как Ты хочешь. Я принимаю Тебя и с Тобой весь мир.

Мне кажется, что это „да” насыщено Тобой и потому божественно. Им можно творить великие дела в мире, как Ты творишь. Твое „да” утверждает Тебя в мире, наши „да” утверждают мир в Тебе. Ты говоришь „да” нам, мы говорим „да” Тебе, и разъятые планы мирского и духовного совмещаются, и нет больше разрыва, отторжения, отпадения. Сделай так, чтобы я всегда говорила Тебе это „да” еще прежде, чем Ты выразишь Свою волю.

Да придет Царствие Твое. Да, Господи!

Согласие с Тобой — источник неиссякаемой энергии, им, собственно, все решается, оно определяет всю жизнь человека и направляет ее к акту свершения, к совершению, совершенствованию, совершенству. Корень же этих слов — вершина, верх. „Да” устремляет нас вверх. Это горючее, посылающее в небо ракету. Итак, душа отправляется в стремительный полет через горние миры к Богу. Может быть, она когда-нибудь так научится говорить „да”, что по ее слову во мраке будет вспыхивать свет, из ничего созидаться миры и возникать жизнь. Наши „да” Богу загонят силы тьмы в тесные щели и блокируют их там навеки. И правда, что делать им в мироздании, которое скажет „да” Богу устами человечества? Для того „нет”, которое они олицетворяют, в мире не останется места.

„Да” и „нет” — не равновеликие величины, как неравновелики Бог и дьявол. За ними стоят силы, не равные в своем могуществе. Парадоксальным

образом тут $+ 1 = -100$: одно „да” Богу сводит на нет бесчисленные происки сатаны.

Мои „да” водят сейчас круглые, веселые хороводы на зеленых лугах. Это музыкальные ноты моего славословия, из них слагается ликующий псалом, самый краткий и самый полный в мире. В нем бесчетно повторяется один слог : Да!

Годовщина

/ ... / Сегодня исполняется 10 лет с того дня, как Н. Н. привела меня в церковь. Господи, воздай ей за это добро! Ведь не пожелай она возиться со мной, тогда, казалось бы, бесперспективной с точки зрения обращения, — и я миновала бы центр и смысл моей судьбы. А в ответ я хочу помогать другим встретить Тебя.

Это не воздаяние, конечно, ибо Тебе с нами одно мучение, и все же Ты хочешь нас себе, и я жажду исполнить эту Твою волю. Благодарю Тебя. И молю: воздай за все то доброе, которое, начиная с того дня, делает мне духовник. Преврати благодарность мою в дары, и осыпь ими его и Н. Н. На этом десятилетнем пути мне помогало много людей: священники, монахи, миряне. Одари каждого за то, что они трудились на моей ниве ради Тебя.

А от меня прими в дар жизнь мою, устремления и силы. Я хочу, чтобы Ты стал единственным желанием моего сердца, хочу проявлять любовь и благодарность в молитве и служении Тебе и людям. Помоги мне созидать Твою Церковь на том ее участке, с которым Ты меня связал.

Благословенна Твоя святая и любящая воля о нас.

И еще, Господи, мне постоянно помогают ангелы, святые и Мать наша. Прими это свидетельство о их труде и любви и воздай им как знаешь.

Так торжественно тихо в заснеженной деревне, будто идет богослужение. Мне кажется, что все вокруг молитвенно благодарит Тебя и радуется за меня безмолвно.

Но, Господи, лишь претерпевший до конца спасется. Дай мне устоять ради того, чтобы обрадовать Тебя, ради того, чтобы мы встретились и не разлучились, ибо этого жаждет мое сердце.

Д. Н. М а м и н - С и б и р я к

Посвящается памяти М. М. Абрамовой

ПОСЛЕДНЯЯ ТРЕБА

Рассказ

1

Рождественская заутреня была на исходе, когда в церковь торопливо вошел лесник Евтроп. Это был плечистый, высокий мужик с бородатым, угрюмым лицом. Он как-то сразу почувствовал себя неловко в этой толпе молящихся, — давно не бывал в церкви, да и как-то совестно быть выше всех головой. Церковь показалась ему такой маленькой, точно она выросла в землю за время его отсутствия. Торопливо перекрестившись, лесник начал проталкиваться вперед.

— Куда прешь-то? — остановил его случившийся поблизости церковный староста, обходивший церковь с кружкой? — Ведь не в лес пришел.

— Парасковья-то... Мне бы попа Савелья... — бормотал смущенно лесник, глядя на старосту умоляющими глазами. — Значит, тово ...

— Обождешь ...

Лесник что-то хотел сказать еще, но только махнул рукой. Он почувствовал как-то всем своим

Напечатан в „Мире Божиим”, 1892, 12.

громадным телом, что его здесь все ненавидят. Да, ненавидят, несмотря ни на святое место, ни на церковную службу. Одни от него отвергывались, другие делали вид, что не узнали, третьи косились, и все ненавидели, потому что он всем им чем-нибудь досадил. В маленькой деревянной церкви собрались жители нескольких соседних лесных деревень, съехавшиеся сюда встретить праздник. Всем так или иначе приходилось иметь дело с лесным кордоном, где царил суровый Евтроп, и многим являлась не раз грешная мысль отправить лесника на тот свет. Очень уж лют до чужого добра...

В церкви было и жарко, и душно. По старинному обычаю бабы занимали левую сторону, а мужики правую. В спертom воздухе свечи горели красными пятнами. Приход был бедный, и даже в такой праздник маленькая церковь была освещена мало. Больше всего свеч было поставлено перед местным образом Богоматери, — это ставили бабы своей усердной заступнице. Старинный иконостас, прокопченный и с облупившейся кой-где позолотой, старенький дячок на правом клиросе, два старых трапезника, старый староста у прилавка со свечами — все здесь было старое, бедное. Вышел на амвон говорить отпуст поп Савелий в старенькой ризе, — и какой поп — простец, а не поп. Лицо такое скуластое, глаза узкие, волосы лежали жиденькими косищами. Сколько ему было лет — трудно сказать, или вернее — лет не было. Бывают такие люди. Леснику показалось, что и поп Савелий посмотрел в его сторону враждебно.

Воспользовавшись перерывом в службе, лесник протискался вперед к самому амвону. Толпа шушукалась, особенно бабы, но никто не расходился в ожидании обедни.

— Зачем сюды змея то принесло? слышался шепот за спиной лесника. Но он не обернулся, а смело направился в алтарь, тяжело ступая по деревянному амвону. В пономарских дверях его грубо остановил старый трапезник.

— Куды прешь?..

— Мне бы попа Савелья. Значит, тово...

В этот момент вышел сам поп Савелий. Он был в новом люстриновом подряснике и такой же ряске.

— Чего тебе, Евтроп?.. — спросил поп Савелий, давая благословение громадному человеку.

— Жена помирает... неблагополучно разрешилась... значит, тово... — бормотал лесник со слезами в голосе. — С вечера мается и помереть не может... За тобой послала, потому хоть и баба, а христианская душа...

— Что же я поделаю, Евтроп: сейчас начинается обедня... Народ ждет. Съехались из дальних деревень. Вот кончу обедню, тогда и поеду...

— А ежели Парасковья-то помрет?..

— После обедни поезжай, поп... — загалдели окружавшие их мужики. — Тоже немало народу ждет... Не одна твоя Парасковья. Бабы живучи, обождет... — В голосах слышалось скрытое озлобление. Евтроп это чувствовал и посмотрел своими умоляющими глазами на попа Савелья.

— Помирает, говоришь? — спрашивал поп, перебирая полу своей ряски. — Этакий грех... гм...

— Пластом лежит... Слезно молила привезти попа, потому смертный час пришел Парасковье... Как она маялась...

Голос Евтропа оборвался, и он кулаком вытер слезу.

Поп Савелий опустил глаза и вздохнул. Как же

быть то в таком деле? Ему вдруг сделалось жаль вот этого громадного мужика, в котором сказалось такое близкое горе... А там ждет умирающая последнего напущивия. Одна, в лесной избушке... считает минуты... прислушивается к каждому шороху... Поп Савелий обвел глазами свое словесное стадо и снова опустил глаза. Все были против лесника и не отпустят его, а идти против мира он не мог.

— Ах, какой грех... Так помирает твоя Парасковья? — повторял поп Савелий поднимая глаза на Евтропа. — Кто же там, на кордоне?

— Да она не одна... Танька при ней. Восьмой год пошел Таньке-то на Петровки. Ну, мальчонко... Уж больно она маялась, пока Господь разрешил...

Наступила длинная пауза. Мужики угрюмо молчали, переминаясь с ноги на ногу. Евтроп смущенно перебирал в руках свой олений трех и не двигался.

— Так уж видно тово... заговорил поп Савелий, разглаживая свою бородку. — После обедни значит... Главное, народ ждет. Сейчас к обедне будут благовестить, а после обедни и поедем. До кордона не меньше десяти верст будет...

Поп сделал знак старшему трапезнику, чтобы тот шел на колокольню. Это движение испугало Евтропа. Он схватил попа Савелья за широкий рукав рясы и проговорил хриплым шепотом:

— Живые-то подождут, поп, а Парасковья помирает... ждет она...

Тут произошло что-то особенное. Старик трапезник пошел по левой бабьей стороне и точно завяз. Его не пускали ни назад ни вперед. Бабы окружили его живой стеной, как овцы. Старик пробовал раздвинуть толпу, размахивал руками, уговаривал, но все было напрасно.

— Да вы очумели никак! — вступился староста, пробиваясь на выручку застрявшему трапезнику.

— А не твое дело, — отрезала ему ближайшая бабенка, отталкивая руками. — Попробовал бы сам бабью му́ку-то принять...

Это послужило сигналом. Бабы зашущукались все разом, где-то слышались причитанья, стоны и всхлипыванья.

— Мы обождем, — крикнул из толпы старушечий голос. — Поезжай с Богом поп Савелий... Не таковское это дело, чтобы мужиков слушать.

Мужики смущенно молчали. Поп Савелий оглянул толпу и понял, что ему следовало делать. Он отправился в алтарь, помолился, взял походную дарохранительницу, надел старенькую баранью шубенку и опять вышел на амвон. Здесь он подошел к местному образу Богоматери и помолился. Он любил этот образ, — какой кроткий лик смотрел на его паству, а тут еще предвечный Младенец с простертыми вперед руками...

Толпа расступилась, когда поп Савелий заплетаясь в своей шубенке, быстрыми шагами пошел к выходу. Евтроп шагал за ним, опустив голову. Жгучее чувство тоски у него сменилось какой-то смутной надеждой... А может быть Господь помилует для сирот? Ведь трое их, сирот-то, с новорожденным... Ах, скорее, скорее, Парасковья ждет.

Раз решение состоялось, никто больше не спорил. Мужики толпой вышли проводить попа. У церковной ограды, потонувшей в глубоком снегу, была привязана Лысанка, знаменитая лошадь Евтропа, ходившая за ним, как собака.

Это была самая неуклюжая тварь, самой невозможной масти, точно вымазана была сметаной и

вдобавок с белыми глазами, что ей придавало глупо-дикий вид. Евтроп хотел садиться в свои сани, когда его остановили.

— Куда ты лезешь, дуролом?!

Евтроп ничего не понимал. Мужики обступили лошадь и вырешили все дело.

— Поп Савелий поедет один, потому как Лысанке двоих-то вас везти не под силу, пожалуй, будет... Убродно сейчас ехать, а Лысанке надо еще два конца сделать. Доедешь один-то, поп?

— Как же не доехать: доеду, — согласился поп, запахивая свою шубенку.

— Повертка будет на шестой версте, так ты держи правой руки... — советовали мужики, усаживая попа в сани. — Ну, с Богом! Да ты тово, поп, распашнем не езд... Вот тебе опояска... Вон как погода-то завивает. Помни поворотку-то...

Кто-то снял опояску, и ей опоясал попа. Чья-то рука поставила воротник, другая нахлобучила баранью шапку на самые уши, и поп был готов. Отвязанная Лысанка взглянула на хозяина, брыкнула задними ногами и не хотела идти. Двое мужиков под уздцы вывели проклятую скотину на дорогу, двое других пристегнули ее, и Лысанка рванулась так, что поп едва усидел. — С Богом!..

2

Зимняя вьюга выла волком. Кругом было темно как в трубе. Сухой снег переносился с места на место, как толченное стекло. Полозья скрипели, точно их кто-то хватал зубами. Одним словом, настоящая волчья ночь. Но поп Савелий ничего не боялся: разве

в первый раз ему приходилось ехать с требой в такую погоду.

Отъехав, он оглянулся на церковь. Она светлела в снегу, как фонарь. Поп выпростал правую руку из меховой рукавицы и перекрестился. Он любил свою деревянную церковь, как родную мать. А вон в стороне и церковный домик, заметенный сугробами... В одном окне чуть брезжил слабый свет от лампадки. Село Полома совсем затерялось в глухом лесу. Всех дворов не наберется и двух сотен. Они разбрелись по обоим берегам лесной речушки Поломки. Кое-где мелькали веселые огоньки. Это проворные старухи затопляли печи. Давно уж живет поп Савелий в своей Поломе и знает каждую избу, каждую бабу, каждую скотину. Приход самый бедный, но поп Савелий не жаловался и не пошел бы на другое место ни за какие деньги. Его привязала к Поломе родная могила... Поступал он сюда на место еще совсем молодым и похоронил молодую жену на втором году. Умерла Савельева попадьа от родов, как теперь умирала жена лесника Евтропа. Это совпадение заставило попа отнестись особенно сочувственно к горю Евтропа: родное было горе, знакомое... Да и день-то такой выдался. Один раз родится Христос в году, для всех родится, чтобы был „на земле мир и в человецех благоволение”. Любил поп Савелий этот праздник, когда Христос приходил в мир, тот Христос, который лежал в яслях, которого окружали бедные пастухи.

Когда сани спустились к Поломке, Лысанка сделала отчаянную попытку вернуться назад — она стремительно бросилась в сторону и налегла всей тушей на оглоблю, но поп вовремя ухватил за вожжу и вовремя ударил упрямую скотину хлыстом. Лысанка

замахнула хвостом, брыкнулась и полетела вперед.

Лес начинался сейчас же за селом, — он обошел всю стройку живой зеленой стеной. Поломские мужики не имели пашен, потому что земля была холодная, неродимая. Только кое-где на пожогах сеяли ячмень. Промышляли охотой, рыбными ловлями, а главное — сплавляли лес на Каму. Кругом Поломы, по лесам и болотам рассыпались мелкие деревушки, починки, половинки и займища. Все это жильё тянуло к Полومه, где была церковь, и волость, и кабак. Лысанка сама свернула на глухую лесную дорогу, закусил удила и понеслась легкой, развалистой рысью. Сани были простые, крестьянские „крясла”, т. е. дровни, с широкими отводами, перепутанными веревками. На таких „кряслах” возили и сено, и дрова. Главное неудобство заключалось в том, что в „кряслах” поддувало со всех сторон, несмотря на положенное сено. Но поп Савелий не замечал холода, проникнутый одной мыслью об умирающей женщине, которая ждала его в лесу.

— Ну, Лысанка, трогай, трогай!.. — понукал поп, хлопая лошадь вожжой. — Что задумываешься?..

Только в одном месте поп Савелий забыл и про Лысанку, и про ожидавшую его больную. Это было в полуверсте от Поломы, где среди леса выдалась широкая поляна. Здесь было кладбище и здесь была похоронена молодая Савельева попадья. Он придержал лошадь, перекрестился и благословил торчащие из-под снега деревянные кресты. Это была нива Божия... Ах, сколько зарыто тут горя, забот и опять горя. Как плакали здесь лесные мужики и лесные бабы, особенно бабы. Только зеленый лес знал все их причеты и плачи... Сюда же приходили перед венцом невесты-сироты, чтобы

попросить у родимого батюшки, родимой матушки последнего благословеньца. Жалобнее этих невестиных плачей и заплачек ничего не было... Если бы этим слезам сила, так расступилась бы сама мать сыра-земля.

— Лысанка, ступай скорее!..

Сжалось поповское сердце от земного горя и вспомнилась непрощенная слеза, которую Евтроп вытирал своим кулаком.

— Лысанка, скорее!

А какой лес кругом: в небо дыра. Мохнатые ели стояли точно в дорогах белых шубах, протянув над дорогой лапистые ветви. Ветер в лесу был тише, только что-то гудело в вершинах. Дорога шла корытом. Кое-где образовались свежие снежные заносы, и Лысанка с трудом тащила сани. На половине дороги она вспотела. Пар так и валил с крутых боков. Но поп Савелий ничего не замечал и все посылал ее вперед. На повороте, где нужно было взять вправо, Лысанка завязла в снегу. Дорогу здесь перемело до того, что пришлось ехать в цело. Снег, сгрудившись под передком, не давал ходу. А давно ли Евтроп проехал...

— Лысанка, вперед!.. — Понатужилась крепкая скотина, нагнула голову и выперла из сугроба.

— Ай да Лысанка, — похвалил поп. — Ну трогай, милая: немного нам с тобой осталось. Ну, чего оглядываешься? Ступай... Вот Божова скотинка издавалась тоже.

Поп Савелий занятый мыслью, чтобы застать в живых умиравшую Парасковью, совсем не замечал пронизывающего его холода. Поповская шубенка была плохонькая, выношенная, а под низом праздничный люстриновый подрясник — только и всего.

Невелики и десять верст по хорошей зимней дороге, да лиха беда в погоде.

— Только бы застать в живых Парасковью... — повторял про себя поп Савелий, припоминая, как умирала молодая попадья.

Тоже зимой было дело. Ни доктора, ни фельдшера, а одна старуха-бабушка. Ах, лучше и не вспоминать... Лысанка, скорее!..

На последних двух верстах пришлось подгонять уставшую лошадь хлыстом. Умаялась скотинка, да ничего, отдохнет. Только бы вовремя доехать...

Кордон стоял немного в усторонье от дороги, и поп проехал бы мимо, если бы Лысанка круто не повернула к своему пепелищу. Занесенная снегом изба стояла темная: ни в одном окне света не было. Поп едва вылез из „крясел“, до того окоченело все тело от холода. Когда он стал привязывать Лысанку к столбу, дикая скотина ухватила было его за плечо своими волчьими зубами. Поп пожалел разорванную шубу и торопливо зашагал по двору к пошатнувшемуся крылечку, занесенному снегом. В темных сенях он по стенке ощупью добрался до двери. С ним в избу ворвался целый клуб холодного воздуха.

— Кто там? — окликнул его с печки детский голосок.

— Да это я, поп... Жива мать?

— Молчит... должно што жива... Сейчас вздую огонька, а то я тут на печке с робенком отваживаюсь. Пищит все...

Детские босые ноги засеменили по полу к печи.

Загремела железная заслонка. Добыв из загнеты несколько горячих углей, девочка припала к ним лицом и принялась раздувать. Скоро синим огонь-

ком вспыхнула приставленная к углям тонкая березовая лучина.

— А тятка где? — тоном большого человека спросила девочка, зажигая большую лучину.

— Он там остался, в церкви. Двоим тяжело было ехать...

— Где же двоим... — согласилась девочка и прибавила детским голоском: — А тятка не в уме, што бросил нас одних. Ну, мамка помрет, а как же я с робенком-то?... Пищит он...

Девочка подошла с зажженной лучиной к лавке, на которой лежала больная, осветила лицо и серьезно проговорила:

— Жива...

Поп Савелий облегченно вздохнул. Ну, слава Богу...

Он торопливо разделся, поставил дарохранительницу на стол в переднем углу и спросил:

— А свечки разве у вас нет?

— Какая у нас свечка... Тоже придумали! Всю зиму с лучиной сидим.

— Ах, какой грех... Надо было с собой у старосты огарок захватить да второпях забыл. Ну, так ты, того, умница, свети...

Девочка вся превратилась в одно внимание, наблюдая за каждым движением попа. Вот он развернул какой-то узелок, надел епитрахиль и начал молиться в передний угол, где едва можно было разглядеть потемневший от дыма образ. Поп Савелий читал молитвы наизусть певучим речитативом. Девочка торопливо крестилась, стараясь не потушить лучины:

— Ну, теперь свети...

Поп подошел к больной. На него апатично гляну-

ло остановившимися глазами мертвенно-бледное лицо. Жизнь едва теплилась, и только в глазах еще мелькало сознание. Говорить больная уже не могла... Поп Савелий знал, что она умрет сейчас же после исповеди и что сейчас ее поддерживает только жажда получить последнее напутствие. Большинство так: дождутся попа и помрут...

В избе тихо раздалось первые слова „глухой исповеди”. Больная со страшным усилием сложила пальцы правой руки крестом и отвечала только слабым движением глаз.

— Бог простит... — отвечал поп Савелий.

Затем он причастил больную, благословил и приложил походный медный крест к похолодевшим губам. Глаза больной сейчас же закрылись, и поп Савелий, прикрыв ее концом епитрахили, начал читать отходную.

Маленькая девочка стояла и наблюдала с раскрытым ртом, пораженная невиданным зрелищем. Наконец, лучина у нее погасла...

— Кончилась... — тихо проговорил поп Савелий, прислушиваясь к замиравшему хрипению больной. — Господи, прости и благослови!..

3

Было темно и тихо. Девочка опять полезла в печь „вдуть огонь”. Поп стоял посреди избы и только теперь почувствовал, что он ужасно прозяб, прозяб до того, что не мог сказать, было в избе тепло или холодно. Пальцы рук скрючились, как деревянные, — и это он тоже почувствовал только теперь, когда все кончилось.

— А я тебя боюсь... — заявила девочка, когда изба осветилась только что зажженной лучиной.

— Вот тебе раз! А давеча не боялась?

— Давеча мамка была жива, а ты приехал — она и померла...

Девочка присела на лавку и горько расплакалась. Поп Савелий видел эту детскую головку со спутавшимися белыми волосенками, скрещенные голые ножки, худенькие ручки, тоненькую шейку и понял, что он ничего не может сделать здесь больше и что должен вот сейчас ехать. Служба не ждет...

— Ах, милая... как же нам быть с тобой? — бормотал он глядя на девочку. — погоди, скоро тятка приедет... Одна-то не боишься остаться?

— Б-бо-юсь... — слезливо протянула девочка. — И тебя боюсь, и без тебя боюсь...

В этот момент запищал на печке ребенок, и девочка торопливо проговорила, подавая лучину попу:

— Ты поддержи-ка лучину-то, пока я с ним там буду возиться... Он совсем ма-ахонький, как клопик!..

Поп Савелий остался посреди избы с лучиной в руках, а шустрая девчонка уже возилась на печке, где в лукошке что-то такое пищало и корчилось...

— Свети хорошенько, а то погасишь лучину-то! — сердито крикнула девочка, стоя на коленях над своим лукошком.

— Ну, умница, так? — ласково говорил поп, вставая одной ногой на приступок. — Ничего, жив будет: вон как кричит...

В ответ ему улыбнулось это детское личико, полное такой большой материнской тревоги. Сейчас девочка уже не боялась попа. Он ей казался добрым... А поп смотрел на маленькую няньку и не чувствовал как у него по лицу катились слезы. Гос-

поди, какая ночь, и какое вечное чудо творится кругом нас каждый час и каждую минуту, и как мы не замечаем этого чуда... Разве жизнь кончается, хотя на одно мгновение?.. Вот и в этой девочке та же премудрость Божия, которая научает птицу вить свое гнездо, дикого зверя пестовать своих детенышей и бессмысленного младенца заменять мать.

— Тятка-то поди на брезгу выворотится — нет... — тоном большого человека заметила девочка, укачивая свое лукошко. — Ты поезжай скорее, а то напрасно лошадь задерживаешь... Я уж тут как-нибудь одна управлюсь.

Поп Савелий благословил новорожденного, и няньку и спавшего на полятах мальчика и погасил лучину. В темноте он надел свою шубенку, опоясался и еще раз благословил „усопшую рабу Божию Параскеву”.

— Ну, прощай, Танюшка...

— И то прощай, поп... Мотри, штобы Лысанка-то где-нибудь на повороте не выкинула тебя из кресел, от нее станется от белоглазой. Да с левой стороны не подходи к ней, когда будешь отвязывать: зацепит зубищами-то как раз.

— Она и то за плечо, было, сцапала меня...

— Ну вот, только одного тятку и знает. Скажи тятке, штобы привез из Поломы тетку Маланью. Сбилась я с ребенком...

Поп Савелий почувствовал какую-то смертную усталость, когда вышел из избы снова на мороз. Да и вьюга очень уж закрутила... На дворе от его следов не осталось и помину. Лысанка вся скорчилась и дрожала. Она не сделала ни малейшей попытки еще раз рвануть попа, как давеча.

— Ах, замешкался с девчонкой! — пожалел поп, усаживаясь в сани. — Ну, Лысанка, трогай...

Лысанка точно понимала, какое трудное дело предстояло ей впереди и оглянулась. Бывалый конь: два раза медведь драл, волки хватили раз десять, и Лысанка уходила жива, хотя морда у нее и была оборвана, а медвежьи лапы оставили глубокие следы на задних ногах.

Ветер крутил в воздухе совершенно сухой снег, который так и резал лицо. Что-то такое зловещее ныло и стонало в воздухе.

— Вот так задалась ночка, — вслух проговорил поп, когда сани заскрипели по сухому снегу.

За какой-нибудь час дорога сделалась неузнаваемой, особенно по ложкам и открытым еланиям. Поп Савелий опустил вожжи и съезжился: очень уж дожимал его холод. Когда вперед ехал, так ничего не замечал, но сейчас нервное приподнятое настроение сменилось усталой апатией. Не замечал поп Савелий, что и Лысанка изошла силой и только-только тащила сани, с трудом вытаскивая свои мохнатые ноги из снега. Она все чаще и чаще оглядывалась назад, точно хотела сказать, как ей тяжело.

Сколько времени ехали до повортки, поп Савелий затруднился бы ответить. Самое время как-то потеряло свое течение... Долго ехали, а сколько — трудно сказать. Поп Савелий задремал и очнулся только тогда, когда сани остановились. Это был давешний сугроб, а сила уже не давешняя.

— Ах, милая... — проговорил поп, вылезая из саней с величайшим трудом — от каждого движения руки и ноги резало точно ножом. — А ведь этак и замерзнуть недолго, — подумал поп, припоминая свою дремоту. — Точно проморило...

Он попрыгал на снегу, похлопал руками, подтянул потуже опояску и принялся за лошадь. Надо ее вытаскивать из снегу... А Лысанка уже лежала, вытянув голову: ногами она не доставала твердой дороги. Поп Савелий отоптал кругом снег и потянул Лысанку за повод, — она продолжала лежать. Пришлось отаптывать сани и выгрести снег из-под передка прямо руками. А ветер так и пронизывал насквозь... Даже дышать трудно.

— Лысанушка, милая...

Лошадь тяжело дышала, полузакрыв глаза. Отдохнув в снегу, она сделала отчаянное усилие и рванулась всем телом. Сани были выхвачены. Почувствовав под ногами твердую дорогу, Лысанка храпнула, мотнула головой и встряхнулась так, что затрещали гужи.

Поп Савелий рассчитывал, что согреется от работы, а вместо того его так и валила с ног какая-то мертвая усталость. Он с трудом забрался в сани, подкорчил под себя ноги и окоченевшие руки спрятал за пазуху. Лысанка была предоставлена самой себе и пошла мерным шагом, как всякая возовая лошадь. Иногда она останавливалась, чтобы сделать передышку, мотала головой, фыркала и опять начинала тяжело шагать. А вьюга разыгралась вовсю... Даже здесь, в лесу ничего нельзя было рассмотреть в двух шагах, перед глазами ходила какая-то мутно-белая стена.

Всего сильнее у попа Савелия мерзли руки и ноги. Ужасное чувство, когда живая кровь начинала застывать в живом теле... Он несколько раз выходил из саней и пробовал согреться на ходу, но только сильнее уставал. Да и дороги оставалось немно-

го: всего податься верст пять. Лысянка напрягала последние силы, вытянув шею.

— Лысанушка, не выдавай!..

Поп Савелий прилег на левый бок, подставив под ветер спину. Так будто теплее... А шубенка совсем негодящая, да и нет другой. Эх, поторопился, надо бы надеть под шубу стеганый, теплый подрясник. Тоже старенький подрясник-то, а только куда бы теплее. Еще при покойной попадье был сшит. Мастерица была... Кабы жива была, пожалуй, и не пустила бы в такую непогоду. А там народ в церкви ждет... Старики которые поворчат, ну, да пусть ворчат: дело Божье сделано. Дождалась-таки Парасковья-то... Уж глаза мутные стали, а попа признала. Все они такие: пока здоровы, так все на попа, а помирать пришлось — за попом. Поп и с живого и с мертвого дерет и еще разное другое. Конечно, темнота... А вот где это звон? Неужели в Полеме заблаговестили, не дождавшись его? Поп Савелий прислушивается — нет, это ветер гудит в лесу.

Гудит ветер, белым саваном гуляет вьюга, стонет дремучий лес... А что это там впереди? Зеленый огонек... раз... два... три... волки!.. Поп Савелий в ужасе открывает глаза, нет, опять поблазнило. Дрема так и клонит. А Полема уж совсем близко, он это чувствует, потому что Лысанка прибавила шагу. Да, близко... Вон искоркой затеплился первый огонек... другой... третий... Лысанка понеслась стрелой. Сейчас и обедню начинать. Слава Богу, все благополучно. А народ уж ждет попа в церкви. Только подъехали сани к ограде, как и колокол загудел. Поп Савелий быстро заходит в церковь и чувствует, как его охватывает живое тепло... Он идет прямо к

местному образу, хочет помолиться и видит чудо: младенец Христос улыбается ему и протягивает руки:... Страшно сделалось попу Савелию, жутко, а другие ничего не замечают и только смотрят на него.

— Смотрите... смотрите... шепчет поп Савелий. — Великое чудо мне недостойному...

И все-таки никто не видит, и попу Савелию делается все страшнее, а Предвечный Младенец все улыбается и все тянется к нему простертыми вперед руками.

4

Когда сани с попом Савелием пропали в ночной мгле, лесник Евтроп несколько минут стоял у церковной ограды в тяжелом раздумье. Возвращаться в церковь ему не хотелось, да и идти больше было некуда. Провожавшая попа толпа мужиков разошлась, и он слышал, как кто-то сказал:

— Поделом вору и мука...

От этих слов у него закипело озлобление против всех. Чему они обрадовались? Чужая беда сладкой показалась. Евтроп посмотрел на мутное зимнее небо, прислушался к завывавшей метели и пожалел попа Савелья: как бы не застрял он где-нибудь в сугробе. Ну, да Лысанка выволокет...

Так он в церковь и не пошел, а присел на деревянную лавочку у паперти, где летом отдыхали старики и старушки.

Толпа в церкви немного поредела. Многие разбрелись по домам, чтобы вернуться с благовестом к обедне. Оставались приезжие из соседних деревень, которым, как и Евтропу, некуда было идти. Бабы расселись на полу и потихоньку шушукались. Му-

жики сбились в кучку у старостина прилавка. У всех была одна мысль... Странно, что думали не о попе Савелье и не об умирающей Парасковье, а об Евтропе, который сидел на ветру и стуже.

— Тоже совесть есть... — говорил кто-то из стариков. — Как собака на сене лежит: сама не ест и другим не дает, так и он у себя на кордоне. Сколько из-за него протоколов написали... штрафы... высидка...

— Кровь нашу пил!..

— Жалованье от казны получает... Тоже чиновник!..

— Вот и отлились медведю коровьи слезы.

Выгрузив весь запас накипевшей ненависти, мужики замолчали. Старик-староста, нахмурившись, пересчитывал медные деньги. В церкви слышалось теперь бабье сдержанное шушуканье. Лесные бабы расселись на полу, как редька на гряде. У всех головы были замотаны яркими бумажными шальями, какие надевались только по праздникам. Бабы обсуждали вопрос, дождется Парасковья попа или не дождется.

— Как не дожждаться, бабоньки... Тоже ведь христианская душа. Матушка-Заступница поможет... Такое дело-то...

— Одна-одинешенька на кордоне-то замаялась... Устигла беда невзначай.

— А около-то девчурочка махонькая... Испить некому подать... Не приведи Господи, никому!

— И поп у нас простой... Другой бы не поехал от обедни.

— Простой, на што проще... Да и то сказать, не чужое горе: сам попадейку молоденькую схоронил от родов. Мужики-то даве не пуцают, а ему охота, значит, попу...

— Охота не охота, а обязан, потому Божье дело, ежели Парасковьян час пришел... А где же Евтроп-то?..

— На лавочке сидит у паперти...

— Ах, бабоньки!.. Да ведь стужа на дворе?..

В этой толпе боролись два чувства: исконная ненависть к леснику и жалость к его настоящему положению. Очень сильно было первое чувство и долго не уступало второму. Толпе нужно было выговориться и вылить накипевшее зло. Затем наступила тяжелая пауза...

— А куда он с ребятишками-то денется? — слышалось на бабьей половине.

— Ох, и не говори: совсем пропащее дело. Таньке-то только в Петровки восьмой годок пошел, а под ней мальчонка, почитай еще из сосунков не вышел, да еще ребенок грудной... Евтроп-то по лесу шляется, а как ребята будут?

— Не вовремя Парасковья надумала помирать... Обождать бы ей лет с пять.

— И жениться Евтропу на детей мудрено...

— Хорошая девка ни в жисть не пойдет...

Прихлынувшее к ребятам-сиротам сожаление сразу перевесило враждебное чувство к Евтропу. Умный старик-староста выждал именно этот момент, подозвал к себе особенно злобившегося на Евтропа мужика и сказал:

— Сегодня какой день-то мил-человек?.. То-то вот... Ты злость свою не забыл, а там живой человек мерзнет. У него сироты... Ступай-ка да приведи его обогреться. Может, и тебя Господь простит... Не нашего это ума дело, да и час не такой.

Лесной мужик только вздохнул. Он тяжело вышел из церкви. Евтроп сидел на своей лавочке, опустив голову.

— Евтроп... а Евтроп? Чего студишься-то задарма... Староста велел тебя в церковь вести... Обогрейся ужо...

Лесник не понял, что ему говорил мужик, — это был тот самый, который сказал давеча: поделом вору и мука.

— Да иди, говорят!.. Чего идиолом сидишь здесь.

Евтроп поднялся и молча зашагал на паперть. Его провели в сторожку, где жарко топилась печка. Сторожка была маленькая, и лесник не знал, как ему повернуться. Кто-то посторонился и уступил ему место у печки. Все молчали и только было слышно, как в трубе завывает вьюга.

— Где-то теперь поп Савелий катит, — заметил старый трапезник, мешая угли в печи. — Поди уж повертку проехал...

Лесник встрепенулся. Он сразу прикинул в уме время, непогодь, Лысанкину силу и вырешил:

— Как раз сидит поп в сугробе на повертке... Ну, да ничего, Лысанка вызволит в передний путь.

Опять молчание. Опять только один ветер завывает в трубе. К огню протянуты корявые, мозолистые руки; на лица падает красная колеблющаяся тень. Евтроп поглощен мыслью о своем лесном гнезде. Его опять охватывает жуткое чувство. И Парасковью жаль, и ребятишек, да и себя по пути. Какой он теперь человек будет? Здорова была Парасковья, так и в счет не шла. Бивал он ее под пьяную руку не раз... А вот и его Господь нашел: как крышкой накрыло горем-то. Людям праздник, людям радость, а ему потемки. Ужо домовину* надо налаживать. И кряж есть такой на примете.

* Домовина — гроб. В лесных местностях делают гроб из цельного дерева.

— Теперь, надо полагать, поп требу правит... — заметил старший трапезник, подбрасывая в печку дров.

— Надо полагать... — согласился Евтроп, прикидывая в уме время. — Как вот он назад-то поедет. Пожалуй Лысанка из силы выступит... Тоже не легкое место три конца в такую непогоду сделать.

Мужики заговорили о Лысанке: выдержит или не выдержит?

Устигнутый несчастьем лесник теперь сделался предметом общего сочувствия, хотя открыто этого никто и не высказывал. Ах, миляга, жаль... Могутный мужик, а без бабы грош ему цена. Лесным делом и с ребятишками некуда деться. В деревне соседки бы присмотрели, ну, старушка какая бобылка подомовничала, а на кордоне одни изомрут. Жаль мужика, вот как жаль.

Евтроп чувствовал это поднимавшееся к нему сочувствие, как чувствовал теплоту от горевшего в печи огня. Раньше его поддерживало общее озлобление, а теперь он вдруг ослабел, обессилел, изнемог и сделался таким беспомощно-жалким. В таких положениях физически сильные люди особенно жалки... Мужики это чувствовали и старались не смотреть на Евтропа. Захолонуло у него на душе, пусть сам оклемается. Главное, чтобы бабенки не разжалобили своим хныканьем.

— Ну, теперь поп назад едет...

Прошло уже часа два, и терпенье истощилось. Раньше считали часы, а теперь минуты. Самые нетерпеливые выходили на паперть, чтобы посмотреть, не едет ли поп Савелий. Уж давно пора. Наконец прошли все сроки.

— Где же поп-то? — приставали мужики к Евтропу.

— А я почему знаю: должен выворотиться...

— Может проезду нет?

— Я проехал... Больно вьюга окрепла.

— А Лысанка вывезет?

— Она-то вывезет, если в сугробе не завязнет. Может замешкался поп где-нибудь в сугробе.

Общее томительное ожидание разрешилось только тогда, когда к церковной ограде подъехали „красла” лесника. От Лысанки валил пар, от истома она шаталась на ногах, как пьяная. В краслах, скорчившись, сидел поп Савелий и не шевелился. Он казался таким маленьким... Толпа обступила красла.

— Батюшки, да ведь поп-то замерз! — крикнул чей-то голос.

Все так и ахнули. Около саней толпа росла. Послышались причитания и тихий женский плач, а поп Савелий лежал в краслах с таким блаженно счастливым лицом, как тихо заснувший ребенок.

ЧУДО АРХАНГЕЛА МИХАИЛА

Апокриф новейшего времени

Вырывался из города в декабре, как из темницы. На ногах висели гири: безденежье, заботы, немощи. Решив разом разделаться со всеми делами: переездом начальника, добыванием денег и праздником, сгрудил все на один день: Введение во Храм Пресвятой Богородицы... Утром — на литургии, затем переезд, визиты к друзьям в поисках денег, а вечером, с колотящимся сердцем, я достиг вокзала, ведя неумолкаемый диалог с вьющимися вокруг, в синем морозном воздухе, помыслами. Поезд уже на путях, а в кармане лишь на половину билета. Бегаю вдоль вагонов, пытаюсь уговорить проводника и, наконец, забираюсь в купе проводников. Через несколько минут поезд трогается. Располагаюсь на верхней полке. Наваливается тяжелый сон: гудят споры, вмешиваются расчеты, обрывает спешка.

Просыпаюсь. Окна плачут, на душе медленно воцаряется мир, стирая накипь вчерашнего дня. Утихает жужжание помыслов. Вокзал. Еще полдня пути, пересадка, опять автобус. За окном бесснежные поля, голые деревья, хутора и тишина, словно выдернута розетка говорливого, заполонившего весь мир, радио. Она ударяет, надолго оглушая меня. Вскоре тишина заполняет грудь.

Вздых — открывается лес. Рывок — поляна, хвойный лес, а там, сквозь ели, видны постройки.

Мирные, прозрачные воды лесной обители. Я с головой погружаюсь в ее родниковые струи. Проходит день, второй, прежде чем ко мне возвращается слух.

День в обители насыщен до отказа. Ранним утром — служба, краткий отдых, послушанье, обед, отдых, послушанье, служба, ужин, а там ночь. Послушанье в этот раз — строительство моста через канаву, опоясывающую обитель. Берусь командовать двумя бородатыми мужиками. Один беспрекословно подчиняется, работает с ним легко. Другой же, Аким, в сапогах, ватных штанах, с бесцветным лицом, осаждаемый старухами, уходит с ними в лес и долго проповедует. Видимо, о конце мира, который вот-вот грянет. Этого снести я не могу. Вскипает раздражение и выплескивается начальственным окриком. Он действует, и следующий день Аким возит щебень, уравнивая мост с дорогой.

Вечером выясняется, что Аким точно знает год, когда мир запылает в очистительном огне: 1977.

Откуда такие убедительные данные? Сказано, „никто, кроме Отца, не знает сроков”.

— Никто не знает дня и часа, — уточняет Аким, — но кое-кто знает год.

Разубедить его не удастся. В келье спим втроем. Взбудораженный спором, ворочаюсь, долго не могу заснуть. Мешает жарко натопленная печь и отсутствие форточки. С соседней постели разносится громкий храп. Все усилия заснуть тщетны. Поворачиваюсь, трясую изо всех сил спинку кровати Акима. Храп на мгновение умолкает, но тут же воскресает. Трясу до тех пор, пока не раздастся испуганный голос Акима:

— Ты чего?

Выговариваю ему с раздражением. Он садится на край постели, трет глаза, молча выслушивает. Встает, долго возится, потом обувается, берет огарок свечи, зажигает его от лампадки, вытаскивает из-под подушки тетрадь и начинает вполголоса читать. Прислушиваюсь — это акафист Божьей Матери. Успокаиваюсь и начинаю задремывать. Сквозь сон слышу, как Аким встает на колени, всхлипывает, плачет. Мне становится не по себе. Дремота мгновенно исчезает. Жжет раскаяние, мучает совесть, пока не приходит спасительное решение: подойти завтра в храме к Акиму и попросить у него прощения.

Утром, по морозцу, идем в храм. Черные фигурки паломников спешат со всех сторон. В храме тепло, на полу расстелены ковры, горят свечи, иконостас убран живыми цветами. Аким уже в храме. Подхожу к нему и молча отвешиваю поясной поклон. Он отвечает молчаливым поклоном. Исповедываться иду с легким сердцем.

Через день я уезжаю. Аким еще остается. Узнав, что у меня больной желудок, предлагает мне лечение — возложение рук и молитву. Я соглашаюсь, но в заботах последнего дня не успеваю вспомнить о его предложении.

Прошло полгода. Я вновь посетил обитель. Второй мужик, с которым мы строили мост, прижился в обители и рассказал мне, что Аким еще долго жил, хотел устроиться алтарником, хотя читает по слогам. Из обители его выгнали, т. к. собирая вокруг себя женщин, он вызвал праведный гнев монахинь. Еще я узнал, что Аким уже несколько лет странствует, жена выгнала его из дому,

дети отказались от него. Пытается лечить людей. Одна из его „лечебных молитв” попала ко мне. Я лишь немного подправил ее и снабдил примечаниями.

1975

АПОКРИФ

Радуйся, архистратиге Михаиле Божий, со всеми небесными силами моли Бога о нас. Молитва Божьему Архистратигу Михаилу.

Господи, Боже, Царю безначальный! Пошли господина архангела Михаила на помощь рабу Твоему (имя) изъянь мя от врагов моих видимых и невидимых. Господине великий архангеле Михаил, излей благого мира на раба твоего (имя)! О господине великий архангеле Михаиле, демонов сокрушитель, запрепни всех врагов, борющихся со мною, сотвори яко овцы, сокруши яко пред лицом ветра! О господине великий архангел, шесть крылато, первый княже воеводы небесных сил херувимов и всех святых! О чудне архангеле Михаиле, хранителю неизреченный буди мне! Великий помощник во всех обидах, в скорбях, в печалех, в пустыне, на реках, на морях и на тихом пристанище избави мя. Великий архангел Михаил, от вся прелестей диавольских и цепей мя грешного раба (имя) свободи. Молим тебя и призываем имя твое святое, ускори на помощь мою, услыши молитву мою. О великий архангел Михаил, вся противящихся мне силою честнаго и животворящего креста Господня, молитвами Пресвятой Богородицы и

святых ангелов, святых апостолов и святого великого Николая Чудотворца и святого пророка Илии и святых мучеников и великомучеников Никиты и Евстафия и преподобных отцов и всех святителей и мучеников и всех святых небесных сил. Аминь. О великий архангел Михаил, помоги мне грешному (имя), избави мя от груса, потопа, огня, меча, от напрасной ночной смерти, от всякого глаза, от врагов льстивых, от бур и нанесенной и от лукавого избави меня. Великий господин Михаил архангел воеводоу и ныне и присно и во веки веков. Аминь.

ЧУДО АРХАНГЕЛА МИХАИЛА. ТАЙНА НАШЕГО СПАСЕНИЯ

Речь, произнесенная достойно чтимым отцом нашим Тимофеем, патриархом Александрийским. Он составил эту речь к празднику Чудо архистратига Михаила (6 сентября), дабы показать великую милость, дарованную от Бога человекам.

+

Мир Божий снизойдет на вас, братья христиане. Аминь. Послушайте, братья, что случилось со мной, Тимофеем, рабом Иисуса Христа. Однажды я отправился ко Святому животворящему Кресту и гробу Господню и ко всем святым местам, по которым проходил Господь наш Иисус Христос. И вот я зашел в дом святого Прохора, любимого ученика евангелиста Иоанна Богослова. После долгих поисков я нашел книгу, написанную Прохором. В той

чудной книге я прочитал следующее великое утешение Иоанна Богослова:

Однажды я шел в сопровождении ангела Божия, который объяснял мне небесные тайны о людях. И вот услышал я шум, подобный шуму многих вод, падающих с большой высоты. Когда мы с ангелом подошли ближе, то я увидел огромное озеро и ужасную казнь нераскаявшихся грешников. Я спросил моего проводника: „Объясни мне, что это за яма столь большой глубины?” Я увидел огненное пламя с множеством дыма, оно бурило и с шумом поднималось на триста метров в высоту, и какие-то черви, величиной с гадюку, ползали по телам грешников в этом озере-бездне. „Отец Иоанн, друже Божий, мучение, которое ты видишь сейчас, страшнее всех казней. Озеро это может вместить в себя весь мир, глубина его бесконечна, змеи и черви, которые грызут тела грешников, заставляют их опускаться в глубину озера в продолжение трехсот дней, потом они заставляют их подниматься со дна при помощи шеста, к которому грешники как будто привязаны”. Иоанн горько заплакал о гибели грешников. „Не плачь, отец Иоанне, друже Божий, не плачь. Ты скоро увидишь великую радость благодаря архангелу Божию Михаилу”. Великое благоволение к архангелу Божию Михаилу у Господа. „В это время я увидел в чудесной красоте самого архистратига Михаила в чудной ладье из херувимов и серафимов, в сопровождении множества ангелов и святых, великих пророков и мучеников, приближающихся к огненному озеру. Все они облечены красотой неописанной. Таким образом архангелы приблизились к грешникам, преданным на казнь. Тотчас же огонь погас, пламя дыма пере-

стало подыматься, животные¹ исчезли. Когда все утихло, архангел Михаил погрузил свое правое крыло в озеро, вывел многое множество человеческих душ и перенес их на твердь земли. Потом он опустил то же правое крыло во второй раз и вывел из озера еще больше душ, чем в первый раз. Тогда херувимы и серафимы простерлись ниц перед ним и стали просить его погрузить крыло в третий раз. Он устремил свой добрый молящий глас ко Господу, вознес мольбы о спасении и погрузил свое крыло в третий раз в озеро и вывел на своем милосердном крыле еще бесконечное множество душ. Тогда ангелы и святые, взяв, омыли эти души водою благодати и умастили благоуханием радости и поставили рядом пред лицом Божиим, и тотчас из-за завесы Господней исшел глас, который сказал: „Предстательством² архангела Михаила и Матери Моей, Пресвятой Девы, и всех моих ангелов и избранных, исполнивших на земле волю Отца Моего, введи души в рай блаженства, вечности и покоя. Аминь”.

При этом трогательном зрелище святой Иоанн подивился состраданию Михаила архангела. Ангел сказал мне: „Знай, Иоанн, друже Божий, что чудо, которое ты видел, повторяется ежегодно 6 сентября (19) в день празднования в честь чуда архангела Михаила, ибо всевидящий Бог назначил его вождем небесного воинства за великую победу, которую он одержал над силами сатаны”.

Когда иудеи безжалостно пригвоздили Спасителя ко кресту, Михаил архангел был так огорчен этим,

¹ По-видимому гадюки и черви.

² В подлиннике: представительством.

что небо и земля поблекли, не могли перенести его великой скорби и огорчений. Когда Спаситель восстал от гроба, он отвалил камень, принес благую весть женам-мироносицам, и он же удержал сатану, отнял у него, что было. Бог даровал архангелу Михаилу великую силу и власть спасти даже тех, кто пребывает в муках. Господь наименовал его вождем небесных сил и 6-го сентября позволяет ему ежегодно возвести ладью из херувимов и серафимов и в сопровождении ангелов святых приблизиться к душам осужденных на мучение. Архангел Михаил помогает спастись тем, которые совершили милостыню во имя его мучеников или святых. Архистратиг Михаил предстательствует за них, которые претерпели скорбь или страдания за Имя Господне и навсегда освобождает их от казни. Архангел Михаил не перестает непременно действовать каждый год в день 6 сентября до окончания времени. В этот знаменательный день 6 сентября он падает, преклонив колена, пред завесой Божией, повергается ниц и молится о душах, находящихся в страшных муках ада, до тех пор, пока Бог не помилует людей и все, живущее на земле. 6-го сентября все ангелы собираются вокруг Михаила и завесы Божией. По благословию Бога Вседержителя архангел Михаил подходит, облеченный в одежду благости и милосердия, и возвещает всем, что Бог умилился над миром и даровал людям разум веселия.

Ты видел теперь, Иоанн, как будет счастлив тот человек, который совершит дело милосердное во имя архангела Михаила, равным образом, если кто потрудится переписать книгу сию, где находится это описание и будет читать слова сего

повествования или приносить в дар церкви сие святое сказание или кто поставит свечу или зажжет светильник, лампаду или же ладан, сделает честное какое-нибудь приношение во имя архангела Михаила, того он не забудет и наградит благочестивого. Если кто окажет милосердие бедным по своим средствам, а по смерти, по своей греховной жизни, будет ввержен в ад, тогда Господь не забудет его добро и предстательством архангела Михаила спасет его. Если кто-либо пожелает записать эти слова, то написанное надо хранить дома в чистоте и к тому человеку не войдет в дом ни язва, ни голод, ни иное что подобное; ни пуля, ни змей, никакая вражья сила не сможет повредить человеку или дому его: ни червь, ни саранча, никакая пресмыкающаяся не сможет принести вред саду и огороду его. Список этот послужит ему оружием и щитом ограждения во всех бедах. Никакой противник не переступит через них, ибо сила сих слов велика и чудесна. Да хранит вас Господь и архистратиг Михаил!

Вот что рассказал мне святой ангел Божий. Потом он отвел меня на гору Элионскую³, а затем, оставив меня, взошел на небо. Я много удивился и прославил Бога и архистратига Михаила.

Таков рассказ, найденный мною в доме Прохора, ученика Иоанна Богослова. Теперь, услышав великое откровение Евангелиста Иоанна Богослова мы не должны пренебречь нашим спасением, не переставая преуспевать в молитве, бдении, коленопреклонении и творить, не ослабевая, в добродетели

³ Так пишется в апокрифе гора Елеонская.

милостыню во имя Христа и во имя архистратига Михаила, дабы избежать вечных мучений и обрести милосердие у Бога. Если ты хочешь защититься против всех бедствий и искушений, если хочешь трапезу свою сделать благословенною, то напиши на всех углах дома своего, как внутренних, так и наружных, имя архистратига Михаила, и благодать и милость Божия снизойдут на трапезу Божию во имя архистратига Михаила. Аминь.

ПЕТЕРБУРГСКИЙ

Начало XX века. Небольшой провинциальный город на Украине.

Мы, трое братьев, живем вместе с мамой у бабушки и деда, а наш папа в плавании и из разных стран присылает нам интересные письма, которые мы всегда с нетерпением ожидаем.

Приносит их по вечерам старый почтальон, Борис Петрович, после того, как разнесет по городу всю вечернюю почту.

Принесет письмо и вручит его маме в собственные руки. Она радостно посмотрит на покрытый заграничными штемпелями конверт, и весело скажет: „Спасибо, Борис Петрович, спасибо! А теперь садитесь пожалуйста, и поужинайте, у нас сегодня очень вкусные котлеты с макаронами”.

„Та уж придется согласиться”, с деланной принужденностью отвечает старик. Сбросит с плеч уже пустую кожаную сумку и сядет в передней возле стола, на котором стоит горящая керосинка, а на ней сковорода с шипящими в масле котлетами.

К ужину Бориса Петровича всегда подается стаканчик домашней наливки.

Старик будет неспеша есть и пить, а окончив ужин помолится на висящий в углу образ и перейдет в нашу комнату.

Вот тут-то и начнется самое интересное.

Он усядется поближе к маме, возле которой лежит на столе ворох починки. Мы сейчас же тесным

кольцом окружим его и будем стараться не пропустить ни одного слова из того, что он станет рассказывать.

„Слыхали, Надежда Николаевна, што Петербургский помер?“ – спросил он маму в один из таких вечеров.

„Да что вы! Когда?“ Удивляется мама. „Сегодня, под самое утро“.

Мы еще ближе придвигаемся к Борису Петровичу. Он все это великолепно замечает, но делает вид, что это его не касается и сосредоточивает свое внимание на одной маме.

„От чего же умер? Ведь он был не старый“.

„Пятьдесят один год. А помер с горя и с вина“.

Передо мной четко встает образ Петербургского: среднего роста, сильно ссутулившийся, с очень смуглой кожей, темными выразительными глазами, с кудрявыми черными волосами и такой же бородкой. Всегда в грязном, выгоревшем не то пальто, не то халате, подпоясанном чем-то вроде веревки, в старых с бахромой брюках и стоптанных башмаках, из которых торчат голые пальцы.

На голове какое-то подобие шапки, а летом копна собственных волос, с застрявшими в них соломой или перьями.

В руке палка от собак, которых иногда науськивают на него для развлечения.

Вид Петербургского всегда вызывал у меня страх и острую жалость, особенно после того случая, когда я увидел, как из одного дома (он иногда заходил просить) красивый, сильный юноша выталкивал Петербургского в шею, а он, беспомощно семеня ногами, возмущенно бормотал: „Молодой человек, зачем же так грубо, молодой человек, я

же вам ничего плохого не сделал”.

Вообще же своим лицом Петербургский сильно напоминал Пушкина, все это находили.

„А знаете, Надежда Николаевна, какая у Петербургского жисть была?” — продолжает Борис Петрович. — „Не знаете? Вот то-то и оно! Сам Тарас Григорович Шевченко такого не придумает...”

Вы, может, помните, шо в нашем городе один помещик жил, пан на всю губу, Каширский? На Соборной улице у него здоровенный дом был, тот самый, шо в нем теперь Бородаи живут, а за городом, возле Цареборисова, большое имение находилось.

Жена у Каширского померла, детей не было и взял он себе на воспитание деток покойной двоюродной сестры, круглых сирот — девочку Дашеньку и двух хлопчиков: Капитона, старшого и маленького Сашеньку.

Для детей Каширский ничего не жалел — няньки у них были, боны всякие, учителя. Игрушки им с Харькова либо с Москвы выписывал, одевал, как куклят. Когда Капитон реальное училище окончил, он его в Петербург в ниверситет учиться послал, а племянницу никуда от себя не отпускал, потому что любил ее без памяти.

Ну, все идет хорошо, дети растут и Саше девять лет исполнилось. И написал Каширский Капитону, что когда он будет летом домой на побывку ехать, чтоб привез с Петербурга студента учить Сашу наукам, так как в реальное училище поступать пора.

Приехал Капитон и привез с собой Петербургского...

Только Петербургский, это его уличное прозвище, звали же его Николай Васильевич Брянцев.

Ясно, что таким, каким вы его знали, он тогда не был, а был из себя видный, веселый и одет, как барин и обхождение имел самое вежливое.

Короче говоря — Дашенька в него влюбилась, а он в нее...”

От этих слов мамочка беспокойно задвигалась на месте и неуверенно сказала: „Мальчики, идите спать”. Мы не шелохнулись, а старый почтальон успокаивающе остановил ее: „ Не беспокойтесь, Надежда Николаевна, я все канавки тишком обойду, а сынки ваши пусть про Петербургского всю правду услышат”, — и продолжал дальше.

„Вот полюбили они друг дружку и решили, как Николай ниверситет кончит, пожениться, но дяде ни слова не сказали, и зачалась среди их переписка. Он Дашеньке пишет, она ему, только ей он письма шлет на подругин адрес.

Все идет распрекрасно, через год Николай ученье кончит, но повидаться хочется, и на Пасху он с Капитоном к Каширскому в гости приехал.

И тут-то дядя распознал, шо они один другого без памяти любят, а он сам на Дашеньку виды имел, только сказать ей прямо остерегался.

Вытурил Каширский Николая взашей, а сам в момент хватъ Дашеньку с Сашенькой и укатил с ними в Париж.

Вы, Надежда Николаевна, хорошо знаете, шо трезние барышни не чета теперешним: они были жромные, робкие, за себя постоять не умели.

Шо могла Дашенька против дяди сделать? Ничего! Сидит в Париже, как затравленная, и бону он к ней французинку приставил, сущую ведьму, и ам за ней следит, штоб она Николаю какой весочки не послала.

Наконец, он такое дело надумал: послал Николаю письмо, от себя написанное, што Дашенька его любила и за графа замуж выходит, а ей, будто от Николая, телеграмму дал, шо он от нее отказывается, так как полюбил другую и на ей женится.

Николай пишет Дашеньке, што без нее жить не может, што за ней в Париж приедет, а дядя письма перехватывает и одно, телеграммы ей, будто от Николая подает, шо он женился и с молодой женой счастливо живет, и его забыть просит.

И кончилось дело тем, шо Дашенька упросила дядю ее свезти посмотреть Ефелеву башню и с нее от горя вниз кинулась”.

Помню, как в этом месте рассказа я вздрогнул и прижался к маме, возле которой я сидел, а она обняла меня за плечи.

„Когда Николай про это услышал, — продолжал Борис Петрович, — то вместе с Капитоном в Париж приехал, чтобы узнать всю правду, а как узнал, плюнул Каширскому в очи и проклял его...

Из Парижа приехал в наш город и долго был, как сумасшедший, а когда в себя пришел, работать начал, но недолго, и зачал пить. И чем дальше, тем горше и стал с годами таким, каким вы его знали.

По утрам, пока еще трезвый, он всегда в церковь ходил. Придет рано, и прямо к Николаю Угоднику, и молится за Дашеньку, чтобы Господь ее за самоубийство простил. Ведь это самый страшный грех! Самоубийц даже на кладбище не хоронят, а за его оградой или у дороги, и не отпевают.

Я с Петербургским дружил и он рассказывал, что сам с этой Ефелевой башни не кинулся ради того, чтобы вымолить Дашеньке прощение у Господа.

Петербургского очень реалисты любили, он им уроки по разным наукам объяснял, задачи решал. Бывало на улице весь забор мелом испишет, им объясняячи, а они то, что он напишет, к себе в тетрадки переписывают.

Все студенты, какие на побывку домой приезжали с Харькова, либо с Питера все с ним знали, потому что он здорово образованный был и на разных языках говорить умел.

Короче сказать — были такие люди, шо понимали, какой человек пропадает.

Капитон приезжал, хотел с собой в Екатеринослав увезти, но Николай не согласился: „Здесь, — сказал: — Дашенька жила, здесь ее ножки ходили, я ночью все ступеньки в доме на Соборной улице перецелую”.

А тут, полтора месяца назад, самое под Николин день, я поздно ночью домой возвращался. Лунно было, мороз, снег под ногами так и рипит. И тихо, тихо... Слышно только, как собаки за Донцом брешут.

И вдруг чую, — кто-то громко разговаривает. Шо, думаю, такое? Вышел на перекресток и вижу, посередине стоит Петербургский без шапки, котомка на снег кинута, а сам не видно кому, говорит:

„Святитель Николай, умоли Господа, чтобы Он помиловал Дашеньку, а меня за нее послал в ад, на самые страшные муки. Гореть за нее мне будет радостью, лишь бы она, родная, сияла с праведниками в раю.

Пусть мое тело покроет проказа, пусть все зло, какое есть на земле упадет на меня, только за мои страдания спаси ее! Угодниче Божий, ты меня слышишь?”

И тут, Надежда Николаевна, напал на меня такой страх, што волосье под шапкой зашевелилось, потому почуял я, шо Святитель стоит вот тут на снегу, возле Петербургского, и Петербургский его видит и говорит как с живым.

И упал я лицом в снег и не мог от страха поднять голову, а когда поднял, Петербургского уже не было.

В ту ночь он, видно, и застудился и стал сильно болеть. Кашлял жуть, я заходил к нему. В больницу не пошел и пить бросил. Все лежал и молчал, а вот вчера помер...

Борис Петрович замолчал, все мы молчали тоже. Я посмотрел на маму. Она давно перестала шить и сидела грустная, устремив куда-то свои большие глаза.

*

Хоронили Петербургского на следующий день. За гробом шло несколько бедняков и большая группа реалистов из старших классов.

На могиле поставили большой деревянный крест и выпускник Саша Устинов, красиво написал на нем:

В мире „теперь пребывают сии три: вера, надежда, любовь; но любовь из них больше”.

(Павел, 1 Коринф. гл. 13, стих 13)

А. А. Солодовников (+ 1975)

СТИХИ

ТЮРЬМА

(5 тюремных стихотворений)

*„Благо мне, что я пострадал, да-
бы научиться уставам Твоим”.*
(Псалом 118)

1

Светися, светися
Тюрьмой, душа моя.
Стань чище нарцисса,
Свежее ручья.

Оденься, омойся
Пучочки трав развесь
Как домик на Троицу
В березках весь.

Темница, чем жестче,
Суровой и темней,
Тем солнечней в роще
Души моей.

Перепечатывается из самиздатской рукописи А. А. С.
„Слава Богу за все”. Москва, 1969.

Чем яростней крики
И толще прут в окне,
Тем льнут павилики
нежней ко мне.

2

„Всякий огнем осолится,
Имейте соль в себе...”
Не огонь ли моя темница,
Не соль ли в моей судьбе?

В огне размягчилось сердце,
Очистила душу соль.
Уловлен апостольской вершей
Забыл я неволи боль.

Воскреснет вольная птица
И в самом жалком рабе,
„Всякий огнем осолится...
Имейте соль в себе...”

3

Решетка ржавая, спасибо,
Спасибо, старая тюрьма!
Такую волю дать могли бы
Мне только посох да сума.

Мной не владеют больше вещи,
Все затемняя и глуша
Но солнце, солнце, солнце блещет
И громко говорит душа.

Запоры крепкие, спасибо!
Спасибо, лезвие штыка!
Такую мудрость дать могли бы
Мне только долгие века.

Не напрягая больше слуха,
Чтоб уцелеть в тревоге дня,
Я слышу все томленье духа
С Екклезиаста до меня.

Спасибо, свет коптилки слабой,
Спасибо, жесткая постель,
Такую радость дать могла бы
Мне только детства колыбель.

Уж я не бьюсь в сетях словесных,
Ища причин добру и злу,
Но чую близость тайн чудесных,
И только верю и люблю.

4

Лен, голубой цветочек.
Сколько муки тебе суждено.
Мнут тебя, трепят и мочат,
Из травинки творя полотно.

Все в тебе обрекли умирающую,
Только часть уцелеть должна,
Чтобы стать драгоценною тканью.
Что бела, и тонка, и прочна.

Трепи, трепи меня, Боже!
Разминай, как зеленый лен,
Чтобы стал я судьбой своей тоже
В полотно из травы превращен.

5

Дорожу я воспоминаньем,
Как отец меня плавать учил.
Покидал средь реки на купаньи,
Но рядом со мною плыл.

И когда я в испуге и муке
Задыхался и шел ко дну,
Отцовские сильные руки
Поднимали меня в вышину.

И теперь, когда я утопаю,
И воочию вижу конец,
Я, как мальчик тот, уповаю
Что рядом со мною Отец.

Он вернет из любой разлуки,
Вознесет из любой глубины,
Предаюсь в Его крепкие руки,
И спокойные вижу сны.

*

Пою о Боге,
 О весенней звезде,
Об облачном беге,
 О плывущем льде.

О летящих птицах,
 О соке берез,
О счастье молиться
 До теплых слез:
О свидании с теми,
 Куда нет пути,
О том, что время
 Христу придти.

РИЗА ГОСПОДНЯ

1.

И в старину, и вчера, и сегодня
Наша Земля — это риза Господня.

2.

Благословенна земная плоть —
В тело земное облекся Господь.

3.

Благословенно реки течение —
В реке совершилось Господне крещение.

4.

Радуйся поле зерна золотого —
Хлебом является Тело Христово.

5.

Радуйся сок виноградной кисти —
Вином изливается кровь Евхаристии.

6.

Благословен синеокий лен —
Изо льна был соткан Господень хитон.

7.

Благословенны земные цветы —
В них видел Христос венец красоты.

8.

Благословенны малые дети —
Им первым обещано царство в Завете.

9.

Благословенны земные дороги —
По ним проходили Господни ноги.

10.

Радуйтесь птиц пернатые стаи —
Сам Дух Святой голубкой витает.

11.

И в мысли, что Дух проникает материю —
Нет ни язычества, ни суеверия.

12.

Недаром Господь, исцеляя слепого —
Использовал брение праха земного.

13.

И тяжко больных посылал не к врачам —
А только умыться водой в Силоам.

14.

Доньине в тоске по целительной силе —
Старушка песочек берет на могиле.

15.

И глядя на лик чудотворной иконы —
Кладет с воздыханьем земные поклоны.

16.

А мы припадаем к священным мощам —
От них как-то ближе к бессмертию нам.

17.

Так будь же свята и блаженна земля —
Долины и горы, моря и поля!

18.

И в старину, и вчера, и сегодня —
Земля наша — светлая риза Господня!

В УСПЕНСКОМ СОБОРЕ

1. Святители

Они лежат в своих гробницах
Под сводом вековых громад,
В кругу погашенных лампад,
А мимо них бездумно мчится
Маршрутом храмов и палат
Экскурсий торопливых ряд.

Бегут толпы слепые дети
На что укажут — поглядеть.
Им не обещано в билете
Явленье таинства столетий.
Лежат святители в гробницах,
А мимо них толпа влачится.

Толпы живых — лишь призрак тут,
А погребенные живут
И обвевают эти стены
Дух непреклонный Гермогена,
Петра, Филиппа и Ионы,
Огонь молитвы их бессонной.

Не спят святители, не спят,
В кругу погашенных лампад.
Они целители святые
Души смутившейся России,
Они — завет, они — залог,
Что наш народ не изнемог.
И если хочешь укрепиться
У родника духовных сил
Приди, чтоб тайно помолиться
Перед святыней их могил.

МОСКОВСКОЕ ПРЕДАНИЕ

*По свидетельству стольника Лызлова,
занесенному в Минеи, в нашествие та-
тар в 1521 г. слепая монахиня Возне-
сенского монастыря имела видение.
(Илл. очерки по истории Москвы
В. В. Назаревского. 1914 г.)*

К Москве подступали татары,
Пылало Замоскворечье.
В Кремле слепая монахиня
Недобрый видела сон.

Будто в кремлевских соборах
Качнулись надгробные плиты,
И выступили святители
Московские из гробниц.

Но их никто не заметил,
Все были захвачены битвой.
Святители как бы тайно
Спасскою башней прошли.

Их лица печальны были,
Усталой была их поступь,
Блестя, стариковские слезы
По бородам их текли.

Вот вышли они за ворота,
Прошли через Красную площадь,
Но, не дойдя до Китай-города
Внезапно замедлили шаг.

Кого осветило зарево?
Кто выступил им навстречу?
Ведь то преподобный Сергей
И Никола-угодник идут.

Быстро, быстро подходят
И оба встают на колени,
И оба в земном поклоне
Склоняются до земли.

Святители их поднимают.
— Что с вами, отцы святые?
Встаньте, не то мы тоже
Падем перед вами ниц.

— Не встанем, пока не узнаем,
Куда вы глухою ночью
Под рев пожара и боя
Уходите из Москвы?

— Уходим, отцы, уходим,
Мы с Москвой расстаемся,
Мы грешную Русь оставляем,
Нет мочи терпеть грехи.

Нельзя потакать кощунствам
Нельзя покрывать Иуду,
Черную зависть Каина
Больше нельзя терпеть.

— А мы вас молим: вернитесь!
Потерпим о русском народе
До новой черной години
Есть время ему прозреть.

Есть зерна для новой жатвы,
Есть души для новых храмов,
Есть вера для нового чуда
И кровь исповедников есть.

Взгляните в туман столетий...
Заходит новая туча.
Река кровавая льется
Брат на брата встает.

Вот если и в ту годину
Народ наш не обратится,
Тогда, отцы, уходите,
Вместе мы с вами уйдем.

Святители молча склонились
И тихо пошли обратно.
Утром в кремлевских соборах
Покоились снова они.

.....
.....

Мы грешили, блудили, лукавили,
Но святые русской земли
Пока еще нас не оставили,
От нас еще не ушли.

ЛЕТНИЙ ЗАКАТ

По вечерам над ржаными полями
Золотой иконой светит закат.
И тихо, тихо травы стоят,
И нежно, нежно звезды горят
В голубом необъятном прозрачном
храме.

Закатный свет охватил и север,
Все шире, шире, шире заря,
Благоухает скошенный клевер,
Могуче вздыхают ржаные поля.

Свет Невечерний! О, Тихий Свете!
Взгляни на молитву Твоей земли!
На белые звезды — ромашки эти,
На подорожники там, в пыли.

На колокольчики в том тумане,
На бочажок, где горит звезда,
Внемли немолчной земной Осанне!
И дай славословить Тебя всегда!

МАЙ В ЛЕШКОВЕ

По утрам просыпаюсь под пенье
Флейты иволги за окном,
И иду умываться сиренью,
Погружаясь в нее лицом.

Я целую душистые кисти,
Окропляю себя росой,
И сливаю с шуршаньем листьев
Благодарственный шепот свой.

А с недалней лесной опушки
Призывает читать канон
Настоятельный возглас кукушки
И блаженных эландышей звон.

Там, в лесу для молитвенной встречи
Все готово и сосны стоят,
Золотые затепливши свечи,
И возносится трав аромат.

Боже мой! Велика Твоя милость!
Ты позволил мне жить, как в раю,
Презирая душевную хилость
И великую скверну мою!

Дер. Лешково на реке Истра, 1957

ПОСЛЕДНЯЯ ЗАУТРЕНЯ

Рассказ

1975 год. Великая суббота...

В 10 часов вечера я пришла к своему духовному отцу, чтобы, как обычно (с тех пор, как он заболел), провести вместе пасхальную ночь, но его дочка с пропуском в кармане уехала в Елохово, а сам отец Александр крепко спал.

В большой комнате, на застеленном праздничной скатертью столе стояли кулич, блюдо с крашенными яйцами и цветы у портрета покойной матушки.

Мне стало грустно, одиноко, и, погасив свет, я прилегла на диван. С улицы доносился шум проезжавших машин, голоса, но постепенно становилось все тише, и я уснула.

Разбудил меня бодрый голос о. Александра: „Почиваете? А я хоть и плохой священник, но хочу сейчас отслужить заутреню, уже 12. А вы как, встанете?“

Я в миг соскочила с дивана. Отец Александр стоял в рясе и епитрахили. Мы пошли в его комнату. Я помогла ему завязать поручи, расстелила на письменном столе чистое полотенце, о. Александр положил крест, Евангелие, вынул книжечку с „Последованием заутрени“ и служба началась...

Сначала мы „служили“ стоя, но, быстро устав,

Из самиздатской рукописи „Непридуманные рассказы“ неизвестного автора.

сели рядом за стол и, забыв все на свете, читали и пели пасхальную службу.

Отец Александр делал возгласы, а я была и солисткой хора, и чтецом, и народом. Иногда у меня перехватывало горло и я замолкала, тогда о. Александр ободряюще начинал подпевать сам.

Когда полагалось делать возглас, голос его звучал тихо, но проникновенно, наполненный внутренней силой: „Яко Ти хвалят вся силы небесные Отца и Сына и Святаго Духа и Тебе славу воссылаем, ныне и присно и во веки веков”.

По временам он замолкал и мы тихонько плакали. Не знаю, отчего плакал он, а я плакала от радости, что есть в мире Христос и что я в Него верю.

Пропели все стихиры. Прочеть слово Иоанна Зластоуста целиком о. Александр не смог: „Дочитаете с дочкой, когда она вернется, — сказал он, — а сейчас еще помолимся”.

И он начал читать ектению. Читал не по служебнику, а свою, импровизированную.

Читал, откинувшись всем усталым телом на спинку кресла и глядя полными слез глазами на ярко освещенные лампадой образа.

Вначале он молился о мире, о Церкви, о патриархе, о духовенстве и о тех, кто хочет стать на священнический и иноческий путь. Затем умолк и снова начал: „Спаси и помилуй всех к Тебе, Господи, взывающих и Тебя ищущих”, тут он стал читать длинный список имен своих родных, духовных чад, знакомых. Потом повернулся ко мне и сказал: „Будем сейчас вспоминать и своих и чужих, в особых условиях находящихся. Если кого забуду, подскажите. Вот Ларе скоро родить... Он помолчал и снова поднял глаза к образам: „Спаси, Господи,

и помоги всем женщинам, готовящимся стать матерями, и тех, которые рожают в эту ночь, и чад их, появившихся на свет”.

И, верно вспомнив Саню и Сашу, Танечку и Мишу, продолжал: „Благослови и пошли мир, спокойствие и тишину всем в брак вступить собирающимся...”

А мужей, оставленных женами, и жен, оставленных мужьями, — утешь и вразуми.

Спаси и наставь деток, без родителей оставшихся.

Сохрани стариков в старости. Не дай им пасть духом от болезней, печалей и одиночества.

Спаси и сохрани сражающихся в бою, тонущих в морской пучине, подвергающихся насилию и нападению злых людей.

Огради одиноких путников, идущих по дорогам и заблудившихся в лесной чаще.

Спаси бездомных и дай им верный приют, накорми голодных, огради от всякой неправды и злого навета заключенных в тюрьмах и лагерях и пошли им утешение и свободу.

Помилуй прокаженных, больных всеми болезнями, какие есть на свете, калек, слепых, слабоумных.

Помилуй, дай светлую пасхальную радость живущим в инвалидных домах, всем одиноким и бездомным людям.

Прими души всех умирающих в эту ночь, дай жизнь и облегчение лежащим на операционных столах, вразуми врачей”.

Тихо шелестела старенькая шелковая ряса при каждом движении отца Александра.

Он закрыл руками лицо и замолчал. Потом спросил: „Кажется, всех помянули?”

Я вспомнила своего соседа Юрочку, его жуткого брата и сказала: „Пьяниц забыли”.

„Всех, кто в Твою Святую ночь бражничают, бесчинствует — умири, вразуми и помилуй”, — устало прошептал о. Александр.

Светила лампада перед Нерукотворным Спасом, смотрели на нас с темного неба редкие звезды, а мы сидели старые, немощные и молились Воскресшему Господу, победившему и старость, и болезни, и самое смерть.

СОДЕРЖАНИЕ

К читателям „Надежды”	5
<i>ПРЕСВЯТАЯ БОГОРОДИЦЕ, МОЛИ БОГА О НАС!</i>	
Молитвы Пресвятой Богородице. <i>Из псалтири св. Ефрема Сирианина</i>	8
Молитва Пресвятой Богородице	15
<i>ОТЦЫ ЦЕРКВИ</i>	
О молитве и трезвении. <i>Из творений святых Отцов</i>	
Преп. Н и л Синайский	16
И с и х и й, пресвитер Иерусалимский	18
Преп. Ф и л о ф е й Синайский	24
Св. И с а а к Сирианин	27
Преп. С и м е о н Новый Богослов. Слово пятнадцатое	45
<i>ПРАВОСЛАВНОЕ ПАСТЫРСТВО</i>	
Еп. И г н а т и й (Брянчанинов). Избранные письма к монахам и мирянам	54
Прот. Валентин С в е н ц и ц к и й. Монастырь в миру. <i>Проповеди и поучения</i>	95
Прот. Александр М е н ь. Проповеди	117
<i>ЖИЗНЬ ВО ХРИСТЕ</i>	
Еп. А р с е н и й (Жадановский). Отец Иоанн Кронштадтский. <i>Воспоминания</i>	125

МУЧЕНИКИ XX ВЕКА

- Еп. Герман (Рященцев). Письма
к В. Т. и Н. А. В-м 183

РУССКИЕ СВЯТЫНИ

- Е. Поселянин. На небе или на земле? 247

ВОСПИТАНИЕ ДЕТЕЙ

- Е. Трояновская. Добро и зло 255

РУССКИЕ СУДЬБЫ

- А. Волков. Вскрытие мощей
преп. Сергия Радонежского 272

- Готово сердце мое. Свидетельства об
обращении ко Христу 290

- В. Александрова. Дождь на
Светлой неделе. Дневники 313

ПИСАТЕЛИ

- Д. Н. Мамин-Сибиряк. Последняя
треба. Рассказ 351

- Лев Корнев. Чудо архангела Михаила.
Рассказ 374

- Я. А. Петербургский. Рассказ 384

- А. А. Солодовников. Стихи 391

- *** Последняя заутреня. Рассказ 403